

ПОД ВОПРОСОМ

ДЖУЛИАННА КИЗ

N. A. G. - ПЕРЕВОДЫ КНИГ

На втором курсе у Норы Кинкейд одна цель — быть невидимой. В прошлом году выбранная стратегия «одни-вечеринки-никакой-учебы» привела к трем заваленным предметам и двум уголовным обвинениям, и если она снова сделает ошибку — лишится стипендии. Но в ее плане быть невидимой есть проблема по имени Кросби Лукас. Скандально известный тусовщик, главный нарушитель покоя... и лучший друг ее нового соседа по квартире. Безбашенный Кросби, известный своими секскападами, не является частью новой серьезной стратегии Норы, но, как она быстро понимает, этот ее план еще и реально скучный. И когда его неожиданный дружеский жест вытаскивает ее голову из учебников ровно настолько, чтобы глянуть глубже его показной наглости, она с удивлением обнаруживает под всем этим забавного парня со своими недостатками. Ну и мускулы тоже никто не отменял. Но когда Нора начинает увлекаться Кросби, вес одного неправильно принятого в прошлом году решения становится тяжелее. Потому что три провальных оценки и два правонарушения — ничто по сравнению с секретом, который она скрывает...

Глава первая

На этот раз это не моя вина, честно.

Я ответила на объявление, по которому искали «серьезную, ответственную соседку по комнате», обещая в ответ то же самое. И местоположение было замечательным: тихий старый дом, в котором предпочитали жить пенсионеры, расположенный на одной из множества утопающих в зелени улиц, окружавших по периметру престижный колледж Бернема. Никакого искушения.

Именно эти слова: «серьезная» и «ответственная» — заставили меня надеть серые классические брюки с заутюженными стрелками, застегнутую на все пуговицы блузку и строгий черный кардиган, прежде чем постучаться в дверь дома под номером 203 по Фер-стрит. Я даже стянула свои непослушные каштановые волосы в некое подобие солидного пучка. И именно этот прикид заставляет меня съежиться, когда дверь открывает не мой будущий сосед «носочки-в-сандаликах», «накрахмаленный воротничок», а Кросби Лукас — суперспортсмен, известный на весь кампус тусовщик.

Я делаю шаг назад:

— Думаю, я ошиблась адресом.

Его карие глаза оценивают меня с ног до головы.

— Это уж точно.

Боже. Только я могла перепутать адрес и, постучавшись в дверь, обнаружить за ней Кросби Лукаса. Он приземистый, всего на несколько дюймов выше меня, но достаточно широкий, чтобы представить, как ему приходится боком протискиваться в дверь. Благодаря своим рыжевато-каштановым волосам и россыпи веснушек он не является классическим красавчиком, но каждому на кампусе известно, что для него никогда не было проблемой заполучить девчонку.

Посетив в прошлом году бесчисленное множество вечеринок братства, я видела его в действии. Черт, да если вы бывали хоть где-то в окрестностях колледжа Бернема в течение последних двенадцати месяцев, вы видели Кросби Лукаса. Он — душа каждой вечеринки: энергичный и несносный, вечно зажимающийся с кем-то по углам, приканчивающий кег за

кегом,вливающий в себя напиток за напитком. Он отпетый тусовщик, и пусть в прошлом году я и старалась изо всех сил быть его женской версией, для меня все как-то не очень сложилось. Отсюда и кардиган.

Я распечатала мейл с адресом, поэтому немедленно вытаскиваю листок из сумочки и, развернув его, с подозрением смотрю на Кросби, потому что адрес в письме совпадает с адресом рядом с дверью.

— Я не ошиблась.

Он почесывает подбородок.

— Правда? Хмм.

Прищуриваюсь.

— Ты действительно здесь живешь? — Я почти уверена, что Кросби живет в доме братства и всегда будет там жить.

— Технически? Я...

Его перебивает голос из квартиры:

— Крос, что ты?.. Ох, черт. Игнорируй его. Игнорируй его. Пожалуйста, не уходи! — И тогда все становится в миллион раз хуже, потому что еще только услышав топот сбегавших по деревянной лестнице ног в носках, узнаю голос — это Келлан МакВи, лучший друг Кросби, первый кобель на кампусе и мой одноразовый переписчик в чулане по пьяни.

Ох, блядские черти.

— Хэй, привет, хэй! — Келлан скользит по полу, прежде чем затормозить передо мной. Его шерстяные носки скатаны на лодыжках под черными футбольными шортами и соответствующей футболкой. Темные волосы вьются за ушами и мило торчат в разные стороны, а когда его голубые глаза встречаются с моими, в них читается искренность и желание, чтобы я не убегала.

— Я... — начинаю я, чувствуя, как горит лицо.

— Пожалуйста, не обращай на него внимания. Мне так жаль. Ты Нора, верно? Нора Кинкейд? Я Келлан. Мы переписывались по почте.

Он протягивает руку, и я автоматически пожимаю ее, несмотря на то, что выражение его лица остается безмятежно радостным, а в его привлекательных чертах нет ни намек на узнавание. Он понятия не имеет, кто я. Ну конечно, ведь прошлой весной во время нашей... интерлюдии на вечеринке братства «Альфа Сигма Фи» на мне был ярко-красный корсет и кожаная мини-юбка, а сейчас на мне кардиган. Не *маска*.

Он просто не помнит меня.

Я убираю руку, хотя мои пальцы пытаются как можно дольше задержаться в его ладони.

— В письме ты сказал, что тебя зовут Мэтью, — я стараюсь, чтобы мой голос не звучал обвиняюще, хотя это наиболее подходящая интонация в данной ситуации. Если бы я знала, что обменивалась сообщениями в духе «Я стираю по вторникам, а какого распорядка ты придерживаешься?» с Келланом МакВи, то никогда бы не заявила сюда. Но в первую очередь, я бы никогда не откликнулась на объявление «Серьезный домосед ищет такого же соседа».

— Это мое второе имя, — говорит он, умудряясь выглядеть искренне раскаявшимся. Хотя любой выглядел бы сладенько, стоя рядом с Кросби, который, скрестив свои здоровенные руки на еще более здоровенной груди, самодовольно ухмыляется, наблюдая за неловким обменом репликами. Но Келлану не нужно изображать щенячий взгляд, чтобы выглядеть виноватым и вызывать желание простить, потому что он просто... такой...

красавчик.

Ох. Нет. Забыть о красавчике. Я ищу надежности. Ответственности. Не того-с-кем-у-меня-был-секс-а-затем-он-забыл-меня. Черт, он сказал, что сам ищет именно этого. Но даже негодуя на его ложь, я понимаю, почему он так поступил. Если бы он подал объявление «Келлан МакВи ищет соседа по комнате», то получил бы миллион откликов. А на объявление, включавшее фразы «строгий комендантский час», «очень редкие гости», «любит делать домашнее задание!» прельстилась наверно только... я.

— Кросби не живет здесь, — говорит он, пихая друга локтем под ребра. — Он помогал мне перевезти кое-какую мебель, а теперь он уходит. И, возможно, даже вообще никогда не вернется.

— Вообще-то я думал остаться и помочь с собеседованием, — говорит Кросби.

— Ну уж нет. — В этом году я принимаю правильные решения и, столкнувшись с первым испытанием, не горю желанием принимать участие в «собеседовании» с двумя блядунами колледжа Бернема. Несмотря на итоговые отметки за прошлый год и приводы в полицию, у меня *есть мозг*, и он в состоянии узнать плохую идею, когда она возникает. В прошлом году я сделала все возможное и невозможное, чтобы разрушить свой школьный образ Норы-Борь², но в этом году она возвращается, чтобы остаться. Ну или, по крайней мере, чтобы окончить колледж и не загреметь снова в полицию.

— Исчезни, — приказывает Келлан, подталкивая друга к двери. Я шагаю в сторону, когда Кросби со смехом вываливается наружу. Он пахнет потом и стиральным порошком с ароматом лимона, а когда врывается в мое плечо, ухватывается за мое бедро, чтобы придержать, слишком сильно впиваясь своими большими пальцами, прежде чем отпустить.

— Извини, — говорит он, строя гримасу своему другу. — Это он виноват. Наверно, ты должна пересмотреть свое решение жить здесь. Он придурок.

Я не знаю, что сказать, поэтому не говорю ничего. Затем Кросби уходит, и остаемся только мы с Келланом.

— Прости за это, — говорит он. — Хочешь войти? Пожалуйста, заходи.

Я должна уйти. Он лгал мне, у него друг-тупица и он не помнит, что у нас был секс. А если у меня и были какие-то сомнения по поводу здравомыслия того переписа, сорок пять минут спустя они укрепились, когда я обнаружила его с крайне усердной блондинкой за ну очень публичным минетом.

Того унижения должно быть достаточно, чтобы заставить меня пуститься наутек. Клянусь, я бы так и сделала, если бы только не встретила вчера с четырьмя другими потенциальными соседями и не смогла сойтись ни с кем из них.

И если бы только мне не нужно было съезжать из моей тесной комнатки в летней резиденции к концу недели.

— Конечно, — говорю я.

Это предсказуемо милое жилище, выдержанное в том же стиле, что и остальные по соседству. Парадная дверь открывается перед крошечным холлом и лестницей, ведущей наверх в жилое помещение. Основное пространство занимает открытая кухня с барной стойкой, а в одной стене три двери, ведущие в две спальни и ванную, согласно объявлению Келлана.

Квартира светлая и просторная с паркетным полом и большими окнами. Никаких особенных наворотов, только стандартный набор бытовой техники, белые стены, и сейчас она обставляется мебелью, как Мэтью — Келлан — объяснил в своем электронном письме.

Его родители согласились платить за это место в попытке удержать его подальше от вечеринок и с условием хороших оценок, но больше они ни за что не платят, вот он и берет соседа, чтобы покрыть текущие расходы. До сегодняшнего дня я считала, что максимум, на что тратится «Мэтью» — это корм для кота и новые настольные игры. Но теперь...

— Присаживайся, — говорит Келлан, жестом указывая на маленький деревянный столик, в данный момент стоящий на нейтральной территории между дверью, гостиной и кухней. Скорее похожей на коридор, если честно. А по мнению Келлана и Кросби — в столовой.

Я усаживаюсь, чопорно закидывая ногу на ногу, затем выпрямляю их и скрещиваю в лодыжках. Дергаю свой воротник, уверенная, что моя рубашка пытается меня задушить. В последний раз я надевала ее в период тусовок с пурпурным ажурным лифчиком, расстегнув четыре верхние пуговицы. Сегодня, однако, мне пришлось надеть ее со спортивным топом, чтобы пуговицы сошлись на груди. Четвёртый размер при миниатюрном строении усложняет процесс одевания.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спрашивает Келлан. Дождавшись, когда я покачаю головой, он садится и кладет руки на стол. Смущенная улыбка открывает его белые и ровные зубы, уголок рта чуть насмешливо изогнут с одной стороны, являя ямочку на левой щеке. Да, я знаю, что у Келлана МакВи есть ямочка на левой щеке. Все знают. Как и то, что он жмет двести восемьдесят, пробегает мило за пять минут, в прошлом году пришел третьим на национальных соревнованиях по легкой атлетике и учится на втором курсе, получая степень по социологии. Попросту говоря, он представитель элиты Бернема, и вот она я, в его гостиной. Столовой.

Нашей столовой.

Нет. Я не могу даже рассматривать такой вариант. Это заведомо провальная затея — в прошлом году у меня было столько неудач, что на всю жизнь хватит. По сути, у меня даже не будет жизни или будущего, если я повторю слабые показатели прошлого года, отсюда и выбор нового чопорного и правильного образа жизни. Нора-Бора — Обновленная версия. С особым акцентом на скучности.

Заставляю себя улыбнуться в ответ, затем изучаю свои не покрашенные ногти, стараясь сообразить, что именно сказать в подобной ситуации.

— Ты сказал... — начинаю я, и в этот же самый момент Келлан говорит:

— Я знаю...

Мы оба прерываемся, а затем неловко смеемся.

— Ты первая, — говорит он.

— В твоём объявлении было сказано, что ты серьезный и ответственный, — говорю я, ненавидя себя за то, как неубедительно это звучит. — Я на самом деле не представляла себе, ну, понимаешь... тебя.

Он вздрагивает.

— Знаю. Прости. Но это на сто процентов правда. По крайней мере будет. В прошлом году меня слегка занесло, чересчур много веселился, и это дорого мне обошлось. И не только в оценках, но и в соревнованиях. Я должен был победить и... — он обрывает себя, качая головой. — Это не важно. Смысл в том, что этот год станет новым стартом. Я переехал из дома братства и хочу жить с кем-то, кто стремится к тому же. Можешь смело отрываться на вечеринках — лишь бы не здесь, — он смеется, и я осознаю, что он находит забавной мысль обо мне на вечеринке.

Ха-ха, Келлан, это долбаный кардиган, не пояс целомудрия.

— Прости, — говорит он, читая досаду на моем лице. — Я, э... Я просто подумал, что для меня и моей соседки было бы гораздо проще, если бы не было... соблазна. Чтобы не усложнять все.

Стараюсь не уронить челюсть на пол. Он только что назвал меня уродиной? Или как минимум непривлекательной?

— В смысле... — Он морщится и пробегает рукой по волосам. — Дерьмо. Я не силен в этом. Просто послушай меня. В смысле, я искал кого-то серьезного и ответственного, чтобы мы могли удержаться друг друга на правильном пути, понимаешь? Если ты не приводишь народ сюда повеселиться, то и я не привожу, а значит мы просто... учимся, верно? И, я не знаю, смотрим новости и... читаем. Уф. — Он откидывает голову назад. — Я такой идиот. Прости, Нора, это, должно быть, прозвучало так же привлекательно, как проживание в тюрьме. По правде говоря, я переписывался с полудюжиной людей, и ты единственная подошла по всем параметрам. Типа, нормальная, умная и с чувством юмора. И со строгой позицией по утилизации отходов.

Я нехотя улыбаюсь, и напряжение отпускает его.

— Ладно, — говорит он, вставая. — Позволь мне провести экскурсию по дому — может, так я смогу выбраться из лужи, в которую уселся.

Я тоже встаю, но никто из нас не двигается.

— Что ж, — он прочищает горло. — Это столовая.

Я киваю, стараясь не рассмеяться. Вся ситуация такая дурацкая и странная. Я не собираюсь становиться соседкой Келлана МакВи.

Не только потому, что он полная противоположность моему представлению об идеальным соседе, — у нас был секс.

И он *не помнит* этого.

— Это гостиная, — продолжает он, жестом указывая себе за спину. Из-за того, что мы уже довольно долго находимся в ней, никто из нас не двигается. Я просто заглядываю за его плечо. У одной стены стоит деревянная тумба с громадным плоским телевизором посередине.

— Полный пакет кабельного, — добавляет Келлан, когда я не реагирую. — Включая Эйч-Би-Оу.

Я киваю.

— Эм... — он почесывает плечо, а затем указывает за меня. — Это кухня. Я также умею готовить и наводить порядок. Моя мама была домработницей, и последнее, чего ей хотелось, приходя домой, — убирать за четырьмя мальчишками, так что я умею мыть посуду и выносить мусор. Это было правдой в письме. Я не пытался просто заманить тебя сюда.

— В этом и заключалась по большей части твоя привлекательность.

Он улыбается, и снова появляется ямочка.

— Видит бог, я опрятный. Давай покажу тебе комнаты. — Он направляется к ближайшей к кухне двери. — Они одинакового размера, одинаковой планировки. Я уже расположился в одной, но, если ты предпочла бы жить в ней, я перееду в другую. Честно говоря, думаю, Кросби просто не хотел нести матрас лишние три фута.

Я заглядываю в комнату вслед за ним. Она приличного размера, в ней легко помещается двуспальная кровать, письменный стол, шкаф и куча коробок, которые еще предстоит распаковать. Учитывая репутацию Келлана, я вроде как ожидала увидеть красные стены,

зеркальные потолки и подушки под зебру, но, может, он серьезен на счет того, чтобы начать все с нового листа. А может, он просто оформил комнату как обычный человек, а не как порно король.

— Следующая, — говорит он, открывая другую дверь и показывая мне идентичную комнату без мебели. Много дерева, большое окно с видом на заднюю парковку и голые белые стены. Полно места для моих вещей и заниматься удобно... Нет, нет. Что я делаю? Я не могу думать о том, чтобы переехать сюда, даже если ванная на удивление просторная. Я выдержу экскурсию, скажу, что подумаю, затем пойду домой и напишу вежливое электронное письмо с отказом. Те, другие соседи, были не так уж плохи, не так ли? Даже если двое находились в полчаса отсюда, один был заядлым курильщиком, а у другого было четыре кошки.

Это место еще и самое дешевое, учитывая, что аренду оплачивают родители Келлана. И у него нет кошек, и он не курит, что я ценю, и он говорит, что моет за собой посуду, что... Нет. Нет никакого списка доводов в пользу этого места. Сплошные недостатки.

— Ну, вот и все. — Келлан делает шаг назад и садится на подлокотник коричневого кожаного дивана, расположенного напротив телевизора. — А это я. Клянусь, я вовремя оплачиваю счета и буду использовать это место только для сна и учебы, никаких вечеринок. Никаких девчонок. Знаю, я говорил это в своем письме, и ты, вероятно, подумала, что я лгал...

Скорее, я подумала, что девчонки не придут, так как не польстятся на Мэтью, который говорил, что его любимая еда — макароны с сыром...

— ... но я абсолютно серьезен. Это будет наш дом, и я уважаю твои границы. Черт. Границы? Я только что сказал это? Ты поняла, о чем я. И пожалуйста, не беспокойся из-за Кросби. На самом деле он не так уж плох, но я не подпущу его близко, если он досаждал тебе.

Выдавливая улыбку. Это место замечательное. И если бы не Келлан, я бы с радостью согласилась. Но говорить людям, что я живу с Келланом МакВи, это как сказать им, что я живу в кондитерской или в банковском хранилище — они будут дружить со мной по незавидным причинам. Не говоря уж о моем собственном... искушении. Я бы хотела сказать, что выше всего этого и являюсь единственной девчонкой на кампусе, кто не томится от желания встретиться с Келланом МакВи, но это не так. Даже учитывая крайне оскорбительный я-не-помню-о-сексе-с-тобой момент, он все равно супергоряч. И кажется милым. И вроде как придурковатым, что делает его неожиданно протестным, и...

Нет. Что я делаю? Я не могу основываться на этом. Нет ничего, что он может сказать...

— А еще я могу отсрочить оплату аренды, — поспешно предлагает он. — Как насчет отсутствия арендной платы до января? Я уже говорил тебе, мои родители платят за это место, и у меня есть кое-какие сбережения. В письме ты говорила, что работаешь в кофейне, верно? Ты можешь потратить те деньги на учебники, или рождественские подарки, или еще что-то, а платить можешь начать потом, в январе, если все еще захочешь остаться здесь. Если нет, я не обижусь. Это будет как пробный заезд.

Я не ослышалась? Без арендной платы?

— Дело в спальнях? — спрашивает он, неверно истолковывая мою нерешительность. — Ты можешь свободно выбрать...

— Со спальнями все в порядке, — говорю я.

Не делай этого.

— Все выглядит здорово, — слышу, как добавляю.

Милая квартира, отсутствие арендной платы, горячий сосед?

Я не могу.

— Так... Мы делаем это? — он посылает мне робкую улыбку, сверкая ямочкой.

Не пялься на ямочку.

Я смотрю на его грудь, протягивая руку.

— Мы делаем это.

Глава вторая

Итак, ладно, сегодняшней день пошел немного не так, как планировалось. По *большей части* все шло по плану: мне нужно съехать с моего текущего жилья до выходных, и я нашла отличную бесплатную квартиру, но ясно, что мой сосед не книжный червь, которого я ожидала увидеть. И однажды у нас был секс в чулане, а затем он забыл об этом.

Я падаю на край матраса в своей комнатке размером с обувную коробку, стараясь убедить себя, что приняла верное решение. То есть, если бы я составила список «за» и «против», то аргументы «за» несомненно перевесили бы «против». Что такого страшного может случиться? Временно потеряю голову от своего соседа? Подумаешь. Люди все время переживают влюбленности.

Крошечное окно общежития уже открыто, но я все равно стараюсь дернуть его еще на полдюйма, будто это облегчит дыхание. После прошлогоднего сокрушительного провала мне пришлось записаться на летние занятия и переехать в Хенли — летнюю резиденцию для студентов, остающихся на лето. Комнаты едва вмещают кровать и человека среднего размера, а здание практически пустует. Из имеющихся десяти этажей используются только пять. На моем еще четверо человек. Не то чтобы у меня было много времени на общение с тремя предметами и полным рабочим днем, вдобавок к тремстам часам общественных работ.

Летние курсы и общественные работы окончились на прошлой неделе, сейчас осталась только работа в «Бинс» — в городской кофейне. В прошлом году я любила работать там, но сейчас это мучительно неловко. Эта неловкость — полностью моя вина, но после того, как меня чуть не исключили и арестовали, мне пришлось кое-что поменять. Одной из тех перемен стал разрыв с моей лучшей подругой и коллегой, Марселей Лопез. Получив выговор в кабинете декана, я исключила из своей жизни любое веселье и легкомыслие, что означало — избавиться от дурного влияния. К сожалению, Марсела однозначно попадала под эту категорию, но она не слишком хорошо приняла то, что я стала сторониться ее.

Я знаю, что сделала правильный выбор, сменив круг друзей, — или, точнее, уничтожив свой круг друзей и решив не иметь их — но я правда скучаю по Марселе. Она умная, забавная и немного сумасшедшая и она единственная во всем мире знает о перепихе с Келланом. Она бы умирала со смеху, если б услышала о нынешних событиях, но я не могу позвонить ей. А когда завтра приду на работу, то и рассказать не смогу. Она не разговаривает со мной, и это к лучшему.

Я вполне уверена в этом.

Я снимаю тесную одежду для собеседования и накидываю джинсы и рубашку с длинным рукавом. Распускаю волосы из пучка, испытывая облегчение, когда они падают красивыми локонами на спину вместо обычного вороньего гнезда на голове. И хотя,

технически, на нашем этаже есть маленькая кухня, это просто замусоленная микроволновка и плита с одной рабочей конфоркой, поэтому я отказываюсь есть там, хватаю пиджак и направляюсь в маленький торговый комплекс при кампусе, который был городом-призраком все лето.

В августе осталось два дня, но никто не сообщил об этом Матери Природе, и деревья северного Орегона уже начинают меняться: зеленые листья сменяются неброскими желтыми и красными, в бодрящем воздухе чувствуется приближение осени.

Занятия официально возобновляются пятого сентября, сразу после Дня Труда, а студентам позволено заехать третьего. А пока только я и кучка других летних студентов стоят в очереди за бургерами и фри у «Хеджхог Грил», одного из нескольких ресторанов кампуса, что остаются открытыми круглый год.

— Привет, Нора, — окликает меня Франко, владелец этого места. — Дай угадаю. Бургер. Грибы. Бекон. Маринад для фри. И... апельсиновая газировка?

— Звучит здорово, — говорю я и достаю бумажник. Это всегда звучит здорово, поэтому я всегда беру одно и то же, приходя сюда. Расплачиваюсь и, найдя кабинку поближе к стене, достаю из сумки учебник по археологии, приняв твердое решение к концу ужина втиснуть в свой мозг каждую мелочь о материнской породе и процессе раскопок. И хотя у меня нет намерения стать археологом, я завалила этот курс в прошлом году, а единственный способ ослабить боль от этого синяка в виде F^3 — снова взять этот курс.

Прочитав полстраницы о толще пород, я слышу свое имя. Поднимаю взгляд, однако не Франко зовет меня забрать еду, это Кросби Лукас подходит со своим подносом.

— Пытаешься остаться инкогнито? — спрашивает он, жестом указывая на распущенные волосы и отсутствие кардигана. — Выглядеть как студентка, а не гувернантка?

— Полагаю, это не сработало.

— Меня нельзя одурачить. — Не дожидаясь приглашения, он проскальзывает в противоположную сторону кабинки и жадно набрасывается на фри. — Что читаешь?

— Я учу.

— Я понял. Что?

— Археологию.

— Ты хочешь быть Индианой Джонсом?

— Хочу всего лишь сдать.

Он пожимает плечами.

— Конечно. Достаточно честно.

Стремительно оглядываюсь и замечаю, что несколько человек смотрят в нашу сторону. Несмотря на прошлогодние безответственные выходки, я лишь маленькая рыбка в большом пруду и не имею особой репутации. У Кросби Лукаса, однако, она есть, и хоть я и согласилась переехать к его лучшему другу, из этого не следует, что я согласна дружить с Кросби. Каждая девчонка, с которой он спал, добавляется в список под названием «Кросбабы», и я ни за что не захочу вступить в их ряды ни по слухам, ни по-настоящему.

Прежде чем я успеваю придумать, как вежливо отшить его, Франко кричит, что моя еда готова. Я отправляюсь за ней, затем возвращаюсь к столику и вздыхаю, когда Кросби не выказывает никакого желания уйти.

— Что ты делаешь на кампусе? — задаю вопрос. — Я думала, ты жил на Ферме Братств. — Короткая улица со старинными домами викторианской эпохи, превращенными в дома братств Бернема на западной стороне кампуса более чем заслужила свое название,

благодаря отвязным вечеринкам и слухам о сумасшедших выходках, которые скорее факт, чем выдумка. Уж я-то знаю, раз была там частым гостем в прошлом году.

Кросби говорит с набитым ртом:

— Тренируюсь. Зал «Ларсон» остается открытым все лето.

— Я думала, в домах братств есть гантели.

— Да? Проводишь там много времени?

— Нет, — лгу я. — Только догадываюсь. — Хотя мы с Кросби так и не были официально представлены друг другу, много раз были на одних и тех же вечеринках, и более чем обидно, что он не помнит меня.

Он закидывает пару ломтиков картошки в рот.

— У меня в комнате есть эллиптический тренажер и несколько гантелей, но этого недостаточно. И в этом тренажерном зале летом тихо, поэтому мне нравится пользоваться им, когда есть возможность.

— В этом есть смысл.

— Ты остаешься на кампусе?

— Да. Я была на летних курсах.

— Стараешься получить преимущество, а?

Ха.

— Ага, — снова лгу я.

— Келл говорит, ты переезжаешь к нему.

Молчу. Я уже знаю, что это так, но странно слышать такое от кого-то еще. Словно это становится более реальным, необратимым и почему-то неправильным. Также как когда ты знаешь, что бег нагишом по Мэйн-Стрит — плохая идея, но когда слышишь, как родители говорят: «Ты бегала голышом по Мэйн-Стрит, Нора?!» — то звучит гораздо хуже.

— Третьего сентября.

— Это должно быть интересно.

— И что это значит?

Он пожимает плечами.

— Это означает, что у Келлана благие намерения насчет того, чтобы быть в этом году примерным студентом, но я не думаю, что подобное случится. И что-то подсказывает мне, ты из тех девчонок, кто не хочет быть испорченной.

Я едва не давлюсь своим бургером:

— Испорченной?

— Да. Ты вообще ходишь на вечеринки? Выпиваешь? Тусуешься? Вот, что привлекает Келлана. Черт, ты даже носа из книги не высовываешь, но все равно должна знать. Просто мне кажется, что, возможно, ты будешь немного... возмущена. Поэтому сказал, что ты ошиблась адресом. Чтобы ты не совершила ошибку.

Я стараюсь сохранить невозмутимое лицо:

— Спасибо за заботу.

Он указывает на меня картофельным ломтиком:

— Вижу, ты не воспринимаешь это всерьез. Я просто говорю, не стоит обнадеживаться.

— И на что, по-твоему, я надеюсь, Кросби?

Он ухмыляется:

— На то же, что и каждая девчонка. Жили они долго и счастливо с Келланом МакВи.

— Я просто пытаюсь окончить колледж.

— Та же фигня, — отвечает он, отвлекаясь на шум за моим плечом. — Но иногда... мы слегка сбиваемся с пути.

— Привет, Кросби! — ковыляя на каблучищах, мимо проходит компания девчонок, одетых в крошечные летние платья, и каждая стреляет в Кросби своей самой завлекающей улыбкой.

Он кивает им:

— Леди.

— Присоединишься к нам? — спрашивает одна, словно я невидима, а Кросби ужинает в одиночестве. Кажется, это станет темой сегодняшнего дня.

— Само собой, — отвечает он, наблюдая, как они, хихикая, идут к угловой кабинке.

— Ты только что довольно легко сбился с пути.

Он смеется и стаскивает у меня кусочек фри, потому как его закончились.

— Я вернусь на него завтра. Приятно было поболтать с тобой, Нора.

— Да, — соглашаюсь я. — Это было потрясающе.

* * *

Большинство людей ненавидят переезды, но для меня это легче легкого. Все мои пожитки помещаются в пару больших спортивных сумок и два сворованных деревянных ящика для молока, и, привязав все это к своему велосипеду, я усердно кручу педали к Фер-Стрит за день до Дня Труда.

Непривычно снова видеть суету в Бернеме, после того как все лето он был мертвой зоной, но сегодня официально первый день переезда, и кампус гудит от новых и вернувшихся студентов. Повсюду, куда ни упадет мой взгляд, чуть ли не плачущие родители и встревоженные второкурсники, и все изо всех сил стараются казаться храбрыми. Руководители первокурсников, одетые в уродливые неоновые футболки, носят мегафоны, поддерживая своих нервных молодых подопечных обещаниями лучших лет в их жизни.

Я держу голову опущенной и маневрирую сквозь толпу со своей громоздкой поклажей. Облегченно вздыхаю, добравшись до тенистых дорожек, что идут по краю кампуса. Здесь спокойно, и на тротуаре свет чередуется с тенью благодаря навесу из старых деревьев. Солнце снова пробралось в Орегон, и стало настолько тепло, что даже в джинсах и топе я вся потею, пока добираюсь до квартиры.

Останавливаюсь на пешеходной дорожке и разглядываю свой новый дом. Квартиры скорее похожи на небольшие таунхаусы: каждая со своей дверью, которая выходит на крошечный газон. Фасад из красного кирпича, зеленые двери и по одному окну на втором этаже. Это... так по-домашнему.

Дом, который я буду делить с Келланом МакВи.

Парадная дверь распаивается, и, пихая друг друга локтями, наружу вываливаются Келлан с Кросби, одетые в кроссовки, шорты и одинаковые футболки команды легкоатлетов Бернема. Они останавливаются, когда видят меня, и я, неловко улыбаясь, качу велосипед по короткой тропинке к двери.

— Есть что-то еще? — спрашивает Келлан, забирая мои пожитки.

— Это все.

— Все? — Кросби выглядит озадаченным. — Где твоя кровать? Письменный стол?

— Они в пути, — говорю я. — В прошлом году я жила в резиденции, поэтому у меня нет мебели. Она должна прибыть во вторник. — Сегодня воскресенье, а завтра День Труда, так что это самое раннее, когда мебель может попасть сюда. Я не упоминаю, что она прибывает

из КЕА, поэтому очень может быть, что не соображу, как собрать ее и до следующих выходных, если вообще когда-нибудь пойму.

Я отмахиваюсь от их предложения помочь занести вещи внутрь, но они настаивают, и после одного короткого захода, моя спальня полностью укомплектована двумя ящиками с учебниками и двумя спортивными сумками с одеждой и туалетными принадлежностями.

— Дом, милый дом, — говорю я, когда они медлят с уходом.

— Ты, э, хочешь пойти на пробежку? — спрашивает Келлан. — Мы только собрались.

Определенно не хочу. Спорт не является моей сильной стороной.

— Спасибо, — говорю я, — но через час мне нужно быть на работе. Я только повешу кое-какие вещи в шкаф и уйду.

— Даже так? — говорит Кросби. — И где ты работаешь?

Хотя Келлан уже знает об этом из нашей переписки, я рассказываю им про «Бинс», который находится в центре Бернема.

— Я кучу раз бывал там, — говорит Келлан. — Не думаю, что видел тебя.

Изо всех сил стараюсь не закатить глаза. Я невидима. Понимаю.

— Должно быть, тогда я не работала.

— У них бывают вечера живого микрофона⁴, верно? — заинтересованно спрашивает Кросби. — Типа, для любого вида таланта?

Келлан не пытается сдерживаться, *в свою очередь* закатывая глаза.

— Чувак. Нет.

Я ожидаю, что он пошутит о своем таланте в исполнении приватного танца, или чего-то в этом духе, и абсолютно удивлена, когда Кросби говорит:

— У вас когда-нибудь давали представление фокусники?

Мои брови взлетают:

— Фокусники? Э, нет, не видела такого.

— Ха.

— Ни у кого нет времени на твои трюки, — ворчит Келлан, явно испытывая неловкость за своего друга. Но Кросби, похоже, плевать.

— Иллюзии, — говорит он. — У тебя нет времени на мои *иллюзии*.

Я слишком удивлена, чтобы смеяться, но издаю странный звук — нечто между фырканьем и хихиканьем. Келлан в смущении смотрит на меня, но Кросби ухмыляется, и я чувствую, как мой рот подергивается. Тот, кто может процитировать «Замедленное развитие»⁵ не может быть слишком плох.

— Есть специальная книга записей, — рассказываю ему. — Приходи в любое время и впиши свое имя.

— Может, так и сделаю.

— Не поощряй его, — просит Келлан, вытаскивая Кросби из комнаты.

— В поощрении нет необходимости, — говорит Кросби. И перед тем, как позволить Келлану победить в упорной схватке, добавляет: — Увидимся.

«Это было бы впервые», — думаю я, наблюдая, как они уходят.

* * *

К разговору о невидимости, хотела бы я, чтобы так было в «Бинс». Из-за того, что почти все, кто работают здесь — студенты, у нас довольно устойчивое расписание, и обычно я работаю с Марселой и нашим боссом, Нэйтом.

Нэйт с Марселой — полные противоположности. Нэйт — высокий блондин, хипстер в обтягивающих джинсах и очках в темной оправе, а Марсела — из тех девчонок, кто задаст трепку любому хипстеру. У нее пристрастие к сапогам-чулкам, коротким юбкам и чересчур обтягивающим топам. В комплекте с ее обесцвеченными волосами и фирменной красной помадой, она похожа на кинозвезду пятидесятых и одновременно на дерзкую школьницу, которая ненавидит меня. После ареста в мае я оборвала все связи, и вроде как надеялась, что лето вдали от Бернема поможет ей обуздать свою злость, но нет. Две недели назад она вернулась с той же жгучей неприязнью, с какой уезжала.

— Хэй, — говорит Нэйт, когда я влетаю на кухню, завязывая фартук на талии. Я припарковала свой велосипед в переулке и теперь мою руки, притворяясь, будто не замечаю, что Марсела игнорирует меня, вытаскивая противень с маффинами из духовки. — Ты опоздала, — добавляет он, опираясь о стол.

— На три минуты, — показываю я, вытирая руки. — Не рассчитала время поездки.

— Ты весь год проделывала один и тот же путь.

— Не сегодня. Я пе... — пытаюсь остановиться, но слишком поздно. Не то чтобы это стало проблемой, если бы Нэйт узнал, где я живу, но совершенно ясно, что я не могу позволить себе одну из тех квартир, поэтому очевидно, что следующий вопрос будет о соседях, а сейчас я не хочу об этом говорить.

И вообще когда-либо.

Нэйт может и не знать о Келлане, а вот Марсела знает.

— Погоди-ка, — говорит он, когда я пытаюсь проскользнуть вперед. — Ты переехала?

— Да, — бросаю через плечо. — Думаю, я слышала звонок. Пора за работу!

Локтем толкаю створку дверей в зал кофейни, вдыхая знакомый запах кофе, ванили и выпечки. Владелец «Бинс» — большой меценат, и каждый квадратный дюйм кофейни, не занятый кофе, закусками или сиденьями, предназначен для демонстрации произведений искусства. У нас есть все: от картин на стенах, до вручную сделанной мебели, скульптур, бижутерии и очень популярной коллекции русских матрешек, разрисованных под известных персонажей из фильмов.

Я узнаю женщину, ожидающую у стойки. Она часто заходит и довольно мила, но в последнее время ее заказы становятся все замысловатей, и, хотя она выглядит всего на пару лет старше меня, упорно носит шубы круглый год. Марсела назвала ее Норковая Шубка, и прозвище приклеилась.

— Готовы сделать заказ? — спрашиваю я.

— Да, пожалуйста. Я буду кофе со льдом с двойной порцией обезжиренного мятного мокко и кокосовым молоком. Без пенки.

Нэйт задерживается возле меня, и она посылает ему смущенную улыбку, которую он едва замечает. В кои-то веки я благодарна за ее мудреный заказ. Радуюсь возможности избежать дальнейших расспросов, я абсурдно долго вожусь с заказом, убеждаясь, что чашка идеально наполнена, прежде чем передвинуть ее по стойке.

— Спасибо, — она бросает очередной взгляд на Нэйта, который осторожно наполняет поднос брауни, и уходит.

— Итак, — говорит он, когда Норковая Шубка отходит, — ты переехала?

— Да. — Я добавляю мелочь в нашу коробку с чаевыми. — Просто на край кампуса. За кампус. Чуток.

Он хмурится:

— Прямо за кампусом довольно хороший район.

— Безопасно и настраивает на серьезный лад.

Он закатывает глаза. Нэйт знает все о переменах в моей жизни, и при том, что не испытывал особого восторга, когда меня арестовали, думает, что я воспринимаю все чересчур серьезно. И все же я такая, какая есть. Всегда была. Либо горячая, либо холодная, и никогда между. Либо невидима, либо под арестом.

Я начала формироваться, когда мне было тринадцать, испытывая неловкость от нежелательного внимания к своей груди. Без всякого перехода превратившись из неуклюжего, нескладного подростка в объект для улюлюканий и вожделеющих взглядов, я как могла противилась этому: мешковатые свитера, джинсы, кроссовки и отсутствие макияжа. И по большей части добилась желаемого результата. Я не получала внимания. И свиданий тоже. Никто не приглашал меня на Рождество, вечер встречи выпускников и даже на танцы. Мне приходилось ходить с соседом Чарли, который был на год младше меня. Когда приехала в Бернем из Вашингтона, то решила, что пора сменить темп жизни. Я не собиралась прятаться за безразмерной одеждой, найденной на распродажах, хотела выбраться из мною же созданной скорлупы и жить своей жизнью. Встретив Марселу на второй день в колледже, я поняла, что она была идеальной сообщницей и отличным гидом по тусовкам Бернема. Не было такого, чтоб я особо стеснялась или испытывала неудобство — я просто никогда не использовала отвязную, сексуальную сторону своей натуры.

До прошлого года.

Систематически. Бесконечно. А иногда и незаконно.

Я разогналась от нуля до шестидесяти, ни разу не нажав на тормоза, и в конце концов оказалась на обочине. Ну и вот она я. Снова вернулась к нулю, затянув пояс, расплачиваюсь за все свое веселье. Стоило ли оно того? Я бы сказала, да. Полностью ли я осознаю, что откатилась назад от шестидесяти к нулю, не пытаюсь найти приемлемую золотую середину? Опять же да.

Я получала хорошие отметки в старшей школе, но там это было несложно. А в колледже трудно. Бернем — альма-матер моего папы, что является единственной причиной того, почему я здесь, и он небезосновательно считается престижным. Среди выпускников, которыми они бахвалятся, два президента, лауреат Нобелевской премии и Верховный судья. Профессора завалят тебя, если посчитают, что ты не особо стараешься или халтуришь. Недостаточно просто посещать занятия и выполнять все задания — они хотят знать, что ты прилагаешь усилия. А в прошлом году я этого не делала. Как следствие, моя стипендия урезана наполовину, в этом году родители оплачивают недостающую сумму, а я переезжаю к Келлану МакВи, своему новому аддераллу⁶.

Пусть в прошлом году я и получила C⁷ по Статистике, но все равно понимаю провальность этого плана.

Глава третья

Окей, возможно, я придавала всей этой фигне «Келлан МакВи мой сосед» большее значение, чем, собственно, необходимо. Ведь он всего лишь парень. Парень, который приходит домой после утренней игры в футбол под дождем, снимает промокшую толстовку, проходя через гостиную, и улыбается мне, прежде чем исчезнуть в ванной.

Я упоминала, что Келлан мускулистый? Типа как-это-бывает-по-настоящему

мускулистый? Потому что так и есть. И как бы я не хотела притвориться, что мой рот наполняется слюной из-за бутерброда с арахисовым маслом, это не так. И то жаркое чувство, что распространяется по моему животу, тоже не имеет ничего общего с едой, а полностью связано с тем фактом, что я ни с кем не была с того раза в чулане с Келланом.

Долгих четыре месяца назад.

Я решительно закрываю и запираю на замок дверь перед грязными мыслишками, старающимися проникнуть сквозь дымку серьезности в моей голове, и сосредотачиваюсь на том, чтобы отнести свою тарелку в раковину, когда Келлан выходит из ванной в шортах и... и все. Только в шортах. Его темные локоны мокрые и блестящие, капельки воды скатываются между грудными мышцами и ниже, по кубикам его пресса и...

— Какие планы на сегодня? — спрашивает Келлан, присоединяясь ко мне на крошечной кухне и вытаскивая из холодильника миску макарон с сыром. Он ставит ее в микроволновку, нажимает несколько кнопок, и воздух наполняется мягким жужжанием.

— А, только работа, — говорю я. — Начинаю в два.

— И никакой последней бунтарской выходки перед началом учебы? — Сегодня День Труда, и занятия официально начинаются завтра. У меня пять предметов и две встречи с руководителем, а совмещение школы и работы должно быть более чем достаточно, чтобы держать меня подальше от неприятностей.

Качаю головой, так как подобрать слова кажется более сложной задачей, чем предполагала. Я уже видела мыло Келлана в ванной, но ощущение этого запаха на его свежeweымытом теле — его собственный способ обонятельной пытки. Я заставляю свой мозг придумать, что бы такое сказать остроумное или глубокомысленное, но выходит лишь:

— Что собираешься делать?

— Есть, — тут же говорит он, и микроволновка подчиняется команде, любезно пикая. Келлан достает миску, перемешивает, пробует и удовлетворенно кивает. Если я что и узнала о Келлане за те три дня, что мы были соседями, так это то, что он не лгал, когда говорил, что любит макароны с сыром. Он закупает их в огромных количествах, и один из наших четырех кухонных шкафов забит коробками с ними. В смысле, мне так же нравится тарелка макарон с сыром, как и любой девчонке, но употреблять их в таких количествах это вроде как противно. И все же сложно не думать о макаронах с сыром как о чем-то сексуальном и аппетитном, когда их подносит ко рту обнаженный до пояса Келлан МакВи.

— Что ж, — начинаю я, готовясь сбежать и, даст бог, не поставить себя в неловкое положение, начав пускать слюни.

— На кого ты, говоришь, учишься? — спрашивает Келлан, подтягиваясь и усаживаясь на столешницу.

Это происходит? Мы... разговариваем? Только я и Келлан МакВи?

— Пока под вопросом, — слышу собственный голос, к счастью, звучащий как обычно. — В этом году изучаю всего понемногу. А ты специализируешься в социологии, верно?

— Да, — он беззаботно пожимает плечами. — Это кажется беспроегршным вариантом. После можно двигаться во множестве направлений.

— Конечно. — Делаю глоток воды и стараюсь не выглядеть так, словно тяну время в собственном доме. Я хочу разговаривать с Келланом. Хочу, чтобы так было и дальше. Я забросила кардиган подальше в свой шкаф в ту же секунду, как распаковала вещи, и, хотя корсеты и кожаные мини-юбки полетели туда же, не хочу, чтобы он видел во мне чопорную

начинающую библиотечаршу, с которой познакомился в нашу первую встречу.

Из уважения к дождливой погоде, я надела джинсы и бирюзовую фланелевую рубашку, которая хорошо сидит и подчеркивает мою фигуру — не то чтобы он заметил это. После затянувшегося мгновения неловкой тишины я вздыхаю и разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Хэй, — говорит он.

Я останавливаюсь:

— Да?

— Ты минуешь Ферму Братств, когда едешь в город, верно? На работу?

Я притворяюсь, что мне нужно подумать об этом, будто я не проводила много времени на той улице.

— Полагаю, да.

— Ты, случайно, не могла бы завести кое-что Кросби? Ему нужно это завтра, а сегодня я туда не пойду.

Ферма Братств примерно в пятнадцати минутах отсюда, но да ладно. Мне по пути.

— Конечно, — говорю я. — Но тебе придется дать мне адрес. — А вот это правда — я знаю, что Кросби живет в доме братства, но не знаю в котором. В темноте они все одинаковые.

— Спасибо. — Он спрыгивает со стола и бежит в свою комнату, а я стараюсь не пожирать взглядом его спину с перекатывающимися мышцами. Секунду спустя он возвращается с коробкой со знакомым логотипом обувной компании. — Кроссовки, — поясняет он. — Специальный заказ. Я знаю парня, который работает в магазине, и Кросби ждал их целую вечность.

— Любитель обуви, — говорю я, изучая коробку. — Кто бы мог подумать? — Когда я думаю о Кросби Лукасе — не то чтобы я часто это делала, — то на ум приходят три вещи: развязный, мускулистый и «Кросбабы». Только одна вызывает мой интерес, но этого недостаточно, чтобы компенсировать две другие.

Келлан трясет головой:

— Не давай ему заговорить об обуви, иначе он никогда не остановится. И ни при каких обстоятельствах не позволяй уговорить себя участвовать в его магических трюках. Ты ни за что не выберешься оттуда живой.

В иллюзиях, думаю я. Не участвовать в иллюзиях.

— Принято к сведению, — говорю я. После чего зачем-то салютую.

Келлан с секунду пялится на меня, затем морщит нос и разражается искренним хохотом до колик в животе. И говоря это, я имею в виду смех до колик в прессе из шести кубиков, потому что они так сжимаются и подрагивают, что делают то же самое с моим собственным животом и тайным местечком под ним.

* * *

Двадцать минут спустя я прислоняю велосипед к парадному крыльцу обители братства «Альфа Сигма Фи». Этот викторианский дом с отслаивающейся зеленой краской находится на тенистой засаженной деревьями улице с похожими домами, окрашенными в приглушенные и респектабельные тона. Занятия начинаются через день, поэтому на Ферме Братств относительно спокойно — парни заезжают в дома, по округе болтаются немногочисленные родители, и все по-прежнему ведут себя примерно.

В «Альфа Сигма Фи» тихо, парадная дверь закрыта, под почтовым ящиком стоят горшки с большими, жизнерадостно цветущими растениями, которые словно говорят: «Доверяй нам,

мама, твой сын в хороших руках!» Которые через неделю зачахнут.

Нажимаю на звонок и слышу колокольчик внутри, а через несколько секунд дверь открывается и появляется высокий, худой темнокожий парень в костюме и галстучке, с бейджиком, гласящим: «Меня зовут Дэйн». Он внимательно меня оглядывает, и я понимаю, что они ожидают новеньких и рассчитывают произвести хорошее впечатление на родителей. Это хорошая новость. У «Альфа Сигма Фи» удачное название: все парни — спортсмены, и они очень серьезно воспринимают часть «Альфа» в их названии — каждый доказывает, что он мужик. А раз они все еще в режиме «впечатли маму», я вряд ли наткнусь на оргию.

— Привет, — говорю я.

— Привет. — Он бросает взгляд на коробку в моих руках.

— Кросби Лукас здесь живет?

— Оу, — Дэйн улыбается и понимающе кивает. — Да, да. Он живет здесь. Тебе наверх. — Он шагает в сторону, а за ним оказывается большая лестница, ведущая на второй этаж. — Вперед. Делай, что нужно.

Я моргаю. Рубашка, джинсы, час дня в понедельник? Во мне нет ничего сексуального или непристойного.

— Мне не нужно идти наверх, — говорю я, внезапно испытывая чуть меньшую уверенность, что не увижу чего-то, что не смогу потом выкинуть из памяти. Последнее, что мне нужно, — застучать Кросби с новой «Кросбабой». Я резко протягиваю бумажный пакет с коробкой Дэйну.

— Не мог бы ты передать ему? Это от...

— Скажи ему сама, — говорит он. — Какой бы «подарок» ты не принесла парню, я не хочу нести за него ответственность.

— Это не подарок...

Но Дэйн уже уходит. Ну просто верх приличия.

Я решаю просто оставить пакет внутри и попросить Келлана позвонить Кросби и сказать ему, что он здесь, но, зная, как безответственны члены братства, представляю, как быстренько поднимусь по лестнице, найду его комнату, закрою глаза и постучусь в дверь, не оставляя никакой возможности для непонимания или неловкости при встрече.

Ладно. Хватит тянуть время. Я должна быть на работе через сорок минут и вышла пораньше, чтобы у меня было время покататься по городу, пока его покой еще никем не нарушен. Из-за Дня Труда каждый занят переездом и подготовкой к занятиям, поэтому небольшой центр города будет практически пуст: лишь несколько магазинов и ресторанов открыты для местных жителей. Тихие прогулки в одиночестве — ты против этого, Келлан?

Я вытираю кроссовки о коврик у двери — думаю, его ждет та же участь, что и растения — и взбираюсь по старой деревянной лестнице на верхний этаж. В прошлом году на комнатах парней, живших здесь, были имена, и в этом году так же. Несмотря на отсутствие рева танцевальной музыки, сотни извивающихся тел и липких пятен алкоголя на полу, ничего здесь не напоминает мой прошлый опыт.

Длинный коридор с дверьми по обеим сторонам тянется через весь этаж. Некоторые открыты, но большинство закрыты, и сквозь тонкие стены до меня доносятся музыка и голоса. Иду по коридору, разглядывая имена, пока не нахожу комнату Кросби — вторую с конца.

Я медленно подхожу ближе, прислушиваясь к предупреждающим звукам — скрип пружин матраса, тяжелое дыхание, дешевая порно музыка, — но раздавались лишь странные

ритмичные глухие удары и жужжание. Я на полном серьезе думаю о том, чтобы повесить пакет на ручку и убраться отсюда, но затем говорю себе подобрать сопли и постучать. Он ведь не откроет дверь голым — я почти уверена. Ну, на пятьдесят процентов. Тридцать.

Я стучу. Комбо из стука и жужжания замедляется, а затем затихает, и через мгновение дверь рывком распахивается, являя Кросби с маленьким полотенцем в одной руке, которым он вытирает шею. Он в белой майке с большим v-образным пятном пота спереди и серых тренировочных штанах. Его лоб лоснится и блестит, и каждая перекаченная мышца выставлена на показ.

Он один.

И крайне удивлен увидеть меня.

— Нора, — говорит он, комично округлив глаза. По правде говоря, это вроде как мило, особенно теперь, когда я могу вздохнуть с облегчением, зная, что не близка к тому, чтобы столкнуться с чем-то, что обеспечит меня ночными кошмарами.

— Привет, — говорю я.

С секунду мы просто пялимся друг на друга. Это так странно — словно смотришь на дикое животное, которое до этого видел только в зоопарке.

— Эм, — я качаю головой и протягиваю пакет. — Келлан попросил меня передать тебе это. Там кроссовки.

— Верно. Ладно. Спасибо. — Он берет пакет, а затем мы еще недолго пялимся. — Что ты сейчас делаешь?

Мое сердце бухает в груди. Стыдно признать, но в прошлом году такой подкат срабатывал со мной пару раз с другими парнями. Но сегодня у меня другой ответ:

— Я иду на работу. Начинаю в два.

— Да? В два? — У него mp3-плеер в кармане, и теперь он вытаскивает его, чтобы посмотреть время. Он приоткрывает локтем дверь пошире и оглядывается себе за спину, где я вижу его небрежно заправленную кровать. — Зайди на минутку.

— Прощу прощения?

Через мгновение его лицо меняется — замешательство переходит в удивление, а затем в веселье.

— Просто приляг на кровать ненадолго, — говорит он, стараясь сохранить невозмутимый вид. — Это не займет много времени.

Я закатываю глаза, чувствуя себя глупо:

— Заткнись.

Он смеется:

— Серьезно, зайди. Мне нужен кто-то, чтобы опросить меня, а те придурки не сделают этого.

— Для чего тебе нужно, чтобы с тобой занимались? Занятия еще даже не начались.

— У меня завтра биология у МакГрегора. — Он распахивает дверь и жестом приглашает меня войти. И я зачем-то это делаю. — Все знают, что он устраивает неожиданные проверки в первый день, и я хочу быть готов к этому.

Я стараюсь слушать, но по большей части осматриваю спальню Кросби Лукаса. Она маленькая и тесная, справа у стены стоит двуспальная кровать, небрежно заправленная голубым покрывалом в клетку. На столе примостились ноутбук, стопка книг и учебные принадлежности, а вся остальная комната посвящена спорту. Источником стуко-жужжания оказался эллиптический тренажер, установленный у левой стены комнаты, рядом с

небольшим набором гантелей. Несмотря на то, что Кросби, как и Келлан, является лишь членом команды по легкой атлетике, в комнате есть клюшки, бейсбольные биты, волейбольные и футбольные мячи... почти все, что нужно, чтобы играть в любую игру на планете.

Дверцы шкафа раскрыты, и в нем виден взрыв из одежды, большая часть которой свалена в углу, на стуле и на полу возле кровати. В мусорке пара пустых пивных бутылок, но открытое окно с видом на лужайку подперто линейкой, поэтому комната не пахнет так же плохо, как выглядит.

— Вот. — Кросби хватается учебник с эллиптического тренажера и всовывает его мне в руку. — Садись и начинай задавать мне вопросы по первой главе.

Свободное место, куда можно сесть, только на кровати, и когда я стреляю тоскливым взглядом на покрытый одеждой стул, Кросби смеется. Учитывая нашу первую «кардиганную» встречу, он, должно быть, думает, что я перепуганная скромница.

— Просто садись на кровать, — говорит он. — Не то чтобы я знал, что ты придешь. Я не так уж и часто привожу сюда девчонок, чтобы «позаниматься».

— Тебе не нужны кавычки, — говорю я, садясь на самый краешек матраса. — Я и вправду буду только заниматься с тобой.

Он изображает пальцами пистолет и стреляет в меня.

— Я знал, что ты умная. — Он хватается бутылку воды из держателя на эллиптическом тренажере, осушает половину и взбирается обратно. — Окей. Начали.

Я открываю учебник и просматриваю первую страницу, стараюсь, чтобы мой голос было слышно через стучо-жужжание:

— Готов?

— Давай.

— Первый вопрос: голова и плечи, колени и?..

— Пальцы ног! — он выкидывает в воздух кулак.

— Это было просто для разогрева. Второй вопрос: фаланга пальца стопы соединяется с основанием, а оно в свою очередь соединяется с?..

— Таранной костью.

Я смеюсь и уворачиваюсь от пробки, которую он бросает мне в голову.

— А теперь задай мне какой-нибудь реальный вопрос, — говорит он. — Если все так и будет продолжаться, я буду самым умным парнем в классе.

— Не знала, что ты так любишь учиться.

— Я полон сюрпризов. — Он делает подъемы на бицепс, используя небольшие гантели, пока бежит на эллиптическом тренажере спиной вперед. Я стараюсь не смотреть на то, как двигаются его мышцы. Он намного больше, чем Келлан. У того классическая фигура бегуна — он высокий и подтянутый. Кросби скорее похож на рестлера — он приземистый, мощный и коренастый.

— Хорошо, — заставляю себя сконцентрироваться. Я должна заниматься с Кросби биологией, а не заикливаться на его теле. Меня даже не волнует его тело. Но как только я начинаю задавать ему настоящие вопросы, он изо всех сил старается отвечать верно, и это начинает меня волновать, всего лишь чуточку. Потому что он целиком и полностью настоящий — никаких намеков на его обычную дерзкую браваду. Никаких признаков парня, который танцует на столах и пополняет «Кросбабами» список на стене туалета на четвертом этаже здания Союза Студентов.

Он не гений, но очень старается и явно сосредоточен, потому что без всяких подсказок дает около семидесяти процентов верных ответов. Иногда я помогаю ему, и он хмурится, обдумывая, а затем резко, надменно кивает, когда вспоминает ответ, и все это не прекращая шагать на тренажере. Единственный раз он опускает гантели, чтобы попить воды, и сразу возвращается к ним. Он, несомненно, целеустремленный.

Кстати о целеустремленности — мне нужно идти на работу, и у меня есть только девять минут на десятиминутную поездку.

— Работа, — заявляю я, захлопывая книгу и вставая. — Мне нужно идти.

— Ах, да. — Кросби выключает тренажер и спрыгивает с него, хватая полотенце и вытираясь. Ручейки пота текут по его шее, футболка вся промокшая, и я напоминаю себе не отрывать глаз от его лица. — Я спущусь с тобой. — Он тянется за меня, чтобы открыть дверь. Эллиптический тренажер хорошо заглушал шум, но без него я слышу внизу возбужденные голоса — там явно не только Дэйн, и очевидно веселее, чем полчаса назад.

— Ты не обязан делать это, — поспешно говорю я. Ведь несмотря на то, что мы только «занимались», абсолютно никто не поверит в это, и как было бы несправедливо, если бы мой «правильный» год был запятнан, даже не начавшись?

— Мне несложно. — Он слишком близко ко мне, держит дверь и ждет, когда я выйду. Он пахнет потом и... мужчиной, и такое должно бы отталкивать, но нет. Это настолько сбивает с толку, что я вылетаю за дверь.

— Правда, — говорю я, поднимая руку, чтобы остановить его, когда он пытается последовать за мной. — Не надо. Это один лестничный пролет. Я в состоянии одолеть его.

— Думаю, парни могут сказать...

Коротко улыбаюсь.

— Я тоже думаю, что они «могут», — многозначительно говорю, перебивая его. Он беспокоится, что они могут как обычно ляпнуть что-то неуместное; я же волнуюсь о более специфических слухах. И вижу его мрачный и раздраженный взгляд, когда до него доходит, о чем я.

— Верно, — говорит он, делая шаг назад и скрещивая руки на груди. — Как хочешь.

Мне неловко, но я не передумую.

— Удачи на тесте завтра.

— Да. Спасибо. — После чего он закрывает дверь перед моим носом.

Глава четвертая

Я приезжаю на смену в «Бинс» и захожу на кухню как раз вовремя, чтобы увидеть, как Нэйт с Марселей смеются, раскладывая на противне подготовленное тесто для печенья. Это само по себе не преступление. Подозрительно то, как Нэйт отскочил, будто печенье радиоактивное и он только об этом вспомнил.

Я всегда знала, что Нэйт влюблен в Марселу. Мы все трое одного возраста — нам по двадцать один год — но Нэйт наш босс и часто ведет себя как старичок. Он старается быть профессиональным и взрослым, и за исключением двух месяцев прошлой весны, когда слал ей подарки от «тайного поклонника», не думаю, что он вел себя как-то по-другому. Думаю, он довольно-таки сильно разочаровался, что она так и не поняла, что это был он, и с той поры, кажется, махнул рукой на мечту.

— Привет, — говорю я, замирая в полушаге от них и всматриваясь в их лица.

— Привет, — говорит Нэйт, потирая рукой затылок. У него красивое лицо модели — слишком привлекательное, как, бывало, говорила Марсела — и суперголубые глаза. А сейчас эти глаза с трудом встречаются с моими, хотя Марсела, кажется, ни на что не обращает внимания. Но это может быть ее сознательной попыткой игнорировать меня.

Я приподнимаю бровь, глядя на Нэйта, затем направляюсь в зал. Кофейня довольно спокойное место, и в зале тут и там сидит с полдюжины постоянных посетителей, читая, переписываясь и попивая кофе.

Хватаю лоток и передвигаюсь по кругу, убирая со столов, а когда возвращаюсь к стойке, Нэйт с неловким видом стоит у книги записей.

— Я помешала чему-то?

— Нет, — быстро говорит он.

— Нет?

Мы оба смотрим, как Марсела выходит с подносом чистых чашек и начинает расставлять их к остальным. Нэйт на секунду задерживает на ней взгляд, и я, хмыкнув, возвращаюсь на кухню с грязной посудой. Чтобы потянуть время, хватаю оставшийся круассан и пока ем, пересчитываю инвентарь. Когда в конце концов возвращаюсь обратно в зал, вижу, как Нэйт со строгим выражением на лице говорит что-то Марселе, а та плотно сжимает рот, стоя рядом с ним. Она выглядит как ребенок, которого отчитывают и заставляют извиниться.

— Что происходит? — Быстрый осмотр помещения говорит, что у нас три посетителя, и все полностью поглощены своими собственными делами.

— Сегодня вечером мне нужно уйти пораньше, — говорит Нэйт. — Вам придется закрыться и сделать банковский депозит. Вместе.

— Во всем городе сейчас человек восемь, — спорит Марсела, явно не в первый раз. — И здесь все словно вымерли. С этим справится и одна из нас.

— Ты останешься, и вы сделаете это вместе, — говорит он удивительно твердым голосом. — Я уйду в шесть, а вы закроете двери в полдесятого, а выйдете отсюда в десять. Вместе.

Марсела закатывает глаза, но перестает спорить. Получив наше негласное согласие, Нэйт исчезает в маленьком офисе, Марсела уходит на перерыв, чтобы поработать с платежными ведомостями, а я следующие пару часов обслуживаю случайных посетителей. Марсела по-прежнему занята на кухне, и я даже не думаю о ней, пока Нэйт не выходит в куртке и с ключами от машины в руке.

— Как думаешь, вы сможете пару часов вести себя цивилизованно?

— Мы всегда такие.

— Как гражданская война, — сухо отвечает он. — Не спалите это место.

— Я? Никогда.

— И пусть вся твоя одежда останется на тебе.

— Говорила же. Я начала новую жизнь.

— Новая жизнь с Келланом МакВи?

— Как ты... — я прерываюсь, когда замечаю за его плечом Марселу на полпути к кухонным дверям и, судя по ошеломленному выражению ее лица, вероятнее всего, она слышала последнюю реплику о Келлане.

Нэйт подмигивает мне:

— В этом городе нет секретов.

Я стреляю в него предупреждающим взглядом:

— Есть.

Он указывает на нас с Марселой, пятясь назад:

— Ведите себя хорошо.

— Конечно, — отвечает Марсела скучающим голосом.

Я поднимаю большой палец, наблюдая, как Марсела отступает на кухню, и в моем животе разрастается мучительное чувство вины. Знаю, что это нечестно — сначала прервать нашу дружбу, а потом негодовать из-за того факта, что мы больше не друзья, — но так и есть. Не то чтобы ей приходилось особо стараться, чтобы уговорить меня делать всю ту фигню, что мы творили, но она — «стартовый» наркотик⁸. Супервеселый, верный и чувствительный «стартовый» наркотик в черном платье-свитере и на красной платформе.

Я нелегко пришла к решению свести все на нет. Но за нагоняем в кабинете декана последовало с полдюжины гневных звонков от моих родителей и очень суровый выговор от судьи, когда меня вызвали, чтобы наложить дисциплинарное взыскание за то, что я пьяная и голая бегала по городу. Не так уж много девушка может вынести. Лишь бы все отстали от меня, я клялась и божилась, что исправлюсь, и «исправление» включало в себя прекращение моей дружбы с Марселой. Не то чтобы она была Мисс Идеальность — в конце концов, бег нагишом был ее идеей. Просто она бежит быстрее. И прячется лучше. Потому что меня поймали, когда я сидела голая, согнувшись за компостным баком, а ее так и не нашли, хоть я знала, где она пряталась. И я отказалась назвать ее имя, что вылилось в дополнительные пятьдесят часов общественных работ.

Марсела была очень веселой, но по-прежнему дружить с ней и не посещать вечеринки — это как наркоману в завязке сказать, что просто идет в кино со своим бывшим поставщиком наркотиков — никто не будет смотреть фильм. Если я завалю еще один предмет, то лишусь стипендии и вылечу отсюда. Мои родители не могут позволить себе оплатить еще один год обучения, а заработка в кофейне едва хватает, чтобы покрывать минимальную аренду и продукты. Вот такая ситуация, и это больше, чем что-либо другое заставляет меня взять тряпку и отправиться вытирать столы, вместо того чтобы последовать за Марселой на кухню и выяснить отношения.

* * *

К восьми в кофейне мертвая тишина. Я решаю sudoku во вчерашнем «Portland Press Herald», а Марсела, сидя за одним из столов, красит ногти лаком с блестками. Нэйти не так уж волнует sudoku, но лак для ногтей точно под запретом, и я знаю, что Марсела делает это, чтобы отомстить ему за то, что оставил ее со мной. Ну и ладно — если ее гнев направлен на кого-то еще, надеюсь, она в кои-то веки забудет нацелить его на меня.

Наконец понимаю, какая цифра должна быть в правом верхнем углу, когда дверь распахивается и заходят Келлан с Кросби. Несмотря на прохладный вечерний ветерок, они одеты в футболки, шорты и кроссовки, и оба в поту.

— Привет, — широко улыбаясь, говорит Келлан, когда они подходят.

Кросби следует за ним, и что плохого в том, что я замечаю, как сильно его футболка натянута на груди? Сильнее, чем у Келлана. Что его бицепсы выглядят так, словно могут разорвать по шву рукава, если он хоть немного напряжет их.

Сконцентрируйся, Нора.

— Привет, — говорю я. Сверкаю глазами Кросби, а он слегка кивает мне. С ним и Марселой я официально выбесила половину людей в этом помещении. — Что вы здесь

делаете, парни?

Келлан сцепляет пальцы за спиной и тянется.

— Решили, что нам нужно сделать несколько забегов, пока есть возможность, и вот мы здесь. Мне нужно совершенствовать свои навыки. На национальных соревнованиях в прошлом году я пришел третьим и не могу позволить этому случиться вновь.

— Третий в стране — звучит довольно хорошо.

— Нет.

Ну...

— Это лучше, чем четвертым?

Келлан тыкает большим пальцем через плечо:

— Кросби пришел четвертым.

Кросби кивает мне:

— Ну.

Идиотка.

— Есть хотите, ребят?

К счастью, разговор о еде — легкий способ отвлечь Келлана:

— Может, немного.

— У нас нет макарон с сыром, — предупреждаю я и слышу, как Кросби посмеивается.

— Ха-ха, — говорит Келлан. — Я здесь из-за брауни.

— А ты? — спрашиваю Кросби.

— Да, — говорит он, глядя на sudoku. — То же самое.

Открываю витрину.

— У нас есть тройной шоколад и шоколад с бананом. Вы какой предпочитаете?

— Тройной шоколад, — говорит Келлан. — Обоим.

Я смотрю на Кросби в ожидании подтверждения, и он кивает. Увидев мой взгляд, Келлан объясняет, что Кросби ненавидит бананы. Я стараюсь не смеяться:

— Что? Кто вообще ненавидит бананы?

— Они отвратительны, — серьезно отвечает Кросби. — Они на вкус как грязь и их невозможно очистить. Это знак.

Почти уверена, что просто расмеюсь, если отвечу, поэтому вместо этого, прикусив язык, кладу на тарелки два безобидных шоколадных брауни. Я в полной мере осознаю, что Марсела перестала красить ногти и в открытую наблюдает за нами, и от понимания того, что ни Келлан, ни Кросби не пялятся на нее, как делают многие парни, легкая дрожь проходит сквозь меня. Они разговаривают со мной.

— Как часто ты работаешь здесь? — спрашивает Келлан, за раз откусывая половину брауни.

— Теперь, когда занятия начались, три смены в неделю.

— Это книга записей? — говорит Кросби с набитым ртом и облизывает палец, прежде чем открыть папку с пометкой «Вечер живого микрофона».

— Да, — говорю я, все еще чувствуя вину из-за того, что обидела его ранее, даже если все это было правдой. — Хочешь записаться? Это бывает лишь четыре раза в год, и следующий раз состоится через несколько недель...

— Чувак, нет, — вмешивается Келлан. — Ради всего святого, не надо.

Кросби ухмыляется ему:

— Почему бы нет? У меня волшебные пальцы, мужик. Все девчонки так говорят.

Мы с Келланом закатываем глаза.

— Говорю тебе это как друг, — добавляет Келлан. — Избавь себя от позора.

Кросби лишь смеется и пихает его локтем в бок, но, клянусь, на его лице мелькает вспышка боли, прежде чем он снова принимает невозмутимый вид. Он открывает страницу предстоящего шоу, которая заполнена лишь наполовину, хотя у нас всегда битком народу, когда наступает тот вечер.

— Она довольно быстро заполняется. Ты можешь сейчас вписать свое имя, — предлагаю я, — а если передумаешь, просто дашь мне знать, и я вычеркну его. В противном случае ты не сможешь попасть сюда.

Он наконец встречается со мной взглядом, и между нами возникает какая-то странная энергия. Словно ему известно, я в курсе того, что он хочет это сделать, равно как и в курсе того, что он не желает, чтобы Келлан узнал, насколько сильно.

— Ладно, — говорит он, качая головой. — В другой раз.

Я посылаю ему примирительную улыбку и закрываю книгу.

— Когда будешь готов.

— Хэй, — Келлан наклоняется и понижает голос. — Это Марсела Лопез, верно? — Он кивает в том направлении, где она закончила делать маникюр и теперь поправляет стенд с вручную раскрашенными деревянными ложками.

— А... — Тошнотворное чувство разочарования разливается во мне, но я не могу притвориться, что это не она. — Да, — говорю я. — Это она.

— Не знал, что она работает здесь.

Я вымучиваю очередную улыбку.

— Ага.

— Я частенько видел ее в прошлом году. — Он выглядит задумчивым, и мне хочется толкнуть его. Ты видел ее? — хочу закричать. — Я была рядом с ней! Ты не видел меня! По-видимому, даже тогда, когда мы были наедине в чулане, поддон.

— Ну, она учится здесь. — Я тереблю фартук и когда, наконец, поднимаю взгляд, не Келлан смотрит на меня, а Кросби. И снова эта энергия. Но в этот раз он тот, кто понимает мой секрет.

— Пойдем, — говорит Кросби. Слова предназначены Келлану, но смотрит он на меня. — Еще три мили.

Келлан в очередной раз стреляет взглядом в Марселу, затем вытаскивает бумажник и кладет пять долларов на стойку.

— Сдачи не надо, — говорит он. — Увидимся дома. — Он улыбается и машет, а я пялюсь на деньги, которые они оставили. Брауни, вообще-то, стоят по три доллара каждый, и, вздохнув, я вылавливаю доллар из коробки с чаевыми.

* * *

Легкий дождик, начавшийся в начале моей поездки домой на велосипеде, быстро превращается в ливень, так что я вся промокшая и в ужасном настроении, когда вваливаюсь в парадную дверь, джинсы же больно натирают ляжки при ходьбе.

Келлан с Кросби сидя на диване, играют в видеоигры, а между ними ведерко с жареным цыпленком. Сейчас четверть одиннадцатого, мое первое занятие завтра в девять, и все, чего я хочу — принять душ и пойти спать, а не слушать выкрики «пристрели их» через тонкую, словно бумага, стену.

— Хэй. — Келлан окидывает меня взглядом, когда я вхожу босая с мокрыми носками в

руке.

— Хэй.

Мы с Кросби смотрим друг на друга, но молчим, и я направляюсь в свою комнату, чтобы сменить мокрую насквозь одежду на халат и полотенце. Мне не нравится, что придется пройти между парнями и телевизором, чтобы попасть в ванную, но у меня нет иного выбора, поэтому я быстро проныриваю мимо, стыдливо сжимая халат на груди. Забираюсь в душ и пускаю горячую воду, передергиваясь, когда она бьет по моим плечам.

Мою голову, пальцами распутывая колтуны с помощью кондиционера, затем умываюсь, желая, чтобы горячая вода смыла мое плохое настроение. Меня вообще не должно волновать, считает ли Келлан Марселу горячей — каждый так думает. Черт, даже я так думаю. Это просто... больно. Переживу.

Через какое-то время я вылезаю и вытираюсь, провожу рукой по запотевшему зеркалу и смотрю на себя, когда чищу зубы. Наношу увлажняющий лосьон, затем затягиваю потуже пояс на халате и бросаюсь обратно в комнату, в то время как парни продолжают играть в свою игру.

Обычно я принимаю душ по утрам, так что, как правило, у меня не бывает нежелательных зрителей моего выхода из ванной. Сегодня, однако, клянусь, я чувствовала горячий пристальный взгляд на своих голых ногах, прослеживающий мой путь обратно в комнату.

Закрыв за собой дверь, чувствую странную незащищенность, и, полагаю, так и есть. Кто на самом деле захочет, чтобы Келлан МакВи — или Кросби Лукас — увидел их выходящими из душа с мокрыми волосами, без макияжа и в старом потрепанном халате с рисунком в виде разноцветных сов? Затем смеюсь. До сих пор я хандрила, что Келлан не замечает меня, а теперь вдруг забеспокоилась, что это произойдет.

Я меняю халат на шорты и толстовку, затем сажусь на коврик для йоги, который еще одну ночь послужит мне кроватью. У меня завтра две пары, и обе утром, так что я буду поблизости, когда днем привезут кровать и стол.

Убиваю пару часов за ноутбуком, и в конце концов звуки взрывов, доносящиеся через стену, становятся фоновым шумом. И только когда они прекращаются сразу после полуночи, я вспоминаю о них.

Я зеваю в изгиб локтя и закрываю компьютер, затем ложусь и стараюсь устроиться поудобней, что является не самым легким делом, учитывая, что коврик лишь четверть дюйма толщиной. И только мои глаза закрываются, раздается тихий стук в дверь. Я сажусь, включаю настольную лампу — в данный момент напольную лампу — и откидываю одеяло в сторону. Я ожидаю, что там Келлан, но, открыв дверь, вижу Кросби.

— Хэй, — шепчет он, внимательно разглядывая мои все еще влажные волосы, разметавшиеся по плечам.

— Что случилось?

— Можешь уделить мне секунду?

— Эм, да. — Я отчасти ожидала, что он попросит меня тайком записать его на вечер живого микрофона.

Он кивает на комнату за моим плечом:

— Там?

Я сомневаюсь:

— За...

— Расслабься. — Он кривится: — Келлан не станет распространять слухи о тебе.

— Это не то, что я... — я шумно выдыхаю. — Ладно. Входи.

Я отступаю на шаг, и он заходит, закрывая за собой дверь. Выражение его лица в равной степени шокированное и изумлённое, когда он разглядывает мою скудную обстановку: шкаф наполовину заполнен, вся одежда, что у меня есть, либо висит внутри или по-прежнему сложена в открытой спортивной сумке на полу, потому как у меня нет комода. Ноутбук лежит на одном из перевернутых ящиков для молока, другой — все еще заполнен книгами, а коврик для йоги раскатан в углу, скомканное одеяло и подушка брошены у стены.

— Что за хрень? — шепчет он.

— Мебель прибудет завтра. — Сконфуженно почесываю локоть. — Я жила в резиденции, помнишь? Мне не нужен был стол.

— Или кровать.

Я скрещиваю руки:

— Чем могу тебе помочь?

— Отличный рисунок.

Я оборачиваюсь через плечо и прослеживаю за его взглядом на лист бумаги в рамке с надписью: «Стив Холт!», выполненной лучшим почерком Марселы. Это персонаж из «Замедленного развития», и никто не знает, что это значит. Ей потребовалось, наверно, минут пять, чтобы сделать это, но я люблю его.

— Спасибо. Итак?..

Он становится серьезным.

— Верно. Так. Не знаю, в курсе ли ты, но в пятницу Келлану исполняется двадцать один, и мы хотим устроить для него вечеринку.

— Ах-ха. — После бесчисленных референций в духе «ты легко забываема», я даже мысли не допускаю, что меня пригласят, даже если я — как и каждый на кампусе — знаю о дне рождения Келлана МакВи. Не то чтобы я в принципе могла туда пойти, раз уж я теперь встала на путь праведности.

— Но... — Он смотрит на меня из-под ресниц, видимо, стараясь быть милым, и лишь отчасти достигает успеха. — В нашей компании не все совершеннолетние, так что мы не можем пойти в бар... или стрип-клуб.

Чувствую, как мой глаз подергивается.

— Ах-ха...

— И раз в сентябре в Бернеме полиция довольно серьезно патрулирует Ферму Братств, мы надеялись, что сможем устроить вечеринку здесь.

— Здесь? В квартире?

— Да, — быстро говорит он. — Это был бы один-единственный раз, обещаю.

— Ты хочешь притащить сюда, в мою квартиру, кучу пьяных парней из братства и стриптизерш? Туда, куда я переехала в полной уверенности, что она только для занятых учебной домоседов?

Он старается не рассмеяться:

— Да.

— Нет, Кросби. Выметайся.

— Это будет только один раз, Нора. Клянусь. Я никогда не попрошу тебя об этом снова.

— Перестань на меня так смотреть. Это не сработает. — Думаю о том, как неловко мне было пробегать мимо Кросби и Келлана по пути из ванны, и что бы я делала с кучей пьяных

парней и стриптизерш? Затаилась в комнате и не писала всю ночь?

— В чем проблема? — спрашивает он. — Прости, мы не можем пригласить тебя, вечеринка лишь для парней, если только ты не будешь там для стриптиза.

— Так мило.

— Обещаю, никого не пущу в твою комнату, — говорит он. — Все это... — Он жестом указывает на мое скромное имущество. — Будет в безопасности.

— А что мне прикажешь делать во время этой вечеринки, Кросби? У меня... — Останавливаю себя, пока не выпалила, что у меня нет друзей или места, где можно переночевать. Я могла бы пойти на работу или зависать в библиотеке, пока она не закроется в одиннадцать, но после этого я бы бродила сама по себе, потому как трудно представить, что вечеринка закончится рано. Скорее всего продлится до рассвета.

— Ты можешь... можешь остаться в моей комнате, — заявляет он, и его голос звучит так, будто он очень доволен собой. — Дверь запирается, я останусь здесь на всю ночь, большинство парней тоже будут здесь, и никто не узнает, что ты там. Я даже сменю для тебя простыни.

Я качаю головой:

— Это не...

— Одна ночь, — говорит он. — И я буду у тебя в долгу.

Как, нафиг, мой план держаться подальше от Фермы Братств так быстро рассыпался на кусочки? Сейчас я близка к тому, чтобы согласиться не только на то, чтобы провести там ночь, но и провести ее в комнате Кросби Лукаса.

— Если это из-за «Кросбаб», клянусь богом, я убью любого, кто скажет так о тебе. Никто не подумает, что мы... что бы ни было.

Я пробегаю рукой по лбу.

— Не из-за этого.

— Тогда...

— Покажи мне фокус.

Его улыбка застывает:

— Что?

— Прямо сейчас. Покажи фокус.

Долгое мгновение он пялится на меня:

— Зачем?

— Потому что я хочу увидеть его.

— И что тогда?

— Тогда я позволю тебе провести вечеринку здесь.

Он внимательно рассматривает мое лицо, и мне по-настоящему хочется, чтобы я не стояла тут растрепанная и без макияжа, готовая ко сну, в восьми дюймах от Кросби Лукаса, который с таким сомнением разглядывает меня, что мне понятно, никто никогда не просил его показать фокусы, не намереваясь впоследствии сделать его объектом для насмешек.

— Я не буду смеяться, — обещаю я.

Его грудью слегка раздувается:

— Мне плевать, будешь ли ты смеяться.

— Тогда я...

— Тебе нужны наличные для этого. Две купюры.

Я слышу решительность в его голосе, нежелание отступать от трудностей. Этот парень

изучает материал по предмету, который еще даже не начался, затем проводит час на эллиптическом тренажере и тем же вечером бежит десять миль. Мне без разницы, даже если трюк окажется глупым или катастрофическим, я не буду смеяться над ним, ведь он старается. Вместо этого наклоняюсь к своей «кровати» и роюсь в сумочке, бросая взгляд на Кросби, когда он садится на коврик лицом ко мне.

— Пятерка и доллар пойдет?

— Да. Отлично.

Я передаю ему купюры и тоже сажусь, скрестив ноги, чтобы иметь возможность наблюдать. Он кладет пятерку на свое колено, затем сгибает один доллар вдоль и показывает мне.

— Обычная долларовая купюра, сложенная пополам. Есть вопросы?

— Нет.

— Хорошо. Сделай то же самое с пятеркой. — Он протягивает мне купюру, и я аккуратно складываю ее по длине. Он терпеливо ждет, когда я закончу, по-прежнему держа купюру между пальцами. — Хорошо. Снова сверни ее пополам в другую сторону.

Я так и делаю, и он берет сложенную пятерку и помещает ее за доллар. Переворачивает купюры вперед-назад, чтобы мне было видно, что доллар прижат к пятерке в форме строчной t.

— Все очень просто, — говорит он. — Теперь считай до трех.

Я знаю, что происходит что-то подозрительное, но что бы это ни было, я не вижу этого.

— Раз... Два... Три...

Пока я считаю, он слегка встряхивает рукой, и на счет три один доллар внезапно проскальзывает сквозь свернутые половинки пятерки так, что она скрещивается посередине.

— Как ты...

— Ш-ш. Я не закончил. Теперь смотри. — Он дергает доллар так, что он проваливается к краю пятерки, застряв внутри.

— Кросби, серьезно, как...

Он игнорирует меня:

— Смотри.

Я всматриваюсь, когда он дергает доллар за сплошной свернутый край.

— Раз, — говорит он. — Два. Три. — На счет три долларовая купюра проскальзывает сквозь пятерку и высвобождается в его руке.

Я только умудрилась захлопнуть рот, как он снова раскрывается. Мои глаза метнулись к его.

— Расскажи мне, как ты это сделал.

Он определенно выглядит довольным моей реакцией.

— Ты хотела фокус — ты его получила. В пятницу я дам тебе ключ от моей комнаты, и ты сможешь переночевать там. А я буду защищать твой верный коврик для йоги в твоё отсутствие.

— Я даже не занимаюсь йогой.

— Нет? — Он бросает взгляд на мои голые ноги, бледные на фоне темно-синих шорт. — Меня одурачили.

Он возвращает деньги и встает, и я вместе с ним. Если бы он был повыше, был бы слишком большим, но я ростом пять футов и пять дюймов, а в нем нет даже шести. Мне нравится его рост. Он такой мощный, что будь он чуть выше, был бы огромным.

Чудовищным. Сейчас кажется, что он занимает слишком много места. Внезапно мне становится слишком жарко в моей толстовке. И сна у меня ни в одном глазу, хоть я должна уже спать.

Он хочет что-то сказать, когда легкий стук в дверь заставляет нас вздрогнуть, и мы оба поворачиваемся, чтобы увидеть Келлана, который заглядывает в комнату.

— Крос, — говорит он, глядя на нас. — Что ты?..

— Просто показываю Норе фокус, — говорит он.

Келлан выглядит так, словно подозревает что-то.

— Что за фокус? Я обещал Норе, что ты не побеспокоишь ее.

— Он и не делал этого, — быстро говорю я. — И это был довольно хороший фокус. Ты должен как-нибудь увидеть его.

Подозрительность сменяется удивлением:

— Даа?

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал непринужденно:

— Если захочешь.

— Может, так и сделаю.

Он отступает на шаг, когда Кросби выходит.

— Спокойной ночи, Нора, — говорит он, и Келлан закрывает за ним дверь.

— Спокойной ночи, Кросби, — говорю я в пустоту.

Глава пятая

Благодаря учебе с полной нагрузкой и сменам в «Бинс» я занята, но настоящая причина, по которой я не открыла коробки с деталями моей кровати и стола — просто не хочу. Я установила пружинную сетку и матрас в углу комнаты, добросовестно застелила их соответствующей простыней и одеялом, и когда Келлан поблизости, осторожно выбираюсь из комнаты, чтобы он не увидел, что у меня нет ни склонности, ни знаний собрать все это.

Сейчас вечер пятницы и ночь двадцать первого дня рождения Келлана, а на работе мне нужно быть к пяти. Чуть раньше я встретила с Кросби на кампусе, и он дал мне ключи от дома, пообещав, что к десяти все парни из братства разойдутся. Меня это вполне устраивает, потому как после работы последнее, что мне будет нужно — оказаться в пятницу вечером единственной девчонкой среди перевозбужденных парней из братства.

По крайней мере, не в этом году.

В любом случае Кросби сказал Келлану, что приедут его родители, чтобы забрать их на ужин, а после они отправятся обратно в дом братства на вечеринку, поэтому Келлан сидит в костюме и галстуке, с открытым учебником на коленях и джойстиком от видеоигры в руке, стараясь балансировать между студентом и примерным сыном.

— Привет, — говорю я, надевая пиджак. Закрываю за собой дверь, уже не впервые желая, чтобы на ней был замок. А раз его нет, придется довериться Кросби, что он никого туда не впустит. Не то чтобы у меня было что-то ценное, чтобы украсть — ноутбук в сумке, а больше ничего стоящего и нет. Или собранного.

Келлан ставит игру на паузу:

— Идешь на работу?

— Как всегда.

— Знаешь, для соседей мы нечасто видим друг друга.

Это правда. Большинство моих пар с утра, чтобы я могла работать после обеда и по вечерам, а Келлан выбрал дневные пары, чтобы иметь возможность поспать или побегать утром. Если я не работаю, то провожу вечера в библиотеке, занимаясь — я правда не думала, что «усердно заниматься» будет так трудно, но это так, — и когда прихожу домой, Келлан либо гуляет, либо спит.

К его чести, он придерживался нашей договоренности не приводить народ домой. Он реализовывал свою потребность в общении за пределами квартиры, исключение составлял Кросби. Я притворяюсь, что делаю тоже самое, но по большей части провожу время сама с собой. Марсела не затрагивает тему «соседи с Келланом МакВи», хотя точно знаю, что ее это, должно быть, убивает, а Нэйт слишком милый, чтобы по-настоящему подтрунивать надо мной из-за этого.

Это довольно странно, но больше всех я разговариваю с... Кросби.

Не буду думать об этом.

Посылаю ему улыбку:

— С днем рождения. Наслаждайся своим ужином. — Что на самом деле означает: «Обработай здесь все хлоркой, когда стриптизерши уйдут», но, когда он с широкой улыбкой благодарит меня, я просто машу в ответ и отправляюсь вниз за велосипедом.

Когда я приезжаю, в «Бинс» царит суета. С пяти до восьми мы сбиваемся с ног. Можно было бы взять еще персонал, но это местечко настолько маленькое, что большему количеству людей за стойкой просто не хватило бы места. И сейчас-то мы с Марселой и Нэйтом с такой регулярностью бьемся бедрами, локтями и отдавливаем друг другу ноги, что уже не заморачиваемся всякими там «ауч» и «прости».

Когда наконец наступает временное затишье, мы сползаем по стойке, пока Нэйт делает всем нам эспрессо. Тишина усугубляет нашу усталость сильнее, чем любая затянувшаяся неловкость, но Нэйт меняет ситуацию, говоря:

— Итак, день рождения Келлана МакВи.

Я бросаю на него взгляд:

— Ах-ха.

— Большие планы?

Я жестом указываю на кофейню:

— Это мой план.

— Ему двадцать один и он не отмечает?

— Я не сказала, что он ничего не устраивает. Это я ничем не занята. С чистого листа, помнишь?

Марсела фыркает в свой эспрессо, но умудряется прикусить язык. Я предполагала, что после всех этих недель ей есть что сказать, но она была удивительно сдержана. Или просто замкнулась в себе, готовая взорваться в любой момент.

— Я вот что видел... — начинает Нэйт, доставая телефон из заднего кармана и открывая страницу в Facebook. Каким-то образом он умудряется быть приглашенным повсюду, хотя никогда никуда не ходит. Думаю, из-за этого его сочетание он кажется старше нас, и, следовательно, спокойней, но на самом деле мы одного возраста, поэтому могу сказать, что он не такой. И хотя я не должна смотреть, мы с Марселой обе придвигаемся ближе и встаем по сторонам от Нэйта, глядя в его телефон.

Это приглашение на вечеринку только для членов группы в квартире Келлана — в нашей квартире, — чтобы праздновать **ДВАДЦАТЬ ОДИН ПОТРЕСАЮЩИЙ ГО**

Обещают стриптизёрш, пиво и, ах, да, стриптизерш. Вообще-то, в приглашении стриптизерши упомянуты семь раз.

Марсела с Нэйтот смотрят на меня с обвиняющим выражением на лицах.

— Что? — протестую я. — Посмотрите на список контактов — я даже не приглашена.

— Это у тебя дома, — указывает Марсела.

— Только для парней, если, конечно, ты не стриптизерша.

Нэйт неодобрительно смотрит на меня:

— Так что ты делаешь сегодня вечером?

Я неловко пожимаю плечами:

— Просто... пойду куда-нибудь еще.

Марсела на секунду забывает, что злится на меня:

— Где это «куда-нибудь»?

— Просто дом друга.

Ее глаза вспыхивают:

— Ты смогла завести каких-то «приличных» новых друзей? — Она жестом показывает кавычки, хотя я ни разу не воспользовалась этим словом, разрывая с ней отношения.

— Я не говорила, что мне нужны «приличные» друзья, я сказала, что мне нужны были другие друзья.

— Друзья, которые будут лучше.

Я пытаюсь сделать успокаивающий вдох.

— Друзья, которые не любят вечеринки. Которые не прячутся на задворках, пока меня арестовывают.

Она слегка отшатывается, и я вижу вспышку боли на ее лице, но затем оно снова разглаживается в настоящую злую личину:

— Ты не должна была прятаться за гребаным компостным баком.

— Да ладно!

— И кто этот «друг»?

— Никто.

— Это Келлан МакВи?

— Нет!

Она прищуривается:

— Это Кросби Лукас.

— Нет, — чересчур поспешно говорю я. — Это не он.

— Ты трахаешь его?

— Говорите тише! — в конце концов рявкает Нэйт.

— Не твое дело, кто мои друзья.

— Сложно сделать «никого» моим делом, — парирует Марсела.

— Вот и не лезь.

— Девочки... — пытается вклиниться Нэйт.

— Я буду делать инвентаризацию, — говорит Марсела, разворачиваясь на каблуках своих кожаных сапог и бросаясь на кухню.

Я чувствую жар и головокружение от злости, забытый эспрессо остывает в моей руке. Со стуком ставлю его на стойку и пытаюсь успокоиться.

— Прости, — говорит Нэйт через мгновение. — Я просто думал...

— Это не твоя вина, — сухо говорю я. Посетитель храбро подошел к кассе и заказал

обезжиренный латте. Я приклеиваю улыбку, пока делаю кофе и двигаю его по стойке.

— Как ты? — спрашивает Нэйт, задерживаясь рядом и явно испытывая неловкость.

— Просто прекрасно.

— Я не про стычку. Я про то, что ты живешь там. И о том, что тебе предстоит сегодня вечером, что бы это ни было.

— Все прекрасно. — Но затем мне приходится зажмуриться, прогоняя слезы, и слова звучат менее чем убедительно.

* * *

Я просыпаюсь в замешательстве, плохо понимая, что происходит. Теплый яркий свет льется из окна, а когда я тянусь за телефоном, чтобы посмотреть время, он лежит на столе, а не на перевернутом ящике из-под молока.

В прошлом году я слишком много раз просыпалась в очень похожей ситуации, но сегодня, когда я с опаской поворачиваю голову, чтобы посмотреть, кто рядом со мной, незнакомая кровать пуста.

Кровать Кросби Лукаса.

Как он и сказал, когда я приехала прошлым вечером, дом был пуст, и я затащилась наверх по лестнице, сменила рабочую одежду на пижаму и заползла в кровать.

Он постирал простыни, как обещал, и они мягкие и пахнут лимоном, матрас ни жесткий, ни мягкий — то что надо.

Я не собираюсь осваиваться в кровати Кросби Лукаса. Если верить слухам, здесь было множество девчонок, но очень немногие удостоились повторного приглашения. И у него никогда не было подружки. Он серьезно относится к учебе и бегу, и, хотя он и находит время для забав, это всегда несерьезно. Что просто замечательно, потому что это не та дорога, по которой я намерена идти. Не то чтобы такой вариант вообще существовал.

Я переодеваюсь в джинсы и футболку, тороплюсь через холл, чтобы сполоснуть лицо и почистить зубы, наношу тушь и блеск для губ и собираю свои вещи. Замираю на верхней ступени, прислушиваясь к голосам, но в этот час дом по-прежнему тих. Как можно быстрее спускаюсь на цыпочках, и сердце колотится в груди, когда я никем не замеченная выбираюсь на улицу. Две другие девчонки с тем же сочетанием наспех собранной сумки для ночевки и моих обычно буйных волос, крадущиеся из других домов братства, кивают мне словно сообщнице по преступлению. Я киваю в ответ, несмотря на то что внутренне съеживаюсь. Потому что в прошлом году это была я. Кучу раз.

Я еду домой, но затем меняю маршрут, уверенная, что какой бы бардак они не сотворили прошлой ночью, он до сих пор не убран. Вместо этого я разворачиваюсь и еду в город, паркую велосипед у небольшого кафе и направляюсь внутрь, чтобы заказать омлет. Сочетание отличного сна и всепоглощающей жалости к себе сделало меня голодной. Достаяю ноутбук и погружаюсь в изучение английской литературы, и выныриваю в мир только когда официант спрашивает, не нужна ли мне четвертая чашка кофе. Уже почти полдень, а я обещала себе, что соберу сегодня стол и кровать. Отказываюсь от кофе. Какой бы ужас не ждал меня дома, время встретиться с ним лицом к лицу.

Оплачиваю счет и еду домой, воздух позднего лета свеж и чист. Обычно по утрам выходных на кампусе Бернема безлюдно, студенты отсыпаются после вчерашних загулов, и я миную всего горстку людей, когда кручу педали вдоль покрытой листвой обочины.

Когда я приезжаю, в квартире тихо. Пристегиваю велосипед к перилам, прежде чем устало затащиться по ступеням и скользнуть ключом в замок. У парадной двери опрятно:

изобилие обуви для бега, принадлежащей Келлану, расставлено в ряд у одной стены, а две моих пары с другой. Пристраиваю к ним свои ботинки и взбираюсь по ступеням в гостиную, ожидая обнаружить дюжину незнакомцев, спящих на полу, но там только Кросби, с тряпкой для пыли в одной руке, вытирает кофейный столик.

— Привет, — говорю я. В ответ тишина. Понимаю, что он в наушниках, и говорю еще раз, громче. По-прежнему ничего. Я подхожу и похлопываю его по плечу. Он подпрыгивает и так быстро разворачивается, что мы оба вскрикиваем и, споткнувшись, отлетаем назад. Я к телевизору, шлепнувшись о него лопаткой, а он хватается за диван, удерживая равновесие.

— Черт, Нора! — со смехом сконфуженно восклицает он, выключая mp3 плеер и засовывая его в карман. Он в джинсах и расстегнутой белой рубашке поверх майки, босой, короткие волосы взъерошены, а щеки розовые из-за недавней встряски.

— Ты напугала меня.

— Прости. — Я стараюсь не рассмеяться, но все же не могу сдержать смешок. — Я сказала «привет».

Он приподнимает бровь.

— Я не слышал тебя.

Оглядываюсь на пустоту вокруг. Двери в обе спальни закрыты.

— Все ушли?

— Да. Недавно.

— Как вечеринка?

— Довольно грандиозно.

Я медленно разворачиваюсь, осматривая комнату. За исключением двух полных мешков с мусором, ожидающих на лестнице, мусорной корзины, переполненной бутылками, и известного фото Памелы Андерсен на развороте «Плейбой», прикрепленного к стене, квартира выглядела как обычно. И пахла чистящим средством.

— Что ты сделал такого, что на тебя свалили уборку?

Он пожимает плечами.

— Так получилось. — Он замечает Пэм. — Дерьмо. — Торопится к стене и срывает изображение в натуральную величину.

— Ты и за декор отвечал?

Он краснеет:

— Типа того.

Я передаю ему ключи.

— Спасибо. Я сфотографировала все твои вещи, чтобы выложить на eBay.

— Здорово. А я сдержал свое обещание — никто не заходил в твою комнату кроме меня и парочки стриптизёрш. — Я свирепо смотрю на него, а он мило улыбается. — Тебе нужны новые простыни.

Я направляюсь к своей двери.

— Знаю, что ты разыгрываешь меня, но все равно проверю.

Делаю вдох и поворачиваю ручку. Комната в том же состоянии, в каком я ее оставила.

— Кстати, об этом.

Я подпрыгиваю. Кросби прямо за мной. Так близко, что я чувствую его дыхание на своих волосах, когда он говорит. Не шевелю ни одним мускулом, и каждая вероломная клетка моего тела не желает отходить, хоть я и знаю, что должна.

— О чем? — слышу себя, застыв, как вкопанная...

— Об этом. — Он распахивает дверь и жестом указывает на мою жалкую обстановку. —

Почему ты до сих пор не собрала мебель?

Я слегка снижаю, разочарованная. Не знаю, что я ожидала услышать. *«Об этой странной химии, которая, кажется, есть между нами. О том факте, что только я остался в твоей квартире, а ты прошлой ночью спала в моей постели. Что мы будем делать с этим?»*

Я прочищаю горло.

— Это в списке моих ближайших дел?

— Тебе требуется мужская рука?

Странное покалывание начинается в моих ступнях, поднимается по ногам и сходится в одной точке между бедер. *«Есть кое-что, где мне понадобилась бы рука, Кросби...»*

И в прошлом году я бы так и сказала. Но в этом году? Обновленная версия Нора-Боры? Даже после трех месяцев воздержания? Она скажет нет.

— Если ты не возражаешь.

Он хлопает ладонями по бедрам.

— Я не возражаю. Мне нравятся такие штуки.

Я душу на корню странное теплое чувство, которое норовит расцвести, словно оно сорняк, который нужно вывести. Это нелегко, и, может, один или два побега останутся, но я работаю в этом направлении. Особенно когда Кросби снимает рубашку и остается в джинсах и белой майке, а его мышцы напрягаются, когда он хватает коробку с деталями моего будущего стола и кладет на пол.

— У тебя есть канцелярский нож?

— Конечно. Я держу один такой под подушкой.

У него уходит несколько секунд, чтобы понять, что это сарказм.

— Зануда. — Он корчит мне рожу. — У Келлана есть ящик с инструментами под раковиной. Не хочешь принести?

Я возвращаюсь с ящиком, а затем присоединяюсь к Кросби на полу, когда он открывает коробку и находит инструкцию. К моему удивлению, он читает ее. Или, правильнее сказать, рассматривает, потому как на ней нет слов. В любом случае он не старается притвориться, что знает все, словно он мастер-сборщик столов. Закончив с инструкцией, откладывает ее в сторону и начинает собирать детали, говоря мне, что подать, что найти, что делать. Я должна бы быть раздражена, но мне очень не хотелось делать этого самой, поэтому совсем не возражаю. И после целого лета одиночества вроде как приятно с кем-то пообщаться.

— Чем занималась прошлым вечером? — спрашивает он, губами сжимая два шурупа, которые положил в рот, пока вкручивал в дерево третий.

— Особ ничем. — Я концентрируюсь на том, чтобы держать доску под углом в девяносто градусов, чтобы мой стол не кренился. — Просто работала, а затем отправилась спать.

— В пятницу?

— Я не слишком интересный человек.

Он бросает на меня взгляд.

— Уверен, ты очень интересная, Нора.

Я смеюсь, а он улыбается с шурупами во рту, выуживая один и засовывая в следующее отверстие.

— Как ты справился с материалом?

— Что? А, биология? Справился на отлично.

— Молодец.

Он пожимает плечами и берет последний шуруп.

— Знаешь, что странно?

Вся эта ситуация?

— Что странно?

— Я ненавижу колледж.

— Да? Я думала, ты хотел преподавать.

— Да, я хочу быть учителем. Глупо, верно?

— Не совсем.

— Нет? Почему?

— Если это то, чем ты хочешь заниматься, то не вижу в этом ничего глупого.

— Но ведь я ненавижу учиться, — повторяет он. — И у меня отстойно это получается.

Почему, ты думаешь, мне приходится часами учить то, что другие усваивают за пять минут?

Я наблюдаю, как он собирает выдвижной ящик, словно хлеб маслом мажет. В нем нет ничего глупого.

— Потому что ты знаешь, какого это — усердно трудиться? — предлагаю я. — В старании нет ничего неправильного.

Он сосредоточен на своем занятии, но я вижу, как его рот изгибается.

— Полагаю, тебе лучше знать.

— Что ты имеешь в виду?

— Я о том, что ты всегда в библиотеке. У тебя пять предметов и работа. Ты тоже усердно трудишься.

Думаю о том, как в прошлом году я делала совсем противоположное и загнала себя в эту ситуацию.

— Ну, мне приходится.

— Да? Почему?

— Чтобы жить хорошо. Разве не этого все хотят?

— Полагаю, так.

— Ты хочешь плохо жить, Кросби?

Теперь он улыбается.

— Да, Нора. Я хочу жить ужасно.

Я смеюсь и подаю ему деталь, на которую он указывает.

— Что ты хочешь преподавать?

Он шумно выдыхает и начинает собирать второй ящик.

— Может, историю.

— Я думала, ты скажешь физкультуру.

— Почему?

Я закатываю глаза.

— Ох, ну не знаю, Кросби. Просто догадка.

— Из-за этого? — спрашивает он, напрягая бицепс. И хотя я изо всех сил стараюсь выглядеть не впечатлённой, легкий трепет сексуального узнавания пробегают по позвоночнику. Он очень... большой.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он смеется и жестом показывает мне отодвинуться, чтобы он мог собрать другую ножку

стола.

— Что насчет тебя? Что сделает твою жизнь такой замечательной?

— Не знаю. Но степень кажется первым шагом.

— Степень в чем?

— Я еще не решила.

— Правда? Я думал, что девушка, которая проводит все лето в колледже, должна работать в направлении определенной цели.

Моей целью было поднять отметки с D- до C+ и отработать два с половиной месяца общественных работ, не привлекая особого внимания.

— Просто стараюсь держаться на высоте.

— Чем ты занималась, когда кампус пустовал?

Сглатываю. Не хочется лгать, но я не готова к тому, чтобы кто-то узнал, насколько я все испоганила.

— В основном просто работала. Училась и работала. Ходила на... прогулки. — И по пути вляпывалась в неприятности.

— Одна?

— На моем этаже жили четыре человека, — говорю я. Восемь в моей уборочной бригаде. — Двое не разговаривали по-английски, а другая девушка проводила двадцать часов в день играя на пианино. Ее пальцы прямо-таки кровоточили.

Он морщится:

— Это отвратительно.

— Расскажи мне о вечеринке.

Он кряхтит.

— Ты не хочешь об этом знать.

— Почему нет? — Если я не могу присутствовать на вечеринках, может, я могу жить опосредованно, через Кросби. Но даже когда я думаю об этом, ловлю себя на том, что надеюсь, он не расскажет о перепихе со стриптизершей — или любой другой девчонкой.

— Ты когда-нибудь бывала на вечеринках братства, Нора?

Избегаю его взгляда. Он наверно думает, что я слишком застенчива, но мне просто сложно встретиться с ним глазами, пока лгу:

— Нет.

— Что ж, держись от них подальше. Они частенько выходят из-под контроля.

— Но ты можешь справляться с этим?

Опять смеется:

— Я вроде как люблю это. Благодаря им я могу выносить все остальное дерьмо. Это единственное, что мне легко дается.

— Тусоваться?

— Да.

Думаю о событиях прошедшего года. Как безрассудно я бросилась в тот мир. Как это было здорово. А потом перестало.

— Как ты развлекаешься? — спрашивает он. Я понимаю, что он старается быть любезным. Представить мои предполагаемые хобби — вязание и наблюдение за звездами — интересными.

— Охочусь на привидений, — говорю я.

— Ты чертова лгунья, Нора.

Я не могу удержать невозмутимое выражение лица.

— Я не развлекаюсь, — говорю ему. И теперь мне легко смотреть ему в глаза. — Я вроде как... не могу.

— Не можешь развлекаться?

— Не могу найти в этом баланс, — поясняю я. — Я не могу как ты — бегать, учиться и тусоваться. Всегда так было. Не знаю, почему.

— Так ты только учишься? Никогда не веселишься?

— Учеба — не самая худшая вещь в мире.

— Ну, похоже на то. Ладно, вставай. — Стол собран, мы оба поднимаемся, когда он ставит его вертикально и двигает к стене. Он немного сдвигает его, взявшись одной большой рукой за край, и я сейчас же хочу сделать что-то «веселое». Почувствовать эту руку на себе. — Нормально смотрится? — спрашивает он.

— Да, — чересчур поспешно говорю я. Слегка задыхаясь.

Он одаривает меня странным взглядом.

— Ты в порядке?

— В абсолютном.

— Кто-нибудь беспокоил тебя прошлой ночью?

— Нет. Я даже не видела никого.

Его нахмуренный лоб медленно расслабляется.

— Хорошо.

Из-за того, что моя кровать занимает слишком много места, мы собираем деревянный каркас в гостиной, где едва хватает места. Как и прежде, Кросби делает всю работу. Я в основном наблюдаю и передаю ему детали. Не знаю, чувствует ли он, что в моей комнате происходило что-то странное, или просто хочет сменить тему, но он снова спрашивает о рисунке «Стив Холт», и мы начинаем говорить о телевидении.

Когда каркас собран, он аккуратно проносит его сквозь дверной проем обратно в комнату. Я стою у края, который ближе к двери и приподнимаю его, затем он поднимает матрас, и я подталкиваю каркас под него. В теории все звучало проще, но в итоге мы ставим все на место, и когда я начинаю расправлять скомканное одеяло, Кросби останавливает меня.

— Что?

— Ты должна убедиться, что она крепкая, — говорит он.

— Прошу прощения?

— Залезай. — Он сжимает мою руку и затягивает на кровать, чтобы я стояла по центру. — Прыгай, — говорит он.

— Я не буду... — чувствую себя абсолютно нелепо.

— Прыгай, Нора. Ради моего душевного спокойствия.

— Я не планирую много прыгать на этой кровати, Кросби. Если каркас сломается, то падать всего шесть дюймов. Я выживу.

Он складывает руки на груди.

— Прыгай.

— Отвали. — Я пытаюсь слезть, но он преграждает мне путь. — Кросби...

— Повеселись, — говорит он. — Хотя бы минутку. Я хочу знать, что ты можешь это.

— Ладно, знаешь что? — Вот теперь я рассердилась. — Я ценю твою помощь, но ты заставляешь меня чувствовать себя по-настоящему глупо. Я умею веселиться, просто сейчас

мой выбор — не делать этого. Мне нет нужды развлекать тебя, чтобы быть веселой.

Он выглядит удивленным.

— Это не развлечение. — Затем он бросает взгляд на кровать. — Хотя понимаю, что это можно понять неправильно.

Он не останавливает меня, когда я слезаю, отчего чувствую себя слегка обделенной. Словно это был мой шанс, и я упустила его. И если бы позже я попрыгала на кровати одна, то даже близко не было бы так весело, как при Кросби.

— Окей, — говорит он, наступая на кровать. — Я давал тебе шанс. Но если каркас сломается, виновата в этом будешь ты.

— Что ты...

Он начинает прыгать. Матрас скрипит, подушка подлетает, но ничего не ломается. А он все равно прыгает.

— Это ужасно весело, Нора! — он подражает девчачьему визгу.

— Заткнись и слезай.

— Поверить не могу, что ты пропускаешь все веселье!

— Прекрати.

— Один прыжок.

— Ты ломаешь что-нибудь.

— Кого волнует? Ты же платишь за это.

— Кросби... — Невозможно сохранять невозмутимое лицо. Может, это и начиналось как шутка, но, думаю, сейчас он действительно наслаждается процессом. И когда он протягивает руку, я принимаю ее и взбираюсь на кровать.

— Только один раз, — говорю я.

— Конечно, — соглашается он.

Я подпрыгиваю и каркас ломается.

Нижний левый угол опускается, и матрас соскальзывает к краю. Мы с Кросби падаем, трескаясь лбами и громко вскрикивая от удивления и страха. Когда мы наконец приземляемся, я наполовину свисаю с края кровати, и меня удерживает лишь большая рука Кросби, обхватившая мою талию. Его глаза широко распахнуты от шока, а затем он прищуривается и начинает хохотать. Я выползаю из его хватки, шлепаюсь на пол и тоже смеюсь.

— Блин, — задыхается он. — Нора, мне так жаль.

— Вот, что случается, когда люди веселятся! — говорю я, назидательно поднимая указательный палец. — Больше никогда.

Он шлепает меня по руке.

— Это твоя вина, — говорит он. — Знаю, я не должен говорить этого женщине, но думаю, ты слишком тяжелая. Из-за твоего веса кровать сломалась.

Я вешу сорок пять килограмм, и, как нравилось говорить Марселе, весь мой вес был в моей груди. Я знаю, что нетолстая, и Кросби знает это, поэтому не злюсь по-настоящему, когда подхватываю упавшую подушку и бью его ей.

— Прости, — он смеется и откатывается, его лицо красное. — Я должен был сказать, что у тебя «широкая кость»?

— Иди к черту, Кросби. Отремонтируй мою кровать. — Я чувствую возбуждение и радость, несмотря на бардак. Несмотря на тот факт, что дерево разлетелось на щепки и вряд ли его можно починить.

Он соскальзывает по накренившемуся матрасу и присоединяется ко мне на полу, чтобы обследовать повреждение:

— Мне нужно идти.

— Кросби Лукас.

— Пока, Нора. Береги себя. — Он встает, но на самом деле никуда не уходит, а пялится на сломанную кровать.

Я тоже встаю.

— Заводской брак? — предлагаю я.

— Определенно.

— Полагаю, теперь ее нужно разобрать.

Он смотрит на часы:

— Вау. Уже пора?

Я слегка улыбаюсь.

— Спасибо, Кросби.

— За то, что сломал твою кровать? Нет проблем. Где угодно, когда угодно.

Я смеюсь.

— За первую часть. Это... ничего страшного.

— Я помогу тебе снова упаковать и отвезти ее в магазин. Ты не должна ждать доставку.

Мы можем сделать это сегодня.

— Уверена, у тебя есть занятия и получше.

— Есть, но я стараюсь быть джентльменом.

— У тебя получается.

— У кого что получается?

Мы разворачиваемся и видим Келлана — он стоит в дверном проеме, скрестив руки и удивленно подняв одну темную бровь. Предполагаю, что сломанная кровать, разбросанные подушки, постельные принадлежности и сброшенная рубашка Кросби могут навести на мысль, что кто-то на чем-то попался, но... это не так. К сожалению.

— Я купила кровать с дефектным каркасом, — говорю я, указывая на искореженный угол.

— Оу. — Он хмурится и заходит в комнату, чтобы разглядеть получше. — Что ты делала, чтобы сломать кровать?

Так тяжело сохранить невозмутимое лицо.

— Прыгала на ней.

— Ты прыгала на своей кровати?

Кросби кашляет в сгиб руки, стараясь замаскировать смех.

— Да.

— Я удивлен, Нора. Это непохоже на тебя.

— Я подумала, что это должно быть весело.

— Ну, они могут не возместить тебе ущерб, если узнают, что ты прыгала на ней. Это безответственно.

Кросби снова кашляет и вылетает из комнаты. Через мгновение мы слышим, как включается вода на кухне, и я представляю, как он заглушает шумом свой смех.

— Я просто скажу им, что ее доставили в таком состоянии.

Келлан пялится на меня, словно не может решить, серьезна я или нет, затем его лицо расслабляется, и он улыбается.

— Они поверят тебе. Кто бы не поверил?

Он возвращается в гостиную, и я слышу, как он спрашивает Кросби, что тот делает тут до сих пор.

— Я прибирал, — отвечает Кросби.

— Почему твоя рубашка в ее комнате?

— Нет ее там.

— Та, в которой ты был прошлой ночью.

— Чувак, ну тогда не знаю, как она туда попала. Ты знаешь, что я делал прошлой ночью.

Это была не Нора.

Их голоса затихают, когда они заходят в комнату Келлана, поэтому я вешаю рубашку Кросби на дверную ручку снаружи и тихонько закрываю дверь.

Глава шестая

Всю неделю после инцидента с кроватью я нечасто вижу Кросби. Мы так и не поехали в IKEA вместе, так что через пару дней «бракованную» кровать забирают и меняют на новую. Доставка приезжает, когда Келлан дома, и он удивляет меня, собрав ее, пока я на занятиях, говоря, что обеспокоен моими навыками по сбору мебели, и заставляя меня пообещать, что я больше не буду на ней прыгать. Тем не менее он не слишком часто бывает дома. Он зависает в «Альфа Сигма Фи», поэтому у Кросби нет повода возвращаться. Я стараюсь притвориться, что не замечаю этого, но это не так.

— Земля вызывает Нору. Это Земля, просим Нору отчитаться перед базой.

— Ты огромный неудачник.

Нэйт смеется, несколько не обиженный. Сейчас вечер вторника — прошло десять дней с «прыжкокроватной катастрофы», и мы находимся в библиотеке Бернема практически в центре кампуса. У нас совместный французский, и мы должны разыграть глупый диалог о том, как француз учит человека, говорящего на английском, заказывать чашку кофе.

— Что там нужно сказать сначала? — спрашивает Нэйт. — *Bonjour*.

— *Bonjour*? Мы здесь уже полчаса, и ты усвоил лишь одно слово?

— Это слово о многом говорит!

— Оно говорит о том, что ты провалишь задание.

Он фыркает.

— Кто бы говорил. Это ты исписала всю страницу с заданием словами «Миссис Келлан МакВи».

Я ахаю:

— Нет! Это был мозговой штурм.

— Да? И к чему ты пришла?

— *Je veux boire le café. Я хочу выпить кофе.* Я думаю.

— И что это значит?

— Ты вообще слушал CD? — Я уделяла этому два часа в неделю и почти уверена, что не справилась бы, если бы оказалась во Франции. Или в Квебеке.

— Нет. — Нэйт качает головой. — И о чем там говорят?

Я смеюсь и бросаю ручку через стол. Она отскакивает от его плеча, и он хихикает и подхватывает ее. Мы на четвертом этаже, где относительно тихо в восемь часов вечера, поэтому на нас никто не смотрит свирепо и не одергивает. Именно эта тишина и делает

низкий мужской смех, доносящийся из-за книжных полок, громким настолько, что мы подпрыгиваем на наших стульях.

— *Чтоооо?* — беззвучно говорит Нэйт с восторженным видом.

Я почти отвечаю ему, что, скорее всего, ничего, когда к смеху присоединяется женский голос, внезапно срываясь на пылкий стон.

Как раздражает.

Я стараюсь учиться.

Стараюсь концентрироваться.

Стараюсь не сходить с ума от зависти.

То есть, я пришла из старшей школы, где у меня был нулевой опыт отношений, в колледж, где могла знакомиться с парнями только на вечеринках с Марселей. Сочетание большого объема алкоголя, ослабления запретов и мастерских навыков флирта Марселей привели ко множеству знакомств, а в некоторых случаях и к чему-то большему.

Но я не напивалась с той ночи, как меня арестовали, и секса у меня тоже не было с тех пор, что и привело меня к четырехмесячной отметке воздержания, и должна сказать... я скучаю по этому. Особенно каждый раз, когда вижу Келлана без рубашки, или потным, или во время еды, или играющим в видеоигры — что бы парень ни делал, это сексуально. Но, конечно, гораздо хуже то, что каждый раз, закрывая глаза, представляю, что совсем не Келлан склоняется ко мне для поцелуя.

Я знаю, что одинока. И за исключением Нэйта, который относится к легиону мужчин, желающих Марселу, Кросби единственный парень, с которым я разговаривала или зависала за целую вечность. Также странно то, что я вроде как скучала по нему всю прошедшую неделю. Я привыкла приходить с работы и находить его обосновавшимся на диване с остекленевшими глазами, когда он взрывает машины и грабит с Келланом банки, а затем переводит тот напряженный взгляд с телевизора на меня ровно настолько, чтобы улыбнуться. И это все, что требуется, чтобы мои гормоны встрепенулись, желая от него намного большего.

Интенсивность стонов нарастает, по большей части с женской стороны, и теперь они звучат приглушенно, словно он накрыл ее рот. Мы с Нэйтом сидим в углу возле балкона, следовательно, раз они не разглядывают этаж или не замечают нас с нижнего уровня, у них есть все основания думать, что они одни.

Нэйт царапает что-то на листке бумаги. *Десять баксов, что это Келлан с блондиночкой.*

Это то же самое, что и ставить деньги на то, что Мерил Стрип номинируют на «Оскар».

Он снова пишет. *Иди посмотри.*

Я проглатываю смешок. *Нет.* Подчеркиваю двумя чертами.

Трусиха.

Я теперь скучная, забыл?

Ну конечно. Ззз.

Пиная его под столом, и он вскрикивает.

Тебе слабо, пишет он.

— Тебе сколько лет вообще? — шикаю на него.

Он наклоняется:

— Не сто пять, как тебе, судя по твоему поведению.

Я отшатываюсь, оскорблённая:

— Я не...

— Ты убиваешь себя. Если ты не собираешься веселиться, то можешь хотя бы пошпионить за теми, кто развлекается, и, вернувшись, мне рассказать.

— Думаю, у тебя что-то вроде вуайеристического фетиша.

Он ухмыляется.

— Виноват.

Но на самом деле меня уже больше не нужно подначивать. Тебя не арестуют за случайно замеченную парочку, зажимающуюся в библиотеке. Это займет всего минутку, мои оценки не пострадают. Никаких звонков от моих родителей, или декана, или полиции. Что плохого-то?

Плюс — мне так скучно.

Я отодвигаю стул и встаю, мои кроссовки не издают ни звука, когда иду по старому протертому ковру. Стоны становятся громче, когда я подхожу к стеллажам с книгами о капитализме и оглядываюсь через плечо на Нэйта, он показывает мне большой палец, когда я поворачиваюсь к проходу, через один стеллаж от голубков, и, пригнувшись, крадусь вдоль него. На полпути я замечаю две пары ног — одна в джинсах, другая едва прикрыта мини-юбкой, — подбираюсь ближе, и их тяжелое дыхание прекрасно скрывает любой шум, который я могу издать. Черт, я могла бы опрокинуть полку и, уверена, не прервала бы парочку.

Я примерно в двадцати книгах от них, когда женский голос стонет:

— О, Кросби.

Как неприятен и ужасен его низкий смешок — тот самый, по которому я скучала всю неделю. Мою кожу покалывает от мурашек, вызванных отвращением, и я чувствую, как что-то странно и болезненно сжимается в моей груди.

— Я с тобой, — бормочет он.

И слабая надежда, которую я лелеяла, что это *другой* Кросби, разбивается вдребезги. Это он.

И это определенно его репутация.

Почему-то, когда я думала, что там Келлан, меня по-настоящему не волновало, что я обнаружу.

Но это больно.

Вместо того, чтобы благоразумно вернуться за свой стол и сказать Нэйту, что нам нужно идти, я направляюсь в конец, беру книгу с полки и задерживаю дыхание, прежде чем завернуть в оккупированный проход якобы в поисках интересной книги о капитализме.

А вот и они.

В десяти футах от меня, трутся друг о друга у полки, его бедра прижимают ее к ряду с книгами, к которым я никогда не прикоснусь. По крайней мере, они полностью одеты, только их губы заняты схваткой, и хотя они выглядят так, словно склеились, Кросби отскакивает, когда замечает меня.

Его сообщница в библиотечном преступлении выглядит ошеломленной и сконфуженной, пока не прослеживает его взгляд, чтобы обнаружить проблему, и даже зная, на что наткнусь, повернув за угол, все равно слышу свое довольно убедительное заикание:

— Простите, я не знала... — прежде чем рвануть обратно к столу, где ждет Нэйт.

— Плати, — говорит он, протягивая руку.

— Ты остался в дураках, — говорю я, стараясь выглядеть так, словно нахожу все это забавным, а не ужасающе болезненным. — Это был не Келлан.

— Нет, он.

— Не он, клянусь.

Он хмурится, когда осознает, что я запикиваю книги в сумку, словно начался пожар и единственное, что мне нужно спасти — это учебники.

— Что ты...

— Я только что вспомнила, что должна сделать кое-что, — крайне неуверенно лгу я.

— Нора, что... — Его глаза фокусируются на чем-то за моим плечом, и я знаю, что это Кросби с «Кросбабой» поправили свою одежду и вышли из-за стеллажей.

— Не надо, — с нажимом говорю я, когда замешательство в его взгляде сменяется беспокойством. — Не говори ничего.

— Нора, я... — Кажется, я сейчас заплачу. И это так глупо — меня не волнует Кросби, я не хочу, чтобы он волновал меня, и никогда не думала, что волную его.

Хватаю сумку и размашистым шагом направляюсь к лестнице на дальнем конце этажа, параллельно с Кросби и его «подругой». Но их скорость даже рядом с моей не стояла, и я подхожу к лестнице как раз вовремя, чтобы услышать, как она требовательно спрашивает, почему они не могут воспользоваться лифтом.

Быстро спускаюсь по лестнице, пробираюсь по основному уровню и выхожу через парадную дверь к своему велосипеду, пристегнутому у обочины. Неуклюже набираю комбинацию дрожащими пальцами, и когда замок щелкает, слышу, как открывается дверь, и девушка Кросби настойчиво осведомляется, зачем им нужно так быстро идти.

Я перекидываю ногу через сиденье и, не оглядываясь, максимально быстро кручу педали домой. Тротуар мокрый и покрыт первыми опавшими листьями, но даже признаки наступающей осени не улучшают моего настроения.

Я знаю, что глупая.

Так же как знала, что бегать голой по Мэйн-Стрит плохая идея.

Так же как знала, что пять недель подряд прогуливать историю искусства было не умно.

Как и знала, что отрываться на вечеринке в ночь перед промежуточным экзаменом по языкознанию было ошибкой.

Я знаю, что приносит мне вред, но все равно делаю это. И позволить разрастаться сорнякам в виде чувств к Кросби, вместо того чтобы упасть на четвереньки и выдрать их, прежде чем они укоренятся — было ошибкой.

А с меня хватит ошибок.

Обычно я пристегиваю велосипед к перилам, но сегодня я затаскиваю его по крыльцу и бросаю в коридоре. Топаю вверх, но там никого нет, на кого можно произвести впечатление своим плохим настроением, потому что Келлана, как обычно, нет дома. Выключаю свет, чтобы создать впечатление, что меня тоже нет дома, будто у меня есть множество интересных мест, куда пойти, пока кое-кто зажимается по библиотекам.

Плюхаюсь на кровать и таращусь на темный потолок. Мое сердце колотится, а виски влажные от пота.

Какого хрена.

* * *

— Прости за прошлый вечер.

Я поднимаю взгляд на Нэйта, завязывая свой фартук на кухне в «Бинс».

— Пустяки.

Марсела тоже тут, и не притворяется, что не подслушивает. Не притворяется, что Нэйт

не посвятил ее во все унижительные подробности катастрофы.

— Я пытался позвонить тебе пару раз, но ты не брала трубку.

— Я слушала уроки французского. — Технически, это правда, но мой телефон лежал на ящике из-под молока, и я слышала вибрацию, просто отказывалась смотреть на дисплей. Так же, как и слышала робкий стук в дверь, но не рискнула встать и открыть ее. Я не знала, что сказала бы, если бы там был Кросби, а если бы там был не он, то каким-то образом это было бы гораздо хуже. Так что я сделала то, что делаю всегда: выбрала одну сторону круга и оставалась там. Посмотреть в лицо своим демонам или игнорировать их? Привет, отрицание. Я Нора.

— Я думала, что ты увлечена Келланом, — замечает Марсела. Она ставит противень с маффинами в духовку, и меня обдает волной жара, когда я иду к вращающейся двери кофейни.

— Я тоже, — говорю я.

Они идут за мной в зал, и я вздыхаю, когда вижу единственного посетителя — пожилого мужчину, который всегда приходит разглядывать предметы искусства и никогда ничего не покупает.

— Я просто удивилась, — говорю я. — Вот и все. Я едва знаю Кросби и обеспокоена, что дома может возникнуть неловкость. Он там постоянно.

Нэйт с Марселей переглядываются.

— Что?

— Он приходил сюда прошлым вечером, — говорит Марсела.

Я вытягиваюсь:

— Что?

— Около девяти. Он спрашивал тебя. Выглядел подавленным.

Я вздыхаю.

— Он, вероятно, пытался найти Келлана.

— Не думаю.

— Ну, может, просто хотел брауни.

— Он совсем не флиртовал со мной.

— Ого. — Вот *это* странно. Хотя это навряд ли успокаивает — знание того, что он прервал свое свидание и пришел увидеться со мной — со своим вторым выбором. Это ничего не значит, я не могу допустить этого. Я едва ли месяц живу новой жизнью и, невзирая на свои рьяные попытки, терплю крах. Снова.

А я правда не могу позволить этому случиться. Не то чтобы я пришла из ниоткуда. Мои родители усердно трудились, откладывали деньги, внушив и мне важность этого. Я так и поступала в старшей школе. Никогда не попадала в неприятности, никогда не бунтовала, никогда толком не красила волосы. Не то чтобы я мечтала грабить банки или сделать дюжину татуировок — просто хотела *повеселиться* в прошлом году. Просто немножко расслабиться.

Нэйт прочищает горло и бредет поболтать к пожилому человеку, некоторое время мы с Марселей просто стоим бок о бок за стойкой и смотрим. Ногтем, окрашенным в черный, она подцепляет этикетку, которую кто-то приклеил к стойке, а я не знаю, что делать. Именно здесь я и хочу находиться, хоть и не должна.

История всей моей жизни.

— Прости, что тебя арестовали, — в конце концов говорит она, наблюдая, как

сдирается этикетка. — И прости, что я не сказала ничего.

Продолжаю смотреть на ее ноготь:

— Это не твоя вина.

— Ну, это была моя идея.

— Ладно, тогда по большей части это была твоя вина.

Она тихонько смеется:

— И если в прошлом году ты завалила предметы по моей вине, то прости и за это. Я знаю, что у тебя стипендия и необходимо поддерживать высокие отметки.

Бросаю на нее взгляд. Не умею конфликтовать. Или вчерашние события недостаточно доказали это?

— Я не из-за тебя завалила учебу, а сама. Просто запуталась.

— Ты правда больше не гуляешь?

— Никогда.

— Где ты осталась на день рождения Келлана?

Я вздыхаю:

— Только не смейся.

— Ты пряталась в шкафу и шпионила?

Я улыбаюсь.

— Нет. Осталась в комнате Кросби в доме братства. — Ее рот раскрывается. — Его там не было, — торопливо говорю я. — Он оставался у нас дома. — Во всяком случае, я так думаю. Возможно, он был всю ночь в библиотеке.

— Он тебе нравится?

Я пожимаю плечами:

— Думала, что да. Немного. Но... нет. Я не могу. Мне нужно сосредоточиться на том, чтобы подтянуть свои оценки и держаться подальше от неприятностей.

— Прошлый год был веселым.

— Суперским.

— А этот ужасный. Я все время зависаю с Нэйтм.

— Помимо работы?

— Да. Он заставляет меня ходить в вегетарианские рестораны, покупать свечи и смотреть иностранные фильмы. Он типичный хипстер, и это убивает меня.

— Он влюблен в тебя.

— Это ничего не меняет.

Я наблюдаю, как Нэйт показывает мужчине матрешек. Все мы знаем, что он никогда ничего не купит; он приходит трижды в неделю и заказывает не более чем кофе. Но Нэйт все еще лелеет надежду.

— Что мне делать? — спрашиваю я. Марсела перестала ковырять этикетку, и теперь уже я делаю это. Я умираю как хотела весь месяц задать ей этот вопрос, и теперь мне кажется, что едва могу дышать, пока жду ее ответ.

— Просто налаживай свою жизнь, — говорит она, не отводя взгляд от Нэйта. — И забудь обо всех остальных.

— Звучит просто.

Ее красные губы изгибаются.

— Нэйт, — зовет она. — Мы закрываемся пораньше.

Нэйт выглядит удивленным, но не спорит, и пятнадцать минут спустя мы выходим за

дверь, кутаясь от стылого осеннего ветра, и торопимся вниз по улице в сторону банка и ближайшего бара. Мы с Марселой караулим, пока Нэйт делает небольшой вклад, затем бросаемся через улицу в «У Марвина», переполненный паб, популярный среди старшекурсников Бернема.

Приглушенная музыка, теплый воздух и все одеты в брюки и кардиганы. В своем серебристом, расшитом блестками топе, черных колготах и белых сапогах-чулках из кожзама Марсела производит впечатление. Как всегда, все глаза прикованы к ней, когда она пробирается через толпу и находит для нас высокий столик в углу. Нэйт направляется к бару, чтобы взять партию шотов, и я делаю глубокий вдох. Знаю, что не должна быть здесь, но так скучаю по этому. Не по алкоголю, а по атмосфере. По людям. По тому, чтобы не быть дома одной. Снова.

Несколько минут спустя Нэйт возвращается с шестью рюмками, еле уместившимися в его руке, и Марсела помогает поставить их на стол.

— Что будешь пить? — спрашивает она, подмигивая ему с невозмутимым видом.

Он корчит рожицу, она улыбается, и я тоже, и мы все берем по рюмке.

— За что пьем? — спрашивает Нэйт. — За окончание Холодной Войны?

— Да, — говорит Марсела. — И за то, что прошлое остается в прошлом, и на хрен Кросби Лукаса.

Нэйт пожимает плечами, не до конца понимая, но бодро повторяет:

— На хрен Кросби Лукаса.

Не думала, что снова буду смеяться в ближайшее время, но со смехом говорю:

— На хрен Кросби Лукаса. — И мы все пьем за это.

* * *

Время чуть больше полуночи, когда я заползаю на заплетающихся ногах в парадную дверь. И происходит это скорее из-за того, что мои ноги и пальцы онемели, пока я ехала на велосипеде домой, чем из-за алкоголя. В смысле, не поймите неправильно, я немного пьяна, но никакого сумасшествия. Ничего, что вышло бы из-под контроля.

— Средняя степень опьянения, — назвала это Марсела, когда я ныла из-за того, что для меня недопустимо расслабляться. — Этим вечером ты опьянеешь до средней степени. Я прослежу.

И она проделала довольно хорошую работу. Мы смеялись, и танцевали, и флиртовали, и красились, и было удивительным облегчением узнать, что она тоже по мне скучала. Вообще-то, это грандиозное облегчение, даже если времяпрепровождение с Марселой включало в себя ранний побег с работы и выпивку вечером в ночь перед учебой. Но какого черта — мне было весело. Наконец.

Келлан с Кросби смотрят что-то по телевизору, когда я поднимаюсь по лестнице и, войдя, замечаю на обеденном столе коробку DVD от первого сезона «Замедленного Развития». Украдкой кошусь на экран, вижу знакомых персонажей и, посмотрев на Келлана, узнаю тот самый непонимающий взгляд, какой был у Марселы, когда я заставила ее смотреть этот сериал.

— Стив Холт, — говорю я.

Келлан почесывает подбородок, окидывая меня взглядом:

— Кто?

Направляясь на кухню, чтобы налить стакан воды, практически чувствую пристальный взгляд Кросби, но отказываюсь устанавливать зрительный контакт. Испытываю легкий

алкогольный дурман и придерживаюсь за стол, пока пью.

— Ты пьяна? — спрашивает Келлан, выключая звук. Его голос звучит так, словно он старается не рассмеяться.

— Немного, — отвечаю ему. — Я буду в порядке.

— Где ты была?

— «У Марвина». Возле работы.

— С кто?

— С кем, — поправляю я, ставлю стакан в раковину и направляюсь в свою комнату. —

И это не твое дело.

Он поднимает бровь:

— Мне может понравиться пьяная Нора.

— Так и было, — говорю я, не подумав. — Спокойной ночи. — Захожу в свою спальню и закрываю дверь.

Когда я только поняла, что Келлан не помнит наш перепис, то была унижена. Но теперь я думаю, что просто была наивна. Мои «отношения» в прошлом году были мимолетными и поверхностными, а из-за того, что занималась этим только чтобы убедить себя, что была восхитительной личностью, я даже частично не вкладывалась в них эмоционально. Самые долгие длились месяц, и это только потому, что были с парнем, который забрал мою девственность во время организационных сборов перед началом учебного года, и мы чувствовали себя обязанными продолжать видеться друг с другом.

В Келлана все влюбляются. А Кросби — его компаньон.

Он — Нора для Келлана-Марселы.

Он тот, кого забывают.

Глава седьмая

В четверг утром занятия начинаются в десять, так что я сплю до девяти, затем с сонными глазами выползаю из комнаты, чтобы перехватить вафли на завтрак. В квартире прохладно, и я переминаюсь с ноги на ногу, дрожа в толстовке и шортах, ожидая, пока тостер завершит свою работу.

— Привет.

Я вздрагиваю и, развернувшись, обнаруживаю Келлана, который сидит на полу в гостиной, касаясь кончиков пальцев на ногах, одетый в одежду для бега.

— Что ты здесь делаешь? — Никогда не видела Келлана по утрам и вроде как привыкла, что квартира принадлежит мне. Он спит в комнате — или спит еще где-то, — когда я ухожу на занятия, и это необычно.

— Групповой забег, — говорит он, разогревая ноги. — Через десять минут.

Я выглядываю в окно. Солнце взошло, подсвечивая желтеющие листья деревьев, растущих вдоль дороги.

Уже ясно, что сегодняшний день будет гораздо лучше, чем вчерашний. На самом деле теперь, когда я решила забыть Кросби Лукаса, все налаживается.

— Повеселись, — говорю я, выкладывая вафли на тарелку, поливая их сиропом и готовясь ретироваться в свою комнату. Я знаю, что команда Келлана медленно собирается, начиная свой маршрут, и Кросби обычно заходит, когда они добираются до нас. Мой новый план не предусматривает встречу с Кросби через девять часов после того, как вступил в силу.

— Хэй, — говорит Келлан, вставая и разгибая спину.

Я останавливаюсь у двери в свою комнату, не донеся вафлю ко рту.

— Что такое?

— Спасибо.

— Пожалуйста? — Понятия не имею, за что он благодарит меня.

— Полагаю, я должен был понять это сам, но Кросби сказал мне вчера вечером, что ты позволила провести здесь вечеринку в честь моего дня рождения, и я ценю это. Знаю, что это не то, о чем мы договаривались, так что... спасибо.

— А. Пожалуйста.

— И... — добавляет он, снова не давая мне вернуться в спальню, — я думаю, мы должны пойти погулять.

Я и так уже остановилась, но теперь полностью замираю с наполовину прожёванной вафлей во рту.

— Что?

Он усмехается и тянется назад, чтобы схватить ногу для растяжки.

— В благодарность. Давай поужинаем завтра? Знаешь «Plein Verre», французский ресторан на окраине города? Как насчет него?

Я так ошеломлена, что едва могу говорить. Уверена, что у меня кленовый сироп на лице, и волосы в беспорядке, и я не почистила зубы, и именно тогда — тогда — Келлан МакВи приглашает меня?

— Ты серьезно? — Я стараюсь проглотить огромный кусок вафли, не прожевывая.

— Да, — говорит он, широко улыбаясь. Он самый горячий парень, которого я когда-либо видела. Он практически излучает уверенность, никогда не переходя границ, в отличие от кого-то, чье имя я забуду к обеду. — Там правда замечательно, — продолжает он, когда я не отвечаю. — Однажды я ходил туда с родителями — там нужно быть в галстук, и все такое. В смысле, не тебе... только я надену... просто... я имею в виду, ты можешь надеть... блин. — Он стонет. — Я еще не пил кофе.

— Ты не пьешь кофе.

Он смеется, смущенный.

— Верно.

— Конечно, — отвечаю. — Я пойду. — Не хочу видеть в этом нечто большее. Кроме того, я чувствую себя... странно. Не то чтобы в его предложении было что-то неуместное, просто чего-то не хватает. Той искры. Волнения, которое должно возникнуть, когда тебя приглашает на ужин самый горячий парень на кампусе. Я польщена, но на этом все. Наверное, потому что еще рано, говорю я себе. Я только наполовину проснулась. Может быть, когда съем эти вафли и приму душ, то осознаю всю судьбоносность этого момента.

— Супер, — говорит он, и тут раздается стук в дверь. — Я закажу столик на восемь.

Мое сердце начинает биться вдвое быстрее, и я захожу в свою комнату.

— Завтра, — говорю я.

Он стреляет напоследок улыбкой и торопится к лестнице.

— Это свидание.

* * *

В пятницу я должна работать с пяти до закрытия, но Марсела с Нэйтотом узнают, что у меня свидание с Келланом МакВи, поэтому соглашаются подменить меня. В пятницу вечером кофейни в Бернеме не слишком переполнены, поэтому с ними все будет в порядке.

Они говорят мне это с полдюжины раз, сидя на моей кровати и раздумывая над нарядами, которые я примеряю.

«Verre Plein» — это крошечный французский ресторан с длинным списком вин, дорогим меню и официантами в длинных белых фартуках. Это разительно отличается от макарон с сыром и фаст-фуда, которые доступны на территории кампуса, и мой обычный прикид — джинсы с футболкой — никак не подходит. Я добыла несколько платьев из глубин своего шкафа, и у меня есть три пары туфель на каблуках: черные, золотистые и красные — в дополнение к ним.

— Слишком чопорно, — говорит Нэйт, когда я прикладываю синее ретро-платье с отложным воротничком. — Это свидание с Келланом МакВи, а не с менонитом.

— Хотя попридержи его, — добавляет Марсела, — на случай, если ты действительно пойдешь на свидание с менонитом.

Я вешаю его обратно в шкаф.

— Всегда есть надежда.

Мой следующий вариант — белое платье без бретелек с черными кожаными ремешками, пересекающимися на талии, и черной отделкой снизу, которое оканчивается на добрых шесть дюймов выше колен.

— Нет, — произносим мы все одновременно. Это чертовски сексуально? Да. Уместно ли? Абсолютно нет. Не огорчена ли я слегка, что однажды — может, раз семь — надевала его на выход? Э-э, да.

Они быстро накладывают вето на мои четыре оставшихся платья, называя их безвкусным, скучным, позорным и отвратительным, соответственно. Фиговый гардероб лишь подытожил мою проблему с «все или ничего».

— Так что у меня есть туфли и ничего больше. — Я плюхаюсь на кровать рядом с ними.

— Нет худа без добра, — говорит Марсела, — может быть, это все, что тебе понадобится.

— Сначала пусть оплатит твой ужин, — перебивает Нэйт, — и изображай неприступность, надевая одежду.

Я смеюсь:

— Спасибо, папочка.

— Ладно, — говорит Марсела, — я так и думала, что все может этим закончиться, так что принесла тебе кое-что.

У нее был рюкзак, когда она пришла, но я решила, что он набит учебниками. Между тем она ныряет в него и достает маленькое черное платье с изящным кружевным вырезом. В прошлом году мы менялись одеждой, так что я знаю, что у нас один размер, поэтому по ее настоянию иду в ванную, примеряю его и возвращаюсь для их оценки.

— Да, — объявляет Марсела.

— Примерь их с красными туфлями, — настаивает Нэйт.

Я надеваю их и так быстро кружусь перед ними, что хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

— Великолепно, — говорят они. — Идеально.

И глядя в зеркало в полный рост, которое мы прислонили к письменному столу, потому как я не озаботилась тем, чтобы повесить его, вынуждена с ними согласиться. Платье без рукавов, аккуратно до колена, поэтому открывает довольно много кожи, но не настолько, чтобы не подойти для французского ресторана. Красные туфли оживляют его, а когда подходит Марсела и скручивает мои волосы в свободный пучок, я выгляжу красиво и

романтично.

— Мне нравится, — говорю я.

Нэйт бросает взгляд на свои часы и поднимается:

— Напиши нам, как все проходит. Нам нужно идти.

— Кайфолом. — Марсела убирает очередную прядь мне за ухо и удовлетворенно кивает. — Сделай все, что сделала бы я, — командует она.

Я улыбаюсь:

— Обещаю.

— *Никаких трусиков*, — беззвучно произносит она, когда Нэйт тащит ее из комнаты.

— О, боже, — стонет Нэйт. — Надень трусики, Нора.

Я смеюсь и машу им, а затем изучаю свое отражение в зеркале. У Келлана занятия до семи, что означает, мне нужно убить еще несколько часов до нашего свидания в восемь. У платья нет молнии, его нужно снимать через голову, и так как я не хочу портить прическу, решаю остаться в платье, пока жду. Скидываю каблуки и хватаю учебник по антропологии, чтобы немного почитать.

Вырубаясь, когда антропология оказывается не такой волнующей, как я думала, и просыпаюсь, скукожившись на диване. Смотрю на время — десять минут восьмого. После окончания занятий, Келлан пойдет домой, что займет у него около двадцати минут. Спешу в ванную, чтобы стереть размазанную тушь и нанести еще один слой. Провожу по губам красной помадой, изо всех сил стараясь преподнести себя непринужденно и эффектно.

Подумываю налить себе бокал вина, пока жду, полагая, что если буду сидеть за стойкой в платье и туфлях, то это будет выглядеть сексуально и утонченно, но у нас нет вина и в этом платье сложно взгромоздиться на стул.

От моей вчерашней нерешительности не осталось и следа. Все что мне было нужно, так это чтобы вся текущая ситуация «Келлан МакВи позвал меня на свидание» улеглась в голове, и как только это произошло, я ощутила радостное волнение. Крошечные бабочки порхают в моем животе, и я меряю шагами гостиную, стараясь успокоиться.

Я не так уж часто ходила на свидания в прошлом году. Много *выбиралась поразвлечься*, но всегда с Марселей. Вечеринки, бары, тусовки — никогда от них не отказывалась. В попытке скрасить годы одиночества в старшей школе я соглашалась на многое, на что не должна была. Может, поэтому сегодняшний вечер кажется таким особенным — как я сказала недавно, сказать «да» и в самом деле что-то значит.

Мое «да» Келлану МакВи — технически не первое, но первое, о котором он вспомнит — что-то значит.

Смотрю на часы. Без десяти восемь. Он будет здесь с минуты на минуту. Опускаюсь обратно на диван, включаю телевизор и смотрю новости. Мы нечасто видимся дома, так что я не вполне уверена, о чем нам говорить. Может, будет уместно знать о текущих событиях.

Когда ровно в восемь новости закачиваются — Келлана все еще нет дома.

Ничего страшного. У него есть машина, а до ресторана ехать десять минут — кому какое дело, если мы опоздаем на несколько минут?

Пятнадцать минут спустя я определенно начинаю волноваться. И я по-настоящему голодна. Мой желудок урчит — это досаждает, и наконец я сдаюсь и съедаю крекер. Не хочу перебить аппетит.

Без двадцати девять мой желудок скручивает уже от отчаяния и разочарования, а не от голода. Он не пропустит свидание, ведь так? В смысле, я могла бы написать ему, но зачем?

Если бы он задержался — или вообще помнил об этом, — он бы прислал сообщение. Или позвонил. Или хоть как-то попытался бы сообщить, что он не забыл обо мне. Снова.

Без десяти девять телефон пиликает, и я хватаюсь за него словно за спасательный круг, но это всего лишь Нэйт спрашивает о последних новостях. Тяжко вздыхаю и не отвечаю. Я не в настроении, чтобы отчитываться о втором романтическом разочаровании за неделю.

В пять минут десятого роюсь в холодильнике в поисках еды, но к выходным я всегда остаюсь без продуктов. Все, что у нас есть — шкаф, забитый дурацкими макаронами с сыром Келлана, несколько контейнеров с протеиновым порошком и полкоробки хлопьев, но нет молока.

Съедаю пригоршню сухих хлопьев и стараюсь не разреветься, отчего могла бы почувствовать себя лишь еще более жалкой. Представляю, как Келлан заходит, а я стою с потеками туши на щеках, с пригоршней хлопьев, с прической, в одолженном платье и в красивых красных туфлях, сдавливающих пальцы ног.

Этот образ сподвигает меня бросить оставшиеся хлопья в раковину и скинуть туфли. Топаю в комнату и стягиваю платье через голову, словно каким-то образом оно принимало участие в этом разочаровании. Волосы взъерошиваются, но я оставляю их как есть, однако хватаю салфетку, стираю помаду и яростно швыряю в мусорку. Настолько резко, насколько ее вообще можно швырнуть.

Моя нижняя губа дрожит, когда я натягиваю спортивные штаны и топ. Все мое тело горит, с головы до кончиков пальцев, от огорчения и унижения. Возвращаюсь на кухню и наливаю стакан воды, стараясь успокоиться и рассуждать логически. Что я должна сказать Келлану, когда он придет? Притвориться, что я тоже забыла о свидании? Разыграть все так, словно это было легкомысленное приглашение в духе «может пойдём, может нет»? Или рассказать ему о своем праведном гневе, что он не удосужился даже написать соседке, что не придет? Я знаю, родители оплачивают его телефон — все, что ему нужно было сделать — воспользоваться им.

Стук в парадную дверь застаёт меня врасплох, и я закашливаюсь, поперхнувшись водой, которую только что отпила. Распахиваю дверь, ожидая обнаружить Келлана с пристыженным видом рассказывающего, что его ограбили, и он в процессе потерял телефон и ключи от дома, но это не он.

Это Кросби.

Ко-нахрен-нечно.

— Что? — рявкаю я. Скрещиваю руки, потому что я злюсь и потому что холодно. И потому что Кросби, одетый в серую футболку, джинсы, распахнутый вельветовый пиджак и с рюкзаком на плече, выглядит гораздо привлекательней, чем должен.

— А... — Его нерешительная улыбка исчезает, когда сталкивается с хмурым взглядом на моем каменном лице, и он бросает взгляд мне через плечо.

— Келлан здесь?

Я приподнимаю бровь.

— Нет.

Он легонько передергивается:

— Могу я войти?

— Зачем?

— Потому что мы должны были играть в «*Fire of Vengeance*», а игра у него.

— Ну, его нет.

Он кажется раздраженным:

— Я слышал тебя. Позволь мне зайти и взять игру.

Сейчас мне не до попыток взять игру в заложники:

— Ладно. Без разницы.

Отступаю в сторону, и он заходит и скидывает обувь.

— Почему ты так злишься? — спрашивает он, когда я следую за ним в гостиную.

— Я занята. — Я абсолютно не занята, но не собираюсь признаваться, что меня кинули.

Особенно когда уверена, что Кросби Лукаса никогда не кидали.

— Что ты делаешь?

— Занимаюсь. — Это первый ответ, что приходит мне в голову, и самый правдоподобный. Даже если сейчас вечер пятницы.

— Ха. — Он копается в стопке игр на консоли, разыскивая ту, за которой пришел. — Здесь тихо.

— Так и должно быть.

— Верно. — Он мнетя. — Ты не против, если я потусуюсь здесь немного?

— Сейчас у меня нет желания слушать твои взрывы.

— Не играть. Заниматься. У меня дома настоящее безумие, и я отстаю по материалу.

Я фыркаю:

— Воспользуйся библиотекой. — Я не *это* имела в виду. Сказав «библиотека» своим самым ехидным тоном, я только придаю больший вес инциденту, что произошел во вторник, а должна была притвориться, что мне плевать. Черт, я должна была забыть не только ту встречу, но и самого Кросби Лукаса — и вот он в моей гостиной. Как всегда.

Кросби вздрагивает:

— Я хотел извини...

Ох, твою мать. В данный момент я не вынесу извинений. Не когда мое хладнокровие висит на волоске.

— Знаешь что? — перебиваю я. — Делай что хочешь. Только меня не трогай.

Поворачиваюсь, шагаю в свою комнату и хлопаю дверью. У меня не слишком хорошо получается скрывать свои чувства, но я хотя бы дистанцировалась от него.

Меня жутко тянет спрятаться под одеялом, пока эта кошмарная ночь не пройдет, но сна ни в одном глазу, пустой желудок не перестает урчать, и каждое слово эссе по английскому, что я пишу, — помойка. Чувствую себя тигром, который мечется по своей клетке, отчаянно желая выбраться, не вполне уверенная, куда податься, но несомненно мне бы хотелось оторвать чью-то бошку.

Легкий стук в дверь заставляет мою голову повернуться, как у той девочки из «Экзорциста», и, хотя я планировала игнорировать его, все равно откликаюсь:

— Чего?

— Я заказал пиццу. — Его голос глухо звучит через дверь, но он не поворачивает ручку.

От этой новости мой желудок радостно подпрыгивает. Еда! Пицца! А затем он падает, потому что Кросби с Келланом заказывают по доброй порции пиццы с говяжьим фаршем, анчоусами и оливками — всем, что я нахожу отвратительным.

— Я не хочу твою гадкую пиццу, — ворчу я. — Но в любом случае спасибо.

— В ней только одна половина гадкая, — отвечает он. — Вторая скучная.

Желудок снова приободряется. Мы обсуждали это как-то: я люблю пепперони и много сыра, что Кросби с Келланом единодушно объявили самой скучной пиццей на земле.

Я встаю и распахиваю дверь, вынуждая Кросби отскочить, будто его ударило током. С подозрением оглядываю комнату:

— Здесь правда пицца?

— Да. — Он указывает на кофейный столик, где ждет закрытая коробка.

— Ты врешь насчет скучной половины?

— Хотел бы. — Знаю, что он смотрит мне за плечо, пока говорит, и видит скомканное платье на кровати и забытые красные туфли, брошенные рядом. Пусть думает, что хочет.

Закрываю дверь, выползаю из комнаты и хватаю тарелку из шкафчика на кухне. Рядом с пиццей стоит двухлитровая бутылка пепси, что тоже очень хорошо выглядит. Беру стакан и салфетки из остатков заказанной Келаном еды на вынос и направляюсь к дивану, чтобы взять пару кусочков.

Открываю коробку и убеждаюсь, что Кросби говорит правду — одна половина блаженно не запятнана его ужасными начинками. Хватаю два кусочка и плюхаю их на свою тарелку. Он приближается, почти застенчиво садится на диван со своей собственной тарелкой и берет себе кусочек.

— Ты останешься? — спрашивает он, когда я, не сядя, наливаю стакан пепси. — Сделай перерыв и посмотри со мной телевизор.

Я смотрю на него краешком глаза. У него пятнышко томатного соуса на верхней губе, и он слизывает его, когда тянется к пульту.

— Там нечего смотреть, — говорю, лишь бы поворчать.

— Всегда что-то есть.

И хотя это совершенно противоречит моему плану «избегать и забыть Кросби Лукаса», я не совсем готова вернуться в свою комнату, так что сажусь в дальний конец дивана и подгибаю ноги, засовывая босые ступни между подушками. Откусив первый кусочек пиццы, чуть закатываю глаза.

Кросби щелкает каналы, пока не находит шоу о старых реальных преступлениях, в котором восстанавливают загадку десятилетней давности и ее возможный исход. Говорю себе, что собираюсь остаться, только пока не прикончу пиццу, но история молодой жены и матери, убитой в своем доме в солнечный воскресный день, словно приклеивает меня к месту — моя болезненно впечатлительная сторона не желает оставаться без ответа.

— Сто пудов, это ее муж, — говорит Кросби в первую рекламную паузу. — У него была интрижка, и он не хотел платить алименты на ребенка, поэтому убил ее.

— Это отзывчивый сосед, — спорю я. — Судя по тому, что он организовал тот поисковый отряд из добровольцев, он точно знал, что она была на чердаке. Убийцы всегда стараются оказывать содействие.

— Ты много знаешь об убийцах, а?

Одаряю его взглядом:

— Ты был бы удивлен.

Он смеется и корчит рожицу:

— Боже, Нора.

Я улыбаюсь, сама того не желая. К тому времени, как шоу заканчивается, я съела три с половиной кусочка пиццы и чувствую себя разбухшей и удовлетворенной свиноматкой.

— Поверить не могу, что это была воспитательница из детского сада, — говорит Кросби, выключая телевизор и глядя на меня. — Что за психопатка. — У нее было опасное влечение к ничего не подозревающему мужу, и она рассматривала жену как ненужную

конкурентку.

— Да. — Мы замолкаем, глядя на темный экран телевизора. Я тереблю ниточку, что торчит из моих штанов, а Кросби барабанит пальцами по колену.

— Нора, — произносит он в конце концов.

Я не смотрю на него.

— Что?

— Я очень сожалею о том случае в библиотеке.

Хоть отчасти я и ожидала, что он скажет об этом, все равно чувствую неудобную тяжесть в груди, жгучие воспоминания о том вечере всплывают на поверхность.

— Забудь об этом, — говорю я, хотя эта инструкция скорее для меня, чем для него.

— Это был парень из кофейни, не так ли?

— И что? — Я делаю движение, намереваясь встать, которое, кажется, побуждает его спросить:

— Он твой бойфренд?

Я стараюсь не смотреть с надменностью.

— Нэйт? Нет, он влюблен в Марселу, как и любой парень, который видит ее. — Вспоминаю, как Келлан спрашивал о ней в тот вечер в кофейне. Как каждая голова поворачивается, когда она проходит мимо. Как Келлан забыл обо мне, хотя я живу здесь, и у нас были планы. Думаю о том, что его отсутствие волнует меня меньше, чем неожиданная компании Кросби. И о том, что это происходит постоянно.

— О. Я думал, может быть, вы были вместе.

— Не так вместе, как были ты и твоя... подруга.

— Мы не вместе.

— Без разницы. — На этот раз я встаю, хватаю со стола стакан с тарелкой и несу их в кухню. Через секунду Кросби следует за мной со своей тарелкой и встает рядом, пока я ополаскиваю свои и засовываю их в крошечную посудомоечную машину. Келлан не лгал об этом, он действительно моет посуду и выносит мусор. Он достойный сосед, просто отвратный парень для свиданий.

— Чувствую себя придурком из-за этого, — выпаливает Кросби. — Я видел твой взгляд, и просто...

Боль, что я чувствую от поступка Келлана, переплетается с обжигающим воспоминанием о том, как Кросби зажимался в библиотеке, и когда он не заканчивает предложение, я огрызаюсь:

— Ты просто что? — Возможно, я ревную и слегка сексуально неудовлетворена.

Он моргает, пораженный.

— Я просто хотел извиниться, — говорит он неловко. — У меня был плохой день, а она подруга друга и... Не знаю. Я думал немного забыться. Но сделал все только хуже.

— Когда я видела тебя, не казалось, что тебе было «хуже».

— Не тогда, — говорит он, встречаясь со мной взглядом. — После.

Осознаю, что сжимаю рукой дверцу посудомоечной машины и заставляю свои пальцы разжаться.

— Ты не должен мне ничего объяснять.

Ни один из нас не двигается, а кухня настолько маленькая, что с двумя людьми кажется переполненной.

— Думаю, должен, — говорит он, ковыряя ногой пол. Мы оба долго смотрим на наши

ноги: его серые шерстяные носки и мои ногти, окрашенные в красный цвет для сегодняшнего свидания. И хотя мне хочется сократить короткое расстояние между нами и почувствовать что-то — что угодно, кроме этого отторжения, и разочарования, и грусти, — я не двигаюсь. Потому что, возможно, мой план «забыть Кросби Лукаса» провалился, но план «не испогань все, Нора» — нет, и связываться с тем, кто *только и знает*, как валять дурака, не стоит на повестке дня.

И только он собирается сказать что-то еще, как мы слышим звук открывающейся входной двери, автомобильный сигнал и слегка пьяный смех Келлана на лестничной площадке. Кросби стреляет в меня последним многозначительным взглядом, перед тем как ретироваться в гостиную и схватить свою сумку с пола, оставляя между нами побольше пространства, прежде чем Келлан поднимется.

— Привет, ребята, — говорит он с усмешкой. Его улыбка чуть гаснет, когда он смотрит на нас. — Что вы здесь делаете? Вместе? Одни?

— Вместе одни — получается, ничего, — говорит Кросби, закидывая сумку на плечо и сгребая пиджак со спинки стула. — Я пришел, чтобы взять «Target Ops: Fury».

Это определено не та игра, которую он упомянул, когда пришел, и если мне память не изменяет, «*Fire of Vengeance*» все еще лежит на кофейном столике. Я обдумываю это, в то время как Келлан говорит:

— Ты должен был прийти на игру, Кро. Она была эпической. Огромная драка в центре льда.

При упоминании «льда», я вспоминаю плакаты по всему кампусу, рекламировавшие игру перед началом сезона между топ-рейтинговой хоккейной командой Бернема и каким-то другим колледжем. И вот тогда меня, наконец, осеняет: Кросби пришел сюда не в поисках Келлана.

И словно он знает, что я собрала всю картинку вместе, уши Кросби краснеют, и он сбегает вниз по лестнице. Я слышу шорох одежды, когда он надевает ботинки и накидывает пиджак, а затем скрип открывающейся двери.

— Чувак, — зовет его Келлан. — Мы можем прямо сейчас поиграть, если хочешь. Не злись.

Единственным ответом ему является хлопнувшая входная дверь, и зловещий холодок проносится вверх по лестнице.

— Ничего себе. — Келлан пробегает руками по своим волосам. — Ты можешь в это поверить? Этот парень сам не свой в последнее время. Я вроде как беспокоюсь.

Его глаза остекленели, рубашка застегнута неправильно, и внезапно мои силы иссякают. Какой бы жар не назревал в этой кухне, он был потушен несвоевременным приходом Келлана, и не знаю, что испытываю из-за этого — облегчение или разочарование. Глядя на него, тем не менее, я не чувствую ничего, кроме усталости.

— Я иду спать, — бормочу я, обходя барную стойку и направляясь в свою комнату.

— А ты хочешь поиграть в «Target Ops: Fury»? — окликает меня Келлан. Он провел бесчисленное множество часов, играя в эту дурацкую игру, но ни разу не спросил меня об этом, и в данный момент я ни единой частичкой не хочу присоединиться к нему. Кроме того, уверена, если бы я согласилась, он бы все равно нашел какой-нибудь способ исчезнуть.

— Нет, — говорю я, захлопывая дверь своей спальни. — Не хочу.

Глава восьмая

Следующим утром, выбравшись из своей комнаты, обнаруживаю, что Келлан занимается, сидя на диване.

— Хэй, — говорит он.

Я хмурюсь и смущенно провожу рукой по своим спутанным волосам.

— Что ты здесь делаешь? — Келлан никогда не приходит домой в пятницу вечером — или в субботу, если на то пошло, — так что хоть я и увидела его, почему-то решила, что он снова исчезнет до восхода солнца.

Ташусь на кухню, потирая сонные глаза и желая, чтобы мои волосы не выглядели так, словно ночью их взорвали. План таков: перехватить стакан воды и немного крекеров — тюремная пища, или совершенно нормальный завтрак, если ты студент колледжа, который не знает, как планировать питание, — а затем пойти в продуктовый магазин, прежде чем отправиться на работу в три.

— Нора.

Я закрываю дверцу холодильника и, повернувшись, вижу, что Келлан стоит у входа в кухню, сжимая в руке маленький букет цветов, завернутых в розовый целлофан.

— Что происходит?

— Прости меня, — серьезно говорит он. Уже второе извинение на кухне за последние двенадцать часов. — Я полностью облажался прошлым вечером. Совершенно забыл, что у нас были планы — что заказал столик, и все такое, — и чувствую себя таким мудаком. Мне очень, очень жаль. Пожалуйста, прости меня.

Пялюсь на цветы, словно они могут быть покрыты вирусом сибирской язвы. Сколько девушек умерло бы, лишь бы получить цветы от Келлана МакВи? Окей, ладно, какая-то крошечная частичка меня все же хочет поднять свою руку. Но то, что я стою здесь с крекерами в руках, является суровым напоминанием о разочаровании прошлого вечера, и несколько цветочков не исправят это.

— Это было очень грубо, — говорю я.

— Знаю. Мне так...

— Я ждала тебя.

— Я...

— И я чувствовала себя идиоткой.

— Пожалуйста...

— И умирала от голода. — Я не ожидала увидеть Келлана в ближайшее время, и правда не решила, как справиться с этой конфронтацией. Похоже, я выбрала прямой подход.

Он трет свободной рукой лицо.

— Я был пьян, когда вернулся домой, и даже не помню этого. Я выключил свой телефон на игре, а этим утром увидел звонок из ресторана с просьбой о подтверждении заказа, и все вспомнил и... мне так жаль, Нора. Правда. По-настоящему. Пожалуйста, прости меня. Ты мне нравишься, и ты хорошая соседка, и я никогда бы намеренно не ранил твои чувства. Или заставил голодать — независимо от причины.

Стараюсь цепляться за свой гнев, но несмотря на то, что я обиделась, что обо мне забыли — снова — правда в том, что благодаря визиту Кросби, жгучая боль от исчезновения Келлана почти ушла. Я выдыхаю, не зная, сколько задерживала дыхание.

— Забудь об этом, — говорю ему. В отличие от моего «без разницы», сказанного

Кросби прошлым вечером, на этот раз я имею в виду именно это. Эти два события ранят на двух совершенно разных уровнях, и я не собираюсь рисковать и выяснять почему.

Келлан явно испытывает облегчение.

— Спасибо, — говорит он, шагая ко мне и заключая в неловкие объятия. Не уверена, что мы когда-либо по-настоящему касались друг друга, помимо нашего рукопожатия при знакомстве и одного раза, когда он дал мне «пять», достигнув высшего результата в «*Fire of Vengeance*». Кроме того раза, когда у нас был секс, и он забыл об этом.

— Нет проблем, — говорю я, когда мы отступаем друг от друга. — Теперь, если ты простишь... — Показываю руку с крекерами. — Я собираюсь позавтракать, а затем принять душ.

Он таращит глаза на крекеры.

— Это завтрак?

— Сегодня день закупа продуктов.

— Хочешь вместо этого макарон с сыром? У меня много.

Мой желудок забурлил.

— Я не против.

Внезапно он указывает на меня.

— Вот что, — заявляет он, словно только что решил проблему мирового масштаба. — Я отвезу тебя в магазин. У меня есть машина, так что мы можем поехать в «Картерс», а не в продуктовый на кампусе.

Сейчас мне не хочется полагаться в чем-то на Келлана, даже в чем-то настолько простом, как поездка в продуктовый на кампусе — крохотный магазинчик с аховыми ценами, чем и объясняется мой скудный запас продуктов. «Картерс» — огромная сеть магазинов и гораздо лучший вариант, но чтобы добраться туда, нужно слишком много мучений и три пересадки на автобусе.

— Ты уверен? — спрашиваю я, в сомнениях прищурившись. — Не получится так, что я выйду из душа, а тебя нет?

— Вот те крест, — говорит он, рисуя крест на груди указательным пальцем. И в кои-то веки я обнаруживаю, что не люблюсь его красивыми грудными мышцами — мне интересно, сколько весит его слово.

Полагаю, скоро узнаем.

— Окей, — говорю я. — Дай мне двадцать минут.

— Я даже мускулом не шевельну.

Мой разум тут же наполняется образами сексуального, мускулистого торса, но не Келлана я себе представляю.

— Мне хватит и десяти, — говорю я, удирая из кухни. Есть ли шанс, что я смогу выдержать холодный душ дольше?

* * *

Поход в магазин с Келланом МакВи во многом похож на то, как я представляла себе его с Заком Эфроном — это полное сумасшествие. Все пялятся. Словно никто прежде не видел красивого студента. Не поймите меня неправильно — Келлан крайне сексуален. Но он одет в потрепанную старую футболку, спортивные штаны, сандалии и бейсболку. Он совсем не старается привлечь внимание, и тем не менее кажется, будто каждая пара глаз следует за ним на парковке, в магазине, в каждом проходе между витринами.

Не могу ничего с этим поделать, но хочется быть немного лучше одетой для прогулки.

Из-за того, что мы шли всего лишь в продуктовый магазин, я выбрала джинсы, балетки и мешковатую белую рубашку на пуговицах. Волосы стянуты сзади, а единственный мейкап, который я удосужилась нанести — тушь и блеск для губ. Ни в чем из моей одежды нет дырок, но увидев осуждающие взгляды, которые на меня бросали, вы бы поклялись, что я одета в мешки для мусора.

Мы находимся у стеллажей с крупами, когда звонит телефон Келлана. Он вытаскивает его из кармана и смотрит на экран.

— Это Кросби, — говорит он, а затем отвечает: — Йоу.

Я теряю дар речи, стоит мне услышать приглушенный звук голоса Кросби.

— Да, — говорит Келлан, почесывая задницу и закидывая коробку мюсли в тележку. — Я в магазине с Норой. Она ела крекеры на завтрак.

Тот бормочет что-то в ответ, и Келлан оглядывает меня с головы до ног.

— Знаю, — говорит он. — Я собираюсь откормить ее.

Я корчу рожицу, но смеюсь помимо воли.

— Вообще-то, — продолжает он, — я пытаюсь вновь заслужить ее милость. Помнишь, я говорил тебе, что веду ее на ужин прошлым вечером? О чем я абсолютно забыл и вместо этого пошел на игру, так что...

Слышу, как Кросби отчаянно пытается перебить его. Но уже слишком поздно — я и так начала подозревать это вчера вечером, но теперь убедилась: Кросби знал, что Келлан кинул меня. Он знал, что мы должны были ужинать вместе, знал, что Келлан решил идти на игру, и пришел под каким-то неубедительным предлогом в виде видеоигры, затем остался «позаниматься» и заказал пиццу. Он видел брошенное платье и туфли в моей комнате — он видел все.

Может, я должна бы испытывать возмущение или неловкость. Может, должна ощущать, что мной манипулировали или одурачили. Но я не чувствую этого. Потому что вопреки своему сильному желанию быть невидимой, вопреки постоянным жалобам на то, как легко меня не заметить, прошлым вечером Кросби сделал все, что мог, чтобы убедить меня, что это не так.

Прихожу в ужас, когда мой нос начинает покалывать, а глаза жечь; должно быть, это месячные. Ни за что на свете не заплачу посреди «Картерс», потому что кто-то выдумал повод, чтобы побыть со мной.

— Ладно, мужик, — слышу, как Келлан говорит это, в то время как я изо всех сил стараюсь успокоиться. — Знаю, знаю. Хочешь, чтобы я взял что-нибудь для поездки? Да? Какой аромат? Хорошо, сделаю. Пока.

Он вешает трубку и, хотя мое сердце все еще скачет в груди, я умудряюсь предотвратить конфуз в виде приступа плача.

— Что, э, что за поездка? — спрашиваю я, пытаюсь вести себя так, словно я только что не связала факты в единое целое, подслушав разговор.

— Чего? — Келлан бросает еще одну коробку мюсли и снова катит тележку. — А, мы едем завтра на неделю «тренировочных встреч». — Мы поворачиваем за угол, где две девушки в платьях и на каблуках — в продуктивном магазине! Утром! — хихикают и машут, и Келлан улыбается и кивает в ответ. Прежде чем мой ум успевает придумать свое собственное определение «тренировочных встреч», Келлан объясняет: — Это связано с бегом. Типа, мы будем путешествовать по разным колледжам и соревноваться с их командами. Это не официально, скорее как практика. И мотивация. Мы видим их

возможности, они наши. Тогда мы все будем знать, над чем поработать.

Думаю о Кросби:

— *Мы* — это команда по легкой атлетике?

— Ага.

Совершенно великолепная блондинка прогуливается по ряду с выпечкой, стреляя в Келлана ослепительной улыбкой.

— Привет, — говорит она.

— Привет, — отвечает он.

Они улыбаются друг другу — просто два красивых человека чувствуют себя красивыми.

Я вздыхаю.

И тогда до меня доходит — я не ревную. И меня совсем не волнует, что Келлан уезжает на неделю. Это по Кросби я буду скучать. Что целиком противоречит моему плану. Я должна бы быть в экстазе, что расписание команды по легкой атлетике согласовывается с моим намерением забыть его, но нет.

— Ты в порядке? — Келлан с беспокойством присматривается ко мне.

— В абсолютном, — лгу я. Улыбаюсь ему, но чувствую себя дурой по сравнению с блондинкой.

— Думал, ты будешь в восторге. — Он изучает пачку муки, а затем зачем-то кладет ее в тележку. — Всю неделю квартира будет полностью в твоём распоряжении.

— Ты не так уж часто там бываешь.

— Да нет же! — смеется он. — Я нахожусь там. Это тебя вечно нет. Ты уходишь на занятия, ты уходишь на работу, ты уходишь в библиотеку. Ты уходишь-уходишь-уходишь. Когда ты просто расслабляешься и веселишься?

— Я развлекаюсь.

— Да? — Он выглядит заинтересованным. — Когда?

Я прикусываю губу.

— Окей, ладно. Я *веселилась*.

Он качает головой. Нужно отдать парню должное — прошло с полдюжины женщин, но во время нашего разговора его внимание сосредоточено на мне.

— Веселилась. Типа, в далеком прошлом?

Я посмеиваюсь, чувствуя себя дурочкой.

— Кажется, что так и есть. — Изучаю обратную сторону коробки со смесью для кекса, надеясь, что он сменит тему, но когда я поднимаю взгляд, он просто пялится на меня, как бы всем своим видом говоря: «я могу ждать весь день».

Вздыхаю и кладу коробку обратно на полку.

— Я учусь так много не потому, что мне это нравится, — признаюсь я, разворачивая тележку в проход с молочной продукцией. — Я занимаюсь, потому что у меня стипендия, а в прошлом году я не училась — типа, совсем — и почти потеряла ее. По факту я лишилась половины. Так что в этом году я должна взяться за ум. И серьезно.

Он выглядит удивленным:

— Я тоже.

Хватаю йогурт и кладу в тележку, за ним следуют яйца. Теперь у меня множество вариантов на завтрак.

— И я не хожу на вечеринки или что-то подобное, потому что чересчур много делала это в прошлом году, а у меня правда не срабатывает выключатель. Это просто: все или

ничего. Одни вечеринки и никакой учебы. — Я не собираюсь упоминать о своем аресте. — И если бы я не остановилась, пришлось бы жить с родителями и остаться без перспектив устроиться на хорошую работу.

— Полностью тебя понимаю, — кивая, говорит Келлан. — Поэтому эта договоренность идеальна. — Он жестами указывает между нами. — Ты как потрясающий образец для подражания. Я прихожу домой, вижу, что твоя дверь закрыта, и понимаю, что ты занимаешься в комнате. И я тут же думаю: «Лучше учись, Келлан, если хочешь окончить колледж». А затем ты идешь на работу, и я такой: «Пора тренироваться».

Кошусь на него:

— Серьезно?

— Да. Поэтому я и дал то объявление. Хотел кого-то вроде тебя; только не думал, что найду.

Ты нашел меня на «*Майском Сумасшествии*», — думаю я. Но вслух произношу:

— Рада, что это срабатывает. Для нас обоих.

Он ухмыляется.

— Отныне я тоже буду соблюдать свою часть договора, — говорит он. — Теперь я понимаю, почему учеба так важна для тебя. И я скажу Кросби, чтобы перестал заглядывать без предупреждения — прошлым вечером он явно мог поиграть в одну из своих игр. Ему не нужно было тревожить тебя.

Ошибаешься, Келлан.

— Кросби — не проблема.

— Ты не обязана вести себя мило. Он мой лучший друг, но мы можем тусоваться у него.

Мысль о том, чтобы меньше видеть Кросби, вызывает очередной всплеск разочарования.

Кто бы мог подумать?

— Правда, — говорю я. — С ним все в порядке.

И это преуменьшение года.

* * *

К сожалению, Келлан был верен своему слову. Я не вижу Кросби до самого их отъезда, но и когда они возвращаются к середине октября, все равно не сталкиваюсь с ним. Он находится поблизости — я слышу, как Келлан разговаривает с ним по телефону, или иногда он рассказывает мне о чем-то, что сказал или сделал Кросби, когда они тусовались вместе, но он не приходит в квартиру. По крайней мере когда я там. В «Бинс» он тоже не заглядывает, и как бы не старалась, я начинаю заикливаться. Что Келлан сказал ему? Держись подальше от Норы, ей нужно заниматься? Или это вообще не имеет отношения к Келлану, а все дело в том, чего не случилось на кухне той ночью? Ему неловко? Он сожалеет? Он ненавидит меня?

Окей, на самом деле я не думаю, что сделала что-то, за что меня можно ненавидеть, но мой разум пришел к этому, исчерпав все остальные возможности.

— Эй, — резко говорю я. Передо мной тарелка со спагетти на обеденном столе, а Келлан смотрит один из «Крепких орешков».

— Что такое? — спрашивает он, ставя фильм на паузу.

— Ты не знаешь, Кросби все еще заинтересован в вечере живого микрофона в «Бинс»?

Келлан хмурится и потирает пальцем между бровями.

— Он снова доставал тебя со своей «магией»? — с тяжелым вздохом спрашивает он. — Прости. Я поговорю с ним об этом.

— Нет, — поспешно говорю я. — Мы вообще не виделись, поэтому и спрашиваю тебя. Я думала, ему это было интересно, но он не записался, а все свободные места уже почти заняты. — Технически это правда, хотя я давненько не вспоминала о вечере живого микрофона или «магии» Кросби. Просто не знаю, как еще спросить у Келлана, чем занимается его лучший друг, без необходимости потом отвечать на неудобные вопросы.

— О, — говорит Келлан. — Он не упоминал об этом. Я могу выяснить у него, если хочешь.

Я сглатываю.

— Конечно. Было бы здорово. — У меня нет номера Кросби, и я никогда не давала ему свой. Расписания его занятий я тоже не знаю, так что у меня нет возможности столкнуться с ним, если только не подкараулить его у дома братства. Знаю, что противоречу сама себе. Это был мой план — забыть его, — но теперь, кажется, именно он тот, кто забыл обо мне, и я не могу думать ни о чем, кроме того, что предпринять, чтобы он снова меня заметил.

— Хочешь посмотреть со мной? — спрашивает Келлан, кивая на телевизор. — Кино только началось. Я могу включить заново, если хочешь.

— Нет. — Я качаю головой. — Спасибо, но мне нужно...

— Заниматься, — заканчивает он за меня, поднимая большой палец вверх. — Понятно.

Отношу свою тарелку в кухню. Рада, что съела большую часть спагетти до нашего разговора, потому что, кажется, мой аппетит пропал. Ополаскиваю тарелку и засовываю ее в посудомоечную машину, затем направляюсь в свою комнату, чтобы взять пиджак и сумку.

— Увидимся позже, — кричу я, выходя за дверь.

— Повеселись в библиотеке.

Я не отвечаю, передергиваясь, когда вечерний воздух встречает меня. На улице темно и тихо, стоит такой густой туман, что на расстоянии десяти футов уже ничего не видно. Взбираюсь на свой велосипед и кручу педали в сторону библиотеки, хотя в кои-то веки не она является моей целью.

Вопреки своему твердому намерению быть умнее в этом году, мне потребовалось слишком много времени, чтобы сообразить, как узнать, чем занимался Кросби Лукас: я буквально прочту это на стене.

Это противная допотопная традиция, и колледж в знак протеста закрашивает стены каждые пару лет, но туалеты на четвертом этаже здания Союза Студентов печально известны списками тех, с кем трахаются члены братства. Чем популярнее парень, тем длиннее список. Имена появляются и в мужском, и в женском туалете, и для некоторых это повод для гордости, в то время как для других — унижение. В прошлом году после перепиха с Келланом я неделю ходила сюда, чтобы посмотреть, не появилось ли мое имя в его крайне длинном списке, но его так и не было. В то время это было смесью облегчения и разочарования; сейчас же я чувствую лишь облегчение.

В шесть часов в среду в здании относительно тихо. Миную нескольких человек, когда подхожу к лифту, но поднимаюсь на четвертый этаж в одиночестве. Когда я вхожу в туалет, там находится девушка, но затем остаюсь только я. Перевожу дыхание и изучаю длинную череду кабинок. Если я правильно помню, третья посвящена парням «Альфа Сигма Фи». В прошлом году, проверяя список Келлана, я видела имя Кросби, но тогда не обратила внимания. Теперь же заинтересована только в нем.

Кабинки стандартно тесные, металл покрыт облупившейся серой краской. Списки написаны в основном черным маркером: имя парня сверху, а ниже нацарапаны имена его

завоеваний. Рядом со многими стоит дата, словно временной штамп. Это смесь почерков: какие-то аккуратные, какие-то корявые — списки обновлены случайными людьми случайной информацией. Без всякого любопытства просматриваю список Келлана. В нем аж шестьдесят два имени, датированные началом прошлого сентября, когда он только приехал в Бернем. Против воли роняю челюсть. Я знаю, что он... активен, но это больше, чем я ожидала. У меня был секс с пятью парнями в прошлом году, и я считала, что это много.

Хмурюсь, разглядывая его список. Он пронумерован, и в нем парочка пробелов: номера четыре, девять, двадцать два, сорок один и пятьдесят пустуют. Не знаю, куда я качусь, но чувствую болезненное удовлетворение, узнав, что я не единственная девушка, которую он забыл.

Убираю волосы за уши и изучаю кабинку. В ней задокументированы предполагаемые переписки примерно двенадцати парней, и длина списков варьируется от шести до шестидесяти двух, что, полагаю, делает Келлана «победителем».

Замечаю имя Кросби на противоположной стороне кабинки. В его списке двадцать пять имен, и каждое отзывается в моем сердце легким ударом ревности. Знаю, это глупо, но читаю имена в надежде, что узнаю их и пойму, какого типа девушки нравятся Кросби Лукасу. А каких он внезапно начинает избегать. Но не узнаю ни одну из «Кросбаб» и хмурюсь, дойдя до конца списка. Последнее похождение датировано вторым июня этого года. Его не было на кампусе все лето, но если он тот Кросби, которого я знала, — тот самый, с двадцатью пятью «Кросбабами» в виде насечек на изголовье его кровати — то естественно он путался с кем-то, с тех пор как начался новый учебный год. Как насчет той девицы в библиотеке? Просто чтобы убедиться, я проверяю списки других парней, и у большинства есть записи за сентябрь и октябрь. У одного Келлана десять, начиная с Дня Труда.

Мои глаза снова медленно перемещаются к списку Кросби. Информации у меня не больше, чем было, когда я пришла сюда — или нет? Я напугана той надеждой, что испытываю, при мысли о том, что у него не было секса ни с одной девчонкой, с тех пор как мы встретились, но это нелепо. Знаю, какая у него репутация. Видела его в действии. Вижу его историю, нацарапанную здесь, на стене в туалете. Он не монах и явно не страдает от отсутствия женского внимания.

Выхожу и хватаю свой велосипед, но не еду в библиотеку. Вместо этого просто кручу педали по округе, и мои чувства такие же сумрачные, как густой туман. Я не могу позволить себе привязываться к Кросби Лукасу, но и остановиться тоже не могу.

* * *

В пятницу, в два часа, у меня плановая встреча с деканом Рипли. Они с моим отцом были соседями по комнате тридцать лет назад, поэтому, к несчастью, он питает обоснованный интерес к моим успехам.

У меня две пары в пятницу, и, как правило, между ними я зависаю в библиотеке, вместо того чтобы ехать домой. Сегодня, однако, я хочу сменить свою стандартную униформу, джинсы и футболку, чтобы выглядеть уверенно и презентабельно на встрече с деканом Рипли. Последний раз мы встречались после моего ареста, и я почти уверена, что была одета в то белое платье с кожаными ремешками и ботинки Марселы на платформе. В этот раз, когда он позвонит моему отцу со свежими новостями, я хочу, чтобы слово «кожаный» не фигурировало в разговоре.

Со стоном ковыряюсь в своем шкафу, пока не нахожу голубое платье с отложным

воротничком. Натягиваю его через голову, надеваю к нему балетки и скручиваю волосы в высокий пучок. Отдельные прядки свободно свисают, но я думаю, что выгляжу вроде как мило и благонаравно — что нелегко, когда большая грудь и тоненькая талия заставляют выглядеть все, что бы я не надела, как угодно, только не благонаравно.

Прохаживаюсь взад-вперед, воображая предстоящую дискуссию, и уже почти полностью погрузилась в свое бормотание о том, что учусь на своих ошибках и что направляю их в новую, улучшенную версию себя, когда слышу, как открывается входная дверь и раздается хриплый смех примерно половины команды по легкой атлетике. Я замираю. Мне нужно уходить через десять минут, и на самом деле предпочла бы не объяснять, почему я дома посреди дня и куда иду. Или почему так одета.

Черт, черт, черт.

Может, они уйдут. Может, Келлан просто заскочил, чтобы взять игру или что-то вроде этого.

Но десять минут спустя они все еще там. Я слышу взрывы, красноречиво указывающие на «*Fire of Vengeance*», непрекращающиеся крики и ругательства. Когда не могу уже больше ждать, делаю глубокий вдох, изображаю на лице то, что, надеюсь, кажется радостным, а не раздраженным выражением, и выхожу из своей комнаты.

Воцаряется абсолютная тишина. Даже игра понимает намек, и перестают раздаваться взрывы.

— Нора, — говорит Келлан, резко вставая. Он выглядит виноватым. — Я... ты...

— Ухожу, — говорю я. — Оставайтесь. Играйте в свои игры. Развлекайтесь. — И тогда я замечаю Кросби, оседлавшего один из стульев. Все остальные теснятся в гостиной, сидя на диване или на полу, но он чуть подальше. Мне придется пройти в шести дюймах от него, чтобы добраться до лестницы.

Келлан поглядывает на своих друзей, словно тревожится, что они могут подумать, что он чересчур беспокоится из-за моего мнения, но мне плевать на них. Прошло две с половиной недели, с тех пор как я последний раз видела Кросби, и он хорошо выглядит. На нем выцветшие голубые джинсы и черный лонгслив, обтягивающий его бицепсы. Его волосы нуждаются в стрижке и торчат, словно он только что пробежал по ним пальцами, но его взгляд захватывает мой. Я бы поклялась, что видела в его взгляде — всего мгновение — что-то похожее на... желание. Затем оно быстро сменяется его обычной наглой ухмылкой и оценивающим беглым осмотром.

Слышу шепот: «Чувак, кто это?» и «Это твоя соседка?», а затем, хоть и знаю, что должна просто выкрикнуть: «Простите, нужно бежать!», я останавливаюсь, когда Келлан произносит мое имя.

Мое лицо растягивается в вежливой улыбке, и я разворачиваюсь поприветствовать присутствующих. На диване и на полу вокруг него сидит десять парней и около половины выглядят знакомыми.

— Привет, — говорю я.

— Нора. — Келлан подходит и становится возле меня, жестом указывая на группу, залпом произносит имена, указывая на каждого, и заканчивает: — А Кросби ты знаешь. Народ, это моя соседка, Нора.

— Хэй, Нора, — хором говорят они.

Келлан показывает им средний палец.

— Нора очень прилежная ученица и очень хороший воздействующий фактор, — говорит

он. — Никто не пытается испортить ее. — А для меня он добавляет: — Если кто-то из них попытается испортить тебя, немедленно скажи мне.

Я не до конца уверена, что он шутит.

— Приятно познакомиться, — говорю я, несмотря на то, что мгновенно забываю их имена.

— Ты идешь на вечеринку в честь Хэллоуина? — спрашивает один из парней.

— Э... что? — Я хочу забрать слова обратно, едва произнес их. Кто не понимает слов «Хэллоуин» и «вечеринка»?

— «Альфа Сигма Фи», — поясняет другой парень. — Каждый год мы устраиваем вечеринки. Вход только по приглашениям, но мы сделаем исключение.

В прошлом году Марсела получила приглашение, и я пошла на эту вечеринку, одетая распутной русалкой, и она была потрясающей. Они превратили место в дом с привидениями — в комплекте с пуншем, с добавленным в него алкоголем, и резиновыми звездочками, замороженными в кубиках льда, — входить позволялось только в «настоящих» костюмах: никаких попыток убедить людей, что ты Facebook, написав на лбу «book».

— О, спасибо, — говорю я, стараясь спрятать свой интерес, как наркоманка, будучи три дня без дозы, может притворяться, что не жаждет амфетамина. — Но в тот вечер я должна работать. — Это не совсем правда, «Бинс» закрывается рано на Хэллоуин, чтобы предотвратить разгром, который, бывало в прошлом, учиняли пьяные студенты. Костюмы делают людей бесстрашными — уж мне ли не знать. После того, как мы с моим вроде как бойфрендом расстались в прошлом году, на вечеринке по случаю Хэллоуина у меня был первый одноразовый секс с парнем, одетым как пластиковый игрушечный солдатик. Целую неделю после этого на мне было столько разводов зеленой краски, что не перечесть. Урок усвоен.

Вроде как.

— Скажи, что заболела, — предлагает Кросби, и на мгновение мне кажется, что вся комната погружается в тишину, простое предложение повисает в воздухе словно вызов.

Прежде чем я успеваю ответить, один из парней начинает говорить:

— Он сделает так, что это будет стоить твоего времени, — добавляет он, указывая большим пальцем на Кросби. — В прошлом году он пришел как модель нижнего белья.

Я заметила Кросби в прошлом году, но из-за того, что он отвратительный выпендрожник, немедленно выбросила из головы. Теперь, когда на этом заострили внимание, я припоминаю, как он выхаживал с важным видом и пьяно выкрикивал: «Ну и где ты *теперь*, Марк Уолберг? А?»

Улыбаюсь, вспоминая это.

— Что насчет этого года? — спрашиваю я его.

— Я буду Кларком Кентом, — вмешивается Келлан. — А Кросби Суперменом. — Он ухмыляется, глядя на меня, его глаза загораются. — Ты должна быть Лоис Лэйн⁹!

Комната взрывается одобрительными воплями и аплодисментами, и я сухо смеюсь. Женщина, мечущаяся между двумя мужчинами. Не стоит на повестке дня у «улучшенной Норы».

— Посмотрим, — говорю я, хотя наиболее вероятно мы не будем этого рассматривать.

— Она согласна! — кричит кто-то.

Я машу и направляюсь вниз по лестнице:

— Мне нужно идти.

Келлан перегибается через перила, наблюдая, как я надеваю пальто.

— Выглядишь горячо, — говорит он, кивая на мое платье. — Большое свидание?

— Что-то вроде этого, — отвечаю ему. В последнюю секунду замечаю, что Кросби стоит за ним, прислушиваясь.

— Повеселись, — говорит Кросби, чересчур долго удерживая мой взгляд.

Глава девятая

В том, чтобы выдержать сорока пятиминутный разговор о сексе — с девяностолетней секретаршей декана Рипли, вызванной, чтобы «засвидетельствовать» лекцию, — не было ничего веселого. Я перестаю проживать заново этот ужас, однако, когда залетаю в «Бинс» на вечернюю смену, мне кажется, будто зашла в холодильник.

Закидываю пальто в шкаф в подсобке и надеваю фартук на свое чопорное голубое платье, но в ту секунду, как ступаю за стойку, буквально вижу в воздухе пар от своего дыхания.

— Какого?..

Оглядываюсь в замешательстве. Обнаружить причину не занимает много времени: большое переднее окно кофейни отсутствует, у стены стоят несколько деревянных щитов. Несмотря на повреждение и холод, кофейня открыта, клиенты сидят за столиками в куртках, с чашками в руках, от которых исходит парок. Когда люди хотят кофе, они хотят кофе.

— Что происходит? — восклицаю я, когда Нэйт залетает через парадную дверь, застегнутый до самого подбородка и в шерстяной шапке, натянутой на уши.

— Нелепая случайность. Пара парней ремонтировали линию электропередач перед кофейней, и одна из их лестниц упала, разбив окно.

— Кто-нибудь поранился?

— Не-а. Здесь были только мы с Марселей, и оба в подсобке.

— Повезло.

— Ага. — Но на его лице мрачное выражение, и зубы стиснуты — а ведь Нэйт из тех парней, кто нечасто выглядит злым. Это вызывает тревогу.

— Разве нет? — допытываюсь я. — В смысле, помимо повреждения.

Он вздыхает:

— Все в порядке. Все будет в порядке.

— Где Марсела?

— Я послал ее в хозяйственный магазин за парой обогревателей.

Я оглядываюсь. Стремянка исчезла, а осколки уже собрали.

— Как давно это произошло?

— Почти два часа назад.

Коротко киваю.

— Ты искал ее?

— Мне нет нужды ее искать.

Я хмурюсь.

— Ты уверен? Хозяйственный в двух кварталах отсюда. Знаю, Марсела любит шопинг, но два часа — это чересчур даже для нее.

Нэйт вздыхает и пробегает рукой по голове, сбивая шапку набок.

— У нас вышло... разногласие.

— В чем?

— Я встречаюсь кое с кем.

Я не верю своим ушам. Он мог бы признаться в том, что выбил стекло по накурке, и я бы не была настолько удивлена.

— Повтори?

— Ты меня слышала.

— Ты... Я... Но... С кем?

— Спасибо, Нора. Это правда здорово.

— Ну, прости, я просто удивлена. Думала, ты...

Его взгляд предупреждает меня не произносить «влюблен в Марселу», поэтому я прикусываю язык.

— Нет, — коротко говорит он. — Больше нет. Я встречаюсь с Селестией, и все идет хорошо. Не имеет значения, что думает о ней Марсела.

— Селестия?

— Да. Ты, вообще-то, знаешь ее. Она приходит время от времени. Блондинка, по-настоящему симпатичная... в шубе. — Он бубнит последние слова в стиб руки, притворяясь, что поправляет шапку.

Я в изумлении раскрываю рот:

— Ты только что сказал в *шубе*?

Он прочищает горло:

— Может быть?

— Типа, в норковой?

— Я не знаю, что это за животное.

— Ты встречаешься с Норковой Шубкой.

— Не уверен, что это норка.

— Не удивительно, что Марсела рассердилась! Ее заказы наводят ужас.

— Они... специфические.

— Она носит норку круглый год!

— А что плохого в... Окей, ладно. мех — это немного странно, но ты должна согласиться, что в такой день, как сегодня, он идеально подходит.

Я закатываю глаза.

— Ладно, Нэйт. Ты меня подловил.

Он слегка улыбается:

— Иногда приходится мириться с очевидным. — Он жестом указывает на окно. — А иногда нет.

— Не думаю, что эта аналогия уместна.

По крайней мере, пока Марсела не приходит с двумя коробками под мышками. Она плечом толкает входную дверь, заходя вовнутрь, и сваливает обогреватели на стойку.

— Вуаля, — говорит она, не останавливаясь. Мы наблюдаем, как она исчезает на кухне в вихре особенно ледяного порыва воздуха.

Мы с секунду молчим.

— Вау, — наконец говорю я.

— Да.

— Как она отреагировала, когда ты рассказал ей?

Он шумно выдыхает:

— Я не «рассказывал». Мы столкнулись с ней, когда шли домой с ужина, и она выглядела ошарашенной, но не злой. Затем, когда она пришла этим утром, я попытался рассказать ей, что встречался с Селестией весь прошлый месяц...

— *Месяц?*

— А она просто отшила меня. — Пауза. — Это было перед тем, как разбили окно.

— Жизнь — имитация искусства.

— Или просто дерьмовое везение отражает дерьмовое везение.

— Что ж, как бы там ни было, если тебе нравится Норковая Шубка, я счастлива за тебя.

— Мне нравится Селестия, мне не нравятся норковые шубы.

— В любом случае для норки слишком холодно. Может, лиса.

Он свирепо смотрит на меня, стараясь не рассмеяться.

— Иди работай. Мне нужно позвонить стекольщикам и спросить, почему так долго.

Я отправляюсь в подсобные помещения и обнаруживаю Марселу, которая мажет глазурью остывшие булочки с корицей.

— Пахнет здорово.

— Здесь тепло, и это главное.

— Довольно честно. — Из-за духовок и химических моющих средств на кухне всегда теплее, чем в зале. Обычно мы сетуем на это, но сегодня это благословение. Марсела больше ничего не говорит, и я добавляю: — Нэйт рассказал мне о Селестии.

Она фыркает:

— Мне тоже.

— И ты... злишься?

— Что она встречается с ним, чтобы получать напитки за полцены? Конечно, я обеспокоена.

Вижу, как она расправляется с булочкой во имя заботы.

— Ты выглядишь более чем слегка обеспокоенной.

Она вздыхает и бросает лопаточку.

— Я просто была удивлена.

— Как и я. — Пристально разглядываю ее. — Ты ревнуешь?

— Что? Нет! Слушай, ты тоже должна быть обеспокоена. Теперь она будет приходить сюда в своих шубах еще чаще и делать свои нелепые заказы. Это скажется на всех нас.

— Это не...

Она поднимает руку.

— Я не хочу больше говорить об этом. Это неважно. Расскажи мне о чем-нибудь приятном.

Я напрягаю мозг, отфильтровывая ужас разговора о сексе с деканом Рипли, пока не прихожу к тому, что, знаю, ей понравится:

— Меня пригласили на Хэллоуин в «Альфа Сигма Фи».

Ее глаза загораются:

— Ты шутишь!

— Это правда.

— Мы должны пойти. Я пыталась придумать, как попасть туда, но моей лучшей идеей было найти солдата, с которым ты трахалась, только я не думаю, что мы когда-либо видели его лицо не раскрашенным зеленой краской.

Я стону:

— Не напоминай.

— Точно. Прости. Теперь давай обсудим наши костюмы. Распутные киски? Распутные иностранки? Распутные медсестры? Нет, о чем я говорю? Мы современные женщины. Распутные докторши!

Я тоже смеюсь:

— Ничего распутного. Может, ты сходишь и потом расскажешь мне?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она оскорбленно ахает:

— Абсолютно исключено. Мы команда. Куда идешь ты, туда и я... Вообще-то, забудь. Ты проводишь много времени в библиотеке. Но мы идем туда, куда я скажу. А идем мы на эту вечеринку. Мы можем быть Черным Лебедем¹⁰ и... белым.

— Что?

— Или двумя девицами на мели¹¹.

Я жестом указываю на свой фартук.

— Идеально. Мне не нужно будет переодеваться.

Она хлопает в ладоши, и капли творожной глазировки летят с кончиков ее пальцев.

— Тельма и Луиза¹²!

— Мы...

Но она напирает:

— Идеально. Это классика, они лучшие подруги, они великолепны, и...

— Они умирают в конце?

— И Тельма чпокается с Брэдом Питтом. Во имя нашей дружбы ты можешь быть Тельмой. Думаю, ты могла бы попользоваться Брэдом Питтом.

— Ты же понимаешь, что он грабит ее, верно?

— Твоя собственность помещается в ящик из-под молока. Ты в безопасности.

— Я не думаю...

Она прижимает пальцы в глазури к моим губам.

— Тебе нужно перестать думать и провести вечер вне работы. Хэллоуин в субботу после промежуточных экзаменов. Ты можешь пока закопаться в книги, но тридцать первого октября ты моя. И мы отправляемся в дорогу.

— Они слетают с обрыва.

Она подмигивает мне:

— В этом и изюминка.

* * *

Здравомыслящая часть моего мозга говорит мне держаться подальше от вечеринок «Альфа Сигма Фи», но когда Нэйт закрывает кофейню пораньше, чтобы парни могли вставить стекла в окно, я обхожу квартал, чтобы попасть в «Duds» — магазин подержанных вещей Бернема. Не могу перестать думать о том, чтобы «съехать с обрыва», так сказать. Прошло столько времени, с тех пор как я «ездила» куда-то с кем-то, и хотя у меня есть хороший повод исправить ошибки прошлого года, это не было легко. Или интересно. Или удовлетворительно.

Именно на этой неудовлетворительной ноте я захожу в магазин с затхлым запахом и сталкиваюсь с Келланом. Передний ряд забит всеми видами костюмов для Хэллоуина и разными принадлежностями, а Келлан зачем-то катит тележку.

— Нора! — восклицает он. — Я думал, ты на работе.

— Была. Мы рано закрылись, так что я решила почерпнуть вдохновения для костюма.

Он сияет:

— Я тоже. Кларку Кенту нужен хороший костюм, а где его еще искать, как не в «Duds»?

— Разве у тебя еще нет костюма?

— Да, но я не хочу, чтобы на нем были... физиологические жидкости.

— Спасибо за образность.

— Тогда ты идешь как Лоис Лейн? Потому что это идеально. Мы можем согласовать наши наряды. Мой галстук, твои туфли...

— Я не буду Лоис.

Его лицо тускнеет, затем тут же светлеет, когда он замечает наряд горничной-француженки все еще в вакуумной упаковке.

— Развратная горничная? — делает он попытку, поднимая его.

— Нет, ничего развратного.

— Кто развратный? Я в деле. — Кроссовки Кросби скрипят по кафельному полу, когда он скользит к нам. «Duds» — большой магазин для Бернема, забитый бесчисленным количеством стеллажей с одеждой и рядами полок с обувью и хозтоварами. Он по большей части пустует в это время дня, так что шум вызывает не более чем один осуждающий взгляд от сотрудника, развешивающего поблизости куртки.

Келлан вздыхает и кладет обратно костюм горничной-француженки.

— Не Нора.

Кросби усмехается:

— Ну разумеется. Я думал, мы говорили о ком-то клево.

Я проталкиваюсь мимо парочки.

— Это было весело.

— Ой, — окликает меня Келлан. — Ладно тебе, Нора. Раз уж ты здесь, помоги мне выбрать прикид.

— Твой прикид всего лишь костюм.

— Но когда я примеряю их и показываю Кросби, он говорит, что я жирный.

Кросби пожимает плечами:

— Так и есть.

Келлан бьет его кулаком в плечо:

— Тупица. Посмотрю галстуки. Сообщу, когда буду готов примерять.

— Помни, синий стройнит!

Келлан жестом посылает его и уходит, оставляя нас с Кросби рядом с наряженным манекеном. С секунду мы просто смотрим друг на друга: Кросби потирает недавно пострадавшее плечо, а я пытаюсь придумать, что бы такого сказать, чтобы не показать, насколько заметно мне было его отсутствие последние несколько недель. Или как привлекательно он выглядит. Его волосы влажные, словно он только что принимал душ, на нем джинсы и дутая черная куртка, из-за которой его карие глаза, рассматривающие меня, кажутся темнее, чем обычно.

— И каким он будет? — наконец спрашивает он.

— Прости?

— Твой костюм. Какой он? — Он кивает на разнообразие костюмов. — Ведьма? Страшила? Викинг?

— А, Тельма.

— Кто?

— Тельма. Из «Тельмы и Луизы». Марсела будет Луизой.

— Которая была Тельмой, Джина Дэвис или Сьюзан Сарандон?

— Джина Дэвис. Я пришла купить джинсы с высокой посадкой и темные очки.

Он оглядывает меня.

— Я могу это представить.

— Что насчет тебя? Выбираешь накидку? Может, новые колготки?

— У меня уже есть костюм Супермена. Сплю в нем каждую ночь.

— Не сомневаюсь в этом. — Направляюсь к женской одежде, и Кросби идет со мной,

разыскивая на длинном стеллаже обработанные кислотой джинсы с подходящей плотностью. Через минуту мне становится жарко, и я расстегиваю пальто. Осознаю свою ошибку, когда глаза Кросби залипают на моей груди, затем плавно поднимаются к чопорному отложному воротничку моего платья.

Его брови сходятся, и он указывает на меня пальцем.

— Давай поговорим об этом, — говорит он. — У тебя сегодня было большое свидание?

Или, скажем... очень милое свидание?

Я чуть улыбаюсь, вспоминая о сегодняшних неприятных ощущениях.

— У меня была встреча с... кое с кем.

Он заговорщицки наклоняется:

— Это был парень?

Я фыркаю и отталкиваю его.

— А что? Ты ревнуешь?

С секунду он не отвечает. Наши глаза встречаются, и у меня такое чувство, будто моя рука приклеилась к его груди, зарывшись кончиками пальцев в его грудные мышцы. А затем он качает головой, ухмыляется, и я убираю свою руку.

— Ты видишь меня насквозь, Нора.

— Ха. Я совсем не видела тебя с вечера пиццы. — С вечера, когда он притворился, что ищет Келлана, а на самом деле искал меня.

Он возвращает свое внимание к джинсам.

— Я был занят.

— Понятно.

— По учебе.

— Верно. Я тоже.

Пауза.

— А Келлан сказал мне, что у тебя были какие-то неприятности в прошлом году и тебе действительно нужно заниматься, поэтому ты не можешь позволить себе отвлекаться.

— Ты не отвлекаешь меня. — Слова вырываются чересчур быстро.

— Он сказал, возможно, видеоигры были проблемой.

— Я просто не прислушиваюсь к ним, как и к большинству ваших комментариев.

Теперь это вроде фонового шума.

Он бросает на меня взгляд.

— Так ты говоришь... я помогаю тебе.

— Вот именно.

— Улучшаю тебя.

— Заткнись, Кросби.

— Ты скучала по мне.

Наши глаза встречаются, и хоть он и сказал эти слова в шутку, думаю, мы оба знаем, что в них есть немного правды. Может, много правды.

— Келлан прав, что мне нужно поднимать отметки, но нет ничего ужасного в том, чтобы иногда иметь компанию.

— Вот как? — Он выглядит решительно довольным и более чем самодовольным.

— Время от времени.

— Я твой лучший друг, да?

— Я передумала. Видеоигры — реальная проблема.

— Поэтому ты идешь на Хэллоуин?

— Почему «поэтому»? Из-за видеоигр?

— Поговорить с кем-то. Познакомиться с народом. Делать то, что делают на вечеринках. — Он многозначительно шевелит бровями и слегка наклоняется — достаточно близко, чтобы я ощутила слабый аромат шампуня от его все еще влажных волос.

Хоть я и знаю, о чем именно он говорит, притворяюсь, что не нюхаю его и спрашиваю:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты когда-нибудь была на вечеринке, Нора?

— Конечно.

— Я не о вечеринках в честь дня рождения, когда ты была ребенком.

Я закатываю глаза:

— Ах. В таком случае нет.

— Да? Что тебе нравится на вечеринках? Ты стоишь в углу? Прячешься в ванной? Делаете пару фоток, чтобы показать, что ты была там, постишь их на Facebook, а потом бежишь домой читать?

Я высовываю язык.

— Между прочим, я отличная тусовщица. — Или скорее Марсела была отличной тусовщицей — для меня было нормой забыть об осторожности после двух напитков.

— Расскажи мне.

— Ну, сначала я направляюсь прямо к столику для закусок.

— Ого.

— Я в самом деле налегаю на бесплатные чипсы.

— Это дикая история, Нора.

— Затем я изучаю все семейные фотографии на стене и расспрашиваю о них хозяев.

Кросби широко улыбается.

— Знаю, ты пытаешься рассказывать это как шутку, но думаю, это правда.

— А затем я иду домой. В девять уже в кровати.

Он смеется:

— Как я и подозревал.

Я нахожу парочку джинсов и вешаю их на руку.

— Ладно, расскажи мне о своей стратегии на вечеринках.

— Хорошо. Слушай внимательно. Не многим девчонкам достается такого рода информация. По большей части они слишком поражены мной, чтобы оценить процесс.

— Не сомневаюсь в этом ни минуты.

— Первым делом я надеваю футболку.

— Ух ты.

— Затем джинсы.

— Не думаю, что в состоянии вынести больше.

— Затем заявляюсь. Бам. Игра окончена. — Он отряхивает руки, миссия выполнена.

— Послушать тебя, так это очень легко.

Он подчеркнуто самоуверенно пожимает плечами:

— Для некоторых из нас так и есть.

— Йоу! Королевы сплетен! — Мы поворачиваемся и видим, что Келлан машет из угловой примерочной. — Я почти оделся. Готовьтесь к самому незабываемому мгновению в жизни.

Вешаю еще одни джинсы на руку, прежде чем последовать за Кросби вглубь магазина, чтобы увидеть шоу Келлана. Он хватает два дешевых деревянных стула и ставит их рядом, и когда мы садимся, то кажется, что мы единственные зрители в странном дисконтном театре.

— Так чем ты занималась последние пару недель? — спрашивает он, поднимая и изучая одну пару джинсов.

— А что? — спрашиваю я, повторяя его шутку: — Ты скучал по мне?

Он смотрит на меня краешком глаза:

— Отчаянно.

Я смеюсь:

— Ну...

— Хэй, Кросби.

Мы поворачиваемся к двум девушкам, прогуливающимся с разнообразными костюмами в руках. И хоть я и не благодарна им, что прервали разговор, но по достоинству оцениваю, что они сторонятся костюма развратной горничной.

— Хэй, — отвечает Кросби и, улыбаясь им, вытягивает руку вдоль спинки моего стула. Если бы я была идиоткой, то могла бы подумать, что это собственнический жест, будто говорящий: «Эй, я тут занят». Но у меня есть глаза, я понимаю, что жест был больше для того, чтобы его пальто распахнулось, являя четко очерченную грудь под его белой футболкой.

Я вздыхаю про себя, пока они болтают. Мой взгляд перемещается по магазину, останавливаясь на витрине с солнцезащитными очками. Они в любом случае нужны мне, и внезапно мне кажется, что сейчас лучшее время, чтобы подобрать их себе. Однако, когда я встаю, Кросби обхватывает мою талию своими грубыми пальцами и удерживает меня на стуле.

— Не ходи, — тихо говорит он. И добавляет, обращаясь к девушкам: — Увидимся на Хэллоуине, леди.

Они понимают намек и прощаются, но я не упускаю, что перед уходом их взгляды перемещаются на все еще закрытую дверь примерочной.

— Мне нужно посмотреть темные очки, — говорю я, прежде чем Кросби сможет обвинить меня в ревности и в чем-то настолько же нелепом и не соответствующем действительности. Но на этот раз меня останавливают не его пальцы, а слова:

— Они разговаривают со мной, только чтобы подобраться к Келлану.

Я замираю:

— Что?

Он барабанит пальцами по спинке моего стула и фокусируется на чем-то за моим плечом, избегая моего взгляда. Что, наверное, к лучшему, потому что нас разделяет лишь

около десяти дюймов, и я слишком уж ощущаю тепло от его руки, лежащей вдоль моих плеч, и то, что его колено прижимается к внешней стороне моего бедра.

— Ты меня слышала.

— И это... проблема? — Кросби, которого я знаю — думала, что знаю, — было бы плевать, почему на него обращают внимание, коль скоро он получает это внимание.

Его ноздри чуть раздуваются, когда он делает вдох.

— Я не жаловался на это в прошлом году. Знакомился со множеством девчонок, с которыми я бы не встретился при иных обстоятельствах. Но в этом году... меня не привлекают девушки, которых привлекает Келлан.

Я отшатываюсь от него, уязвленная:

— Ясно. — Внезапно в груди что-то сжимается, я смаргиваю пелену перед глазами.

— Я не имел в виду...

Дверь примерочной с треском распаивается, являя Келлана, опирающегося о стену из дешевой фанеры: его руки в карманах, а ноги скрещены в лодыжках. На нем темно-синий костюм, галстук в красную и белую полоску и очки в черной оправе. Он выглядит скорее как модель, чем журналист, но кто жалуется?

— Что думаете? — Красуясь, он выходит из примерочной и прогуливается шагов десять по ближайшему проходу, прежде чем эффектно развернуться и двинуться назад. Он позирует, задрав подбородок, затем приспускает очки, чтобы впиться в меня комично напряженным взглядом.

Я хихикаю, и мои раненые чувства на мгновение утихают:

— Очень мило.

Он изучает ценники на рукаве пиджака и на галстукке.

— И все это за... двадцать два доллара.

— Благодаря тебе, они выглядят на все сорок.

Он подмигивает мне:

— Я знаю. — Затем поворачивается к Кросби, который выглядит более чем слегка встревоженным. — Не говори мне, что я жирный, бро. Это темно-синий. Ты сказал, он стройнит.

Кросби прочищает горло.

— Десять из десяти. Хороший ход с галстуком.

Келлан задумчиво прикасается к нему пальцами.

— Мне он нравится. — Он снова исчезает в примерочной, и я встаю.

— Нора, — говорит Кросби.

— Спокойной ночи. — Я вешаю джинсы на ближайшую вешалку, более незаинтересованная играть в переодевания или любые другие игры. Обжигающее унижение, которое я почувствовала от его слов, вновь вскипает во мне, угрожая вырваться наружу. Я просто хочу пойти домой.

— Нора. — Он следует за мной по ряду с детской одеждой, пальцами держась за подол моего пальто. — Ты не остановишься?

— Нет, — говорю я, хотя и останавливаюсь. — Отвали. Я просто была мила...

— Я не имел в виду тебя, — перебивает он. — Ты не из тех девчонок, что ему нравятся...

— О, Боже мой. — Я выдергиваю пальто из его хватки. — Об этом я и говорю, Кросби. Заткнись.

— Ладно тебе. Ты поняла, о чем я.

— Нет, — огрызаюсь я. — Определенно, не поняла.

— Ты нравишься ему, — вымученно говорит он, пробегая рукой по своему лицу. — Как и мне. Ты знаешь, что нравишься мне.

Я отвожу взгляд, испытывая большую злость, чем должна бы. Нет, не злость. Печаль. Потому что по какой-то причине, о которой не хочу задумываться, я скучала по Кросби, а он ранил мои чувства.

— Ладно тебе, — снова говорит он. — Тельма суперкрасотка. Я хочу увидеть тебя в тех джинсах. Не иди домой с пустыми руками.

Я мрачно смотрю на него:

— Если бы ты заметил меня на вечеринке, это было бы впервые.

— Что? Там будет много людей, но... — Он качает головой. — Прекрасно. Я поставлю ловушку. Повешу семейные фотографии на стену и буду ждать, пока ты не захочешь спросить о них.

— Не хочу видеть твои фотографии.

— И я куплю самые лучшие чипсы.

Я шумно выдыхаю.

— Мне нужно идти, Кросби.

Он подходит ближе.

— Подожди, пока Келлан освободится, и я отвезу тебя домой.

— Доеду на велосипеде. — Я разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Прости, что ранил твои чувства.

Его слова заставляют меня остановиться. Может, это только оттого, что у него был большой опыт в извинениях, но он хорош в этом. Я уже успокаиваюсь и начинаю чувствовать легкую неловкость из-за своей реакции.

— Может, я и слишком остро отреагировала, — ворчу я.

Он легонько подталкивает мою ногу своей:

— Да, ты чертова психопатка.

Я встречаюсь с ним глазами:

— Я живу с Келланом, Кросби. Мне не нужно быть милой с тобой, чтобы подобраться к нему.

Он хмурится:

— Я знаю.

С секунду я смотрю на него.

— Думаю, вряд ли.

Глава десятая

Восемь часов вечера, Хэллоуин, я сижу на одном из стульев за барной стойкой в наряде Тельмы с наполовину опустошенной бутылкой пива в одной руке, в то время как другая зависла над телефоном, готовая напечатать гневное сообщение Марселе: «Как ты посмела это сделать, Луиза!»

— Хэй, — говорит Келлан, выходя из своей комнаты.

— Хэй, — бормочу я, слишком разочарованная и расстроенная, чтобы справиться с

большим количеством слов. Читаю ответ Марселы: «Прости, малыш, но я умираю. Правда умираю, блюю повсюду и умираю. И я не могу быть сегодня твоей Луизой. Найди Брэда Питта и затрахай его до смерти ради меня», — и стараюсь не разреветься.

Келлан с опаской наблюдает за мной.

— Все в порядке?

Я вздыхаю.

— Марсела не может пойти, — бормочу я. — А Тельмы с Луизой не может быть без Луизы. — И я ни за что не заявлюсь в «Альфа Сигма Фи» одна — Марсела больше, чем второй пилот, она гид-проводник, и как бы ненавистно мне было это признавать, но я все равно нуждаюсь в ее поддержке, чтобы разогреться к вечеринке.

Келлан ставит свой дипломат на обеденный стол. Я целых пять секунд пялюсь на него, прежде чем до меня доходит, что он в костюме и выглядит *хорошо*. Представьте самого сексуального Кларка Кента в истории и перенесите его в мою гостиную. На нем темно-синий костюм, начищенные до блеска черные ботинки и галстук в красную и белую полоску. В паре с зачесанными назад, уложенными гелем волосами и очками в роговой оправе он является воплощением ума и сексуальности.

— Вау, — выдыхаю я. — Знаю, я уже видела тебя в этом, но ты великолепно выглядишь.

— Ты тоже, Тельма, — возвращает он комплимент, жестом указывая на мой ансамбль. — Даже не думай дать этому всему пропасть.

Я одета в обтягивающие джинсы с высокой посадкой и хлопчатобумажную рубашку Марселы, превращенную с помощью ножниц и ниток в безрукавку, завязанную спереди над пупком. Мы нашли рыжий кудрявый парик в магазине и завершили наряд красной губной помадой, солнцезащитными очками и пластиковым пистолетом. Мне казалось, что это выглядит довольно неплохо, но без Луизы я похожа просто на низкопробную уголовницу. Все великолепие этого фильма в команде. А теперь я летаю соло. Как и всегда.

Выдавила из себя улыбку и отпила пиво.

— Я и не думаю, — лгу я. Как только Келлан уйдет, я скину наряд и буду дуться в кровати.

— Нет-нет. — Он стискивает зубы и упрямо качает головой. — В ту же секунду, как я уйду, ты снимешь костюм и будешь плакать, пока не уснешь.

Моя челюсть отвисает.

— Это даже близко неправда...

— Прекрасно, — говорит он. — Ты не идешь, и я не иду. — Он начинает развязывать галстук.

— Ты должен пойти, — протестую я. — Каждая девчонка на кампусе будет реветь белугой, если ты этого не сделаешь. И половина парней тоже.

— Я не оставлю тебя дома одну в единственную ночь, когда ты должна веселиться. Знаю, что ты закончила с этими своими домашними заданиями, так что тащи свою задницу за дверь.

— Я не могу пойти Тельмой...

— Где наряд Луизы? Я надену его, если тебе нужен партнер.

Я смеюсь над идеей втиснуть Келлана в джинсы Марселы четвертого размера.

— Наряд у нее дома. Здесь ничего нет.

— Прекрасно. У тебя есть деловой костюм? Мне нужна Лоис Лейн.

Думаю, мы оба знаем, что сегодня на вечеринке будет минимум дюжина Лоис Лейн.

Как только пошла молва, что Келлан будет Кларком Кентом — и, возможно, кто-то знал, что Кросби будет Суперменом, — Лоис стала на кампусе самой популярной идеей для костюма.

— Конечно же у меня нет делового костюма. Я работаю в кофейне.

Келлан скрещивает руки на груди и умудряется при этом выглядеть сексуально.

— Значит придумай что-то. Потому что мы проведем этот вечер вместе, Нора — здесь или там зависит от тебя.

Я раздраженно провожу рукой по своим фальшивым волосам.

— Келлан, пожалуйста, просто иди. Я приду попозже.

— Врушка.

Абсолютная.

— Мне не нужен...

— У тебя есть белая простынь? Будешь привидением.

— Я...

— Или оденься как в нашу первую встречу. Мы засунем книгу тебе в руку и назовем тебя библиотечаршей. Погоди... Это чересчур близко к правде.

— Ха-ха.

Он высовывает язык, заново завязывает галстук и бросает мне пальто, взяв его со спинки стула.

— Тащи свою задницу за дверь, Тельма. Тебе не нужна Луиза, чтобы повеселиться.

Я втягиваю воздух, затем медленно выдыхаю и надеваю пальто. Окей, возможно, я немного бурно отреагировала. Просто я не из тех, кто знает, как заявиться на вечеринку в одиночку и не стоять неловко в стороне. Но если я приду с Келланом МакВи, то не буду одна, ведь так? И если все пойдет наперекосяк, я могу просто уйти домой пораньше... в любом случае, мы уже выяснили, что меня практически не замечают в домах братства.

— Когда ты в последний раз ходила на вечеринку? — спрашивает Келлан, когда мы тащимся сквозь холодный вечер. Листья хрустят под ногами, а наше дыхание поднимается белыми облаками во время пятнадцатиминутной прогулки.

— В прошлом году, — говорю я, засовывая руки в карманы.

— В прошлом году?

— В смысле, в учебном году, — исправляюсь я. — Поздней весной. — *Точнее в «Альфа Сигма Фи» на Майском Сумасшествии, где мы трахались в чулане, а твоим следующим шагом был минет от какой-то девчонки, пока толпа смотрела на вас. Помнишь? Нет?*

— Ты повеселилась?

Уклоняюсь от прямого ответа:

— Ммм.

— Кросби сказал, тебя едва не исключили.

— Да. — Посылаю ему улыбку. — Я чуток перегнула палку с весельем.

Он улыбается в ответ.

— Понимаю тебя. Я тоже.

— Ты по-прежнему развлекаешься, — указываю я. Он был более чем верен нашему обещанию не приводить никого домой — я ни разу не слышала, чтобы у Келлана был секс, не видела, чтобы кто-то тайком выскальзывал утром. Знаю, что он частенько ночует вне дома, но также регулярно вижу, как он занимается, а на прошлой неделе хвалился, что получил В+ за эссе по английскому.

— А почему бы нет? — спрашивает он, передергиваясь и ускоряя шаг, вынуждая меня

увеличить скорость, чтобы поспеть за ним. — В смысле, если ты не связан ни с кем обязательствами, почему нет?

Я хмурюсь. Странно слышать такое от Келлана МакВи.

— Был? — спрашиваю я. — Кто-то?

Он молчит секунду.

— Не, — наконец говорит он. — Было много кого, но ни одной особенной.

Ауч.

— Ясно.

— Что насчет тебя?

Выдавливаю улыбку.

— Ни одного особенного.

— А сегодня? Есть кто-то на примете? Хочешь, представлю тебя? Потому что, давай начистоту, Нора? Ты супергорячая. А в этом наряде ты можешь получить любого, кого захочешь.

Смеюсь, потому что не могу удержаться.

— Я избегаю зеленой краски, — говорю ему. — В остальном я открыта для возможностей.

Он одаряет меня озадаченным взглядом:

— Зеленая краска, а? Я сделаю мысленную пометку спросить об этом утром.

— Уверена, я не пойму, о чем ты говоришь.

— МакВи!

В десяти футах от парадной двери дома «Альфа Сигма Фи» словно в стартовый свисток дунули. Каждые парень и девушка, находящиеся поблизости, начинают выкрикивать имя Келлана, и он улыбается, машет и приветствует их, как лучший в мире политик. Почти в то же мгновение я чувствую, будто сливаюсь с задним фоном.

Вдоль дорожки, что ведет к двери, размещены видоизмененные бамбуковые факелы, на каждом красуются отрубленные головы с языками пламени, вырывающимися из глаз. Повсюду фонари из тыквы, набитые чучела черных котов, приведения, болтающиеся на голых ветках деревьев, и вся передняя лужайка покрыта надгробиями, многие из которых появились, чтобы вновь быть потревоженными.

Входная дверь открывается, за ней разворачивается сцена преступления: обведенные мелом контуры от мертвых тел на крыльце и полу. Танцевальную музыку с трудом слышно через пронзительные вопли и завывания приведений, и смех живых еле доносится сквозь звуки смерти.

Келлан посылает мне извиняющийся взгляд через плечо, когда его быстро утаскивают, сунув в руку пластиковый стаканчик с каким-то напитком. Я слегка дрожу в моем пальто, желая прийти в наряде, который не оголял бы мой живот и не показывал больше, чем просто намек на ложбинку. Стараюсь не выглядеть так, словно мне неловко, когда взбираюсь по ступеням и захожу в полутемный дом, каждую лампочку в котором заменили на красную или мерцающую черную, бросавшие мрачноватые отблески.

Снимаю пальто, пробираюсь сквозь толпу извивающихся тел, едва избегаю огромную паутину и наконец нахожу стол, заставленный чашками с красным пуншем с добавлением спиртного, крошечными паучками и глазными яблоками, выглядывающими между пузырьками.

— Неплохо, — раздается голос из-за моего плеча. — Если ты не возражаешь против

крови и кишок.

Оглядываюсь и вижу улыбающегося мне зомби — часть его черепа отсутствует, а комбинезон и клетчатая рубашка покрыты свежей и запекшейся кровью, так как его внутренности торчат наружу.

— Если там есть пауки, я пью это, — говорю я.

Он рассматривает мой костюм:

— Ты пришла с кем-то?

— У Луизы тяжелый случай пищевого отравления.

Он зачерпывает пунш, наливает в мою пустую чашку и в свой стакан.

— Повезло мне. — Он чокается со мной. — Будем.

— Будем.

Мы отпиваем тошнотворно сладкую жидкость, щедро сдобренную водкой. Стараюсь не морщиться, когда та обжигает пищевод, говорю себе, что скоро она смоет всю эту неловкость. Я пришла сюда повеселиться, черт возьми, и я так и сделаю.

— Я Макс, — говорит зомби, протягивая руку.

— Нора. — Пожимаю ее, он улыбается, и под жуткой раскраской, думаю, он довольно привлекателен. — Ты живешь здесь?

Он качает головой.

— Жил два года назад, но переехал с территории кампуса. Хотя возвращаюсь на вечеринки. Ты из женской общины?

— Нет. У моего, э, соседа по комнате тут друзья.

— Клево.

— Тельма! — кричит кто-то.

Я отпрыгиваю назад, ярко-синее пятно врезается между мной и Максом и прокручивается, прежде чем встать рядом с нами, уперев руки в бедра, и гордо выпятить грудь со значком S на обтягивающем как вторая кожа костюме. Это Кросби, затянутый с головы до пальцев ног в спандекс, красная накидка болтается за спиной. Даже в темноте я вижу его четко очерченные мышцы, и тут же ругаю себя за то, что замечаю это.

— Привет, Крос, — сухо говорит Макс.

Кросби сдержанно кивает.

— Максвелл.

Макс закатывает глаза.

Затем Кросби берет меня за руку.

— Позволишь мне забрать у тебя Тельму на минутку? Мне нужна ее помощь кое с чем.

— Не думала, что у Супермена был сообщник, — говорю я, пока он тянет меня через толпу к лестнице. Хватаюсь за перила, прежде чем он успевает затащить меня наверх. — Что происходит?

— Келлан сказал мне, что твоя подруга слилась, — объясняет Кросби. Он останавливается вместе со мной на одну ступеньку выше и смотрит вниз на меня. — И он сказал, что ты хотела познакомиться с кем-нибудь. Вот я и пришел на помощь.

— Уверена, навыки Супермена могут найти лучшее применение. Плюс, если ты не заметил, я разговаривала кое с кем.

— Ты не хочешь быть с Максом Фолсомом, — серьезно говорит он. — Поверь мне. А теперь пойдём. — Он подталкивает меня за плечи, утягивая вверх по лестнице.

— Как я познакомлюсь с кем-то наверху, если вечеринка внизу? — спрашиваю я, пока

тащусь вслед за ним по коридору в сторону его комнаты.

Он вытаскивает ключ из невидимого кармашка и отпирает дверь.

— Тут отличный обзор.

Не понимаю, о чем он, пока не захожу за ним и не вижу, как он подходит к окну и распахивает его. В помещение врывается морозный воздух, и когда Кросби жестом указывает мне вылезти наружу, я с опаской выглядываю. Окно выходит на небольшой карниз с видом на лужайку. Мы находимся довольно высоко, чтобы кто-то мог увидеть нас, даже вытянув при этом шею, но отсюда можно с легкостью шпионить за каждым, кто приходит и уходит.

— Видишь? — говорит он, похлопывая меня по спине, чтобы я начала двигаться, что я осторожно и делаю, дрожа и снова надевая пальто. Кросби следует за мной, и я слышу стук стекла. Поднимаю взгляд и вижу две бутылки пива, материализовавшиеся в его руке.

Я беру одну, после того как он скручивает крышку.

— Где ты взял это?

— Заначка. — Это тот же сваренный местными умельцами напиток, что пьет Келлан. Никогда не слышала о нем, пока однажды не нашла в холодильнике, и хоть я и не пью его часто, как-то обмолвилась, что он мне нравится.

— Здорово, — говорю я. — Келлан покупает его.

— Знаю. — Кросби делает глоток пива, а я изучаю толпу внизу. Как и мои, его колени прижаты к груди для тепла. Между нами расстояние почти в фут, и холод пробирается к моей заднице через джинсы.

— Ты часто приходишь сюда? — спрашиваю я, потому что он не говорит ничего.

Кросби качает головой:

— Нет. Зачем?

Пожимаю плечами:

— Не знаю. — Сканирую взглядом толпу. Не вижу Келлана, или Макса, или кого-то еще, кого узнала бы. Не то чтобы я могла узнать много людей, учитывая мой ограничивающий статус домоседки. — Что не так с Максом?

— С Ходячим Мудаком? — спрашивает Кросби, устремляя на меня взгляд, говорящий о том, что он был не в восторге от моего вопроса. — Мы зовем его так и без костюма зомби.

— Он казался милым.

— Ты можешь найти получше. — Он указывает бутылкой на парня, одетого дровосеком. У него даже есть горящее бревно. — Что насчет него?

— Кто он?

— Не знаю. Наверно, он получает степень по лесоводству. Умный и эко-дружелюбный... лучше и быть не может.

Парень роняет бревно и тут же блюет за одним из надгробий.

— Не он, — говорю я в тот же момент, как Кросби добавляет:

— Поехали дальше. — Он рассматривает толпу и указывает на кого-то, одетого в белую поварскую одежду. Даже отсюда мне слышно, как он злобно матерится на людей с британским акцентом.

— Ты серьезно?

— Что? Это Гордон Рамзи. Он может приготовить тебе завтрак на утро.

— После того как будет обзывать всю ночь.

— Некоторым девчонкам это нравится.

Я отпиваю пиво.

— Не мне.

Кросби ухмыляется.

— Я так и думал. Окей... Что насчет него? — Я шлепаю его по руке, когда он указывает на парня в парике из длинных белокурых волос и красном купальнике, на его груди написано «Спасатель», а из промежности торчат лобковые волосы.

— Памела Андерсон?

— Могу поспорить, он хорошо умеет делать искусственное дыхание.

— Ты отвратителен, — уведомляю его. — Думаю, ты привел меня сюда, потому что тебе нужно содействие в том, чтобы найти кого-то.

Он ухмыляется:

— Мне не нужна твоя помощь, Нора.

Думаю о его внезапно оборвавшемся списке.

— Правда? Думаю, ты мог бы ею воспользоваться. — Постукиваю себя по подбородку, изучая предоставленный выбор. — Посмотрим. Что насчет... нее? — Указываю на красивую брюнетку в предсказуемом костюме кошки. Средненько, но Кросби наверняка предпочитает что-то попроще.

— Плавали, — отвечает он, — знаем.

Я имитирую рвотный позыв.

— Ладно. А эта? — Указываю на симпатичную балерину, ее русые волосы собраны в высокий пучок, шнуровка розовых сатиновых сандалий обвивала лодыжки.

— Фу, — говорит он, — слишком много усилий, чтобы забраться под эту пачку.

— Вот те раз.

Он смеется:

— Я о том, что сначала нужно снять пачку, затем боди, затем леггинсы... Мне бы кого-то с более легким доступом.

Бью его пустой бутылкой по ноге.

— Ты омерзителен. — Выпрямляюсь, когда замечаю парня, одетого бейсбольным игроком. В его костюме нет ничего особо креативного, но у меня пунктик насчет спортсменов, а он высокий, темненький и привлекательный.

Кросби тоже садится:

— На что мы смотрим?

— Номер девять, — шепчу я, хотя он и не мог бы нас слышать. — Ты знаешь его?

— А... — Кросби почесывает подбородок. Слышу слабый скрежет его легкой щетины, а когда оглядываюсь, он оказывается ближе, чем раньше, наклонившись, чтобы увидеть парня, на которого я показываю.

— Да, — наконец говорит он. — Его зовут Фил. Но ты не хочешь его.

— Не хочу? Почему?

— Потому что Тельма кадрит с Брэдом Питом, — отвечает он. — А он не Брэд Пит.

— Буду иметь его в виду, — говорю я, и в этот момент изящная девушка в коротеньком костюме школьницы семенит по дорожке. — Вот, — говорю я, кивая на нее. — Она то, что нужно.

— Ты хочешь перепихнуться с чикой? — спрашивает Кросби. — Я всем телом за. Можете воспользоваться моей комнатой. Я просто тихо посижу в уголке и посмотрю. Вы даже не заметите, что я там.

— Для тебя, дурак. Короткая юбка, никаких колготок — легкий доступ.

Он наблюдает за ее приближением.

— Хорошо. Она в деле.

Я передергиваюсь, изучая тусовщиков.

— Ты в порядке? — спрашивает он, придвигаясь ближе. — Хочешь накидку? — Он накидывает конец мне на плечи, прежде чем я успеваю ответить.

— Спасибо, — говорю я, ощупывая тонкую ткань. — Так лучше.

— Я не просто так зовусь супергероем.

Мы замолкаем, когда снизу доносится знакомый смех, а затем Келлан трусцой пробегает через кладбище, чтобы поприветствовать двух королев красоты, которые только ступили из такси на бордюр. Они обе в платьях в пол — одна в красном, другая в серебристом — с лентами и в диадемах. У одной даже букет роз. Мы смотрим, как он, улыбаясь, закидывает руки им на плечи и ведет к дому.

Узнаю их по прошлогодним вечеринкам — и, если не ошибаюсь, та, которая в красном, есть в списке Кросби на стене в туалете.

— Ты не, эм... знаешь ее? — спрашиваю я и вздрагиваю, когда та самая девушка хихикает и тянет Келлана за галстук.

— На самом деле нет, — равнодушно говорит Кросби.

Они визжат в притворном ужасе, когда маньяк, вооруженный пилой, нападает на трио, Келлан хохочет, а затем достает свой телефон и звонит кому-то. Он хмурится, отключается, быстро отправляет сообщение и с секунду ждет ответ, который не приходит. Я планировала пойти домой пешком и не беспокоилась о том, что мы разделимся с Марселой, поэтому даже не озаботилась взять свой телефон. Если Келлан пишет, чтобы узнать, куда я подевалась, он не получит ответа.

— Это не беспокоит тебя? — спрашиваю я, когда замечаю, что Кросби выглядит чуть более напряженным, чем минутой раньше.

— Меня? — откликается он. — Нет. А тебя?

Думаю, меня беспокоило бы, если бы мое имя появилось на стене в туалете, но меня не особо волнует, что эти девчонки здесь.

— Нет.

Мгновение он изучает меня, а затем кивает.

— Хорошо.

Прибывает группа студенток, выбираясь из лимузина, все до одной одеты в обтягивающие деловые костюмы, туфли на каблуках и с дипломатами. У парочки даже газеты есть. Я откидываю голову и смеюсь:

— А я гадала, где они.

Кросби хмурится.

— Бизнесвумен?

Я жестом указываю на его костюм:

— Лоис Лейн.

— Почему ты не пришла как Лоис?

На секунду мой разум отключается. Каким-то образом я умудрилась забыть, что сижу на крошечном карнизе с Кросби Лукасом, в то время как он одет только в спандекс. Как-то умудрилась забыть, что мне было неловко и некомфортно. Я даже забыла, что обещала себе одну ночь без чувства вины, что бы ни произошло. А теперь вспомнила.

— Я... — пытаюсь сказать. — У меня нет делового костюма.

Он моргает. У него очень длинные ресницы. Для такого большого парня это странно очаровательная черта.

— Но у тебя есть рыжий парик?

— Ну... нет.

Он слабо улыбается.

— В любом случае я предпочитаю Тельму Лоис.

— Да?

— Йоу! Крос!

Неожиданный окрик заставляет нас шарахнуться друг от друга, во всяком случае, насколько позволял карниз. Мы оба поворачиваем головы и видим Кота в Шляпе, выглядывающего в окно.

— Какого хрена, Алекс? — бубнит Кросби, пробегая рукой по лицу.

— Келлан ищет тебя. У него там пара Мисс Америка, которые хотят поприветствовать тебя.

Моя черепушка чешется под дешевым париком.

— Ты должен пойти, — говорю я. Какие бы странные чары не назревали, они были разрушены. Я замерзла и у меня болит задница. — В любом случае я заледенела. — Сверкаю фальшивой улыбкой, затем жестом показываю Коту в Шляпе отодвинуться и забираюсь обратно в окно — мои застывшие конечности скрипят, когда сгибаются.

— Нора, — зовет Кросби.

— Спасибо за помощь, — говорю ему. — Я начну прямо сейчас. — Шагаю назад, когда он перелезает через окно, закрывая его.

— Выметайся, — говорит он Коту в Шляпе.

— Вот ты где! — раздается знакомый голос. Кросби выглядит огорченным и на секунду закрывает глаза, но открыв их, смотрит через мое плечо на Кларка Кента.

— Нас не должны были видеть вместе, — говорит Кросби. — Мы один и тот же человек, забыл.

— Я подумал, ты будешь счастлив сделать исключение, — отвечает Келлан. — Для Мисс Мэриленд или Мисс Луизианы? — Услышав свои титулы, слегка захмелевшие королевы красоты заходят в комнату, старательно машут и падают друг на друга, хихикая.

Мы с Котом в Шляпе обмениваемся взглядами, затем бормочем извинения и направляемся на выход из комнаты.

— Как дела, Нора? — спрашивает Келлан.

— Просто прекрасно, — отвечаю ему.

Кросби говорит что-то, но его слова тонут в очередном взрыве смеха, а я двигаюсь слишком быстро, чтобы разобрать их, даже если бы хотела этого. Когда спускаюсь вниз, на часах всего полдесятого, поэтому я хватаю напиток и без энтузиазма брожу по комнате, разглядывая декорации, костюмы, парочки. Вижу Макса — Ходячего Мудака — и ни с того, ни с сего просто хочу пойти домой. Фил прогуливается мимо с Дороти из «Страны Оз», его руки несомненно приклеились к ее заднице... Я вздыхаю и ставлю напиток на стол. Может, в прошлом году я была так хороша во всем этом оттого, что практика приводит к совершенству... а сейчас мне катастрофически не хватает практики.

Застегиваю пальто и направляюсь к выходу. Отшатываюсь, когда компания футболистов-вампиров пронесется мимо, отпихивая меня к стене. Их извинения теряются в долбящей музыке, потираю свой ноющий от удара копчик и поворачиваюсь, свирепо глядя

на дверную ручку, которая оставила на мне синяк. А затем замираю, потому что знаю эту ручку. Знаю этот чулан.

Когда Келлан впервые заговорил со мной той злополучной майской ночью, я была в равной степени ошеломлена, взволнована и перепугана. Мы уже были пьяны, когда начали разговаривать, и два напитка спустя были в хлам. Может, алкоголь убрал мои запреты, но не помог успокоить нервы, и когда Келлан повел меня через дом, разыскивая пустую комнату, я молчала вздор о каждой глупой вещи, которую могла придумать — от нашей не по сезону теплой погоды до периодической таблицы. Думаю, мы оба были благодарны, когда он нашел чулан и поцеловал меня, положив конец импровизированному уроку.

Слегка поворачиваю голову и вижу то, что раньше было официальной столовой в доме, но теперь это просто комната, заполненная диванами и низкопробными постерами. Сорок пять минут спустя после нашего менее-чем-запоминающегося секса я прошла сюда, чтобы увидеть Келлана, стоящего посреди комнаты, и блондинку на коленях перед ним, делающую ему минет, в то время как его братья по братству поощряюще улюлюкали.

Мое лицо наливается жаром от воспоминаний о пережитом унижении, пока я прокладываю себе путь через толпу и выхожу за дверь. Ледяной воздух более чем приветлив. Несмотря на все, это отличная вечеринка. Множество людей, бесплатная выпивка, громкая музыка... но лучшей частью было сидеть вдалеке от всего этого, попивая пиво с парнем, который не должен мне даже нравиться.

Но нравится.

Глава одиннадцатая

Опускаю голову и быстро иду вдоль обочины. Бросаюсь к ближайшему жилищному массиву, чтобы избежать группы людей, прибывающих на вечеринку, сталкиваюсь лишь с парочкой отпетых ребят, приближаясь к домам, которые по большей части погружены в темноту. Уличные фонари и мерцающие тыквы дают немного света, но я приветствую темноту. Точнее, приветствовала, пока не услышала позади чересчур быстро приближающийся звук шагов, который не мог быть ничем иным, как бегом. Украдкой бросаю испуганный взгляд через плечо, готовясь припустить со всех ног — крайне благодарная Тельме за пристрастие к практичной обуви, — а затем резко останавливаюсь, когда обнаруживаю, что ко мне приближается Супермен.

— Кросби? — При виде знакомого человека ритм моего сердца должен бы замедлиться до нормального уровня, но вместо этого оно продолжает колотиться. Он все еще в костюме, но теперь к нему еще присоединились кроссовки и толстая куртка, а красный плащ собрался вокруг шеи, словно он слишком быстро одевался, чтобы обдумать это.

— Хэй, — говорит он, останавливаясь в нескольких футах от меня. Ему трудно встретиться со мной взглядом, возможно, оттого что не может отдышаться, поэтому с секунду я просто наблюдаю, как белые клубы его дыхания рассеиваются в воздухе.

— Что ты тут делаешь? — Думаю о доме, о королевах красоты, обо всем, чем я не являюсь.

— Ты не можешь пойти домой одна. — Он зачесывает пальцами волосы, оставляя

торчащие в разные стороны прядки. — Люди вытворяют сумасшедшие вещи на Хэллоуин.

— Я вполне уверена, что все эти люди в твоём доме.

Он быстро улыбается.

— Может быть. Все равно. Пошли.

Хоть это всего лишь тридцатиминутная прогулка, и когда он вернется на вечеринку у него будет много времени, чтобы повеселиться, я чувствую себя обязанной сказать ему пойти домой:

— В этом нет нужды.

— Все равно позволь мне сделать это. — Его руки засунуты в карманы, и я осознаю, что он, должно быть, мерзнет в этом костюме. Черт, я в своем-то замерзла, а о спандексе я вообще молчу.

Квартал мы идем в тишине.

— Как обстоят дела с твоей работой по французскому? — наконец спрашивает он.

— Довольно хорошо. — Я удивлена, что он помнит мои предметы. — Последние пару недель были адом, но, думаю, я в первых рядах. Что насчет тебя? Как экзамены?

— Я доволен биологией и историей искусства, но экономика задала мне жару.

— Два из трех, неплохо же?

Он ухмыляется и пинает кусочек разбившейся тыквы.

— Два из трех — это шестьдесят шесть процентов. Совсем не здорово.

— Кто сказал, что ты не хорош с числами.

— Эй, — внезапно говорит он. — Прости.

Я смотрю на него.

— За что?

— За испорченный вечер. Если ты уходишь из-за Макса или еще чего-то, я не хотел...

Я отмахиваюсь.

— Не волнуйся об этом. Может, сегодняшний вечер просто не был предназначен для этого.

— Это была твоя единственная ночь, чтобы выпустить пар.

— Будут и другие ночи. Например, между Рождеством и Новым годом, или на весенних каникулах...

Он смеется над наводящими тоску сроками.

— Ты не думаешь, что пожалеешь об этом?

Мы минуем тихий квартал, специализированный парк для собак, грунтовые беговые дорожки и голые деревья, окружающие лужайки.

— О том, что меня не исключили?

— О том, что упускаешь то, чего хочешь, изо всех сил стараюсь быть хорошей.

— Я хорошая.

— Я знаю.

— Ну, а что насчет тебя? — парирую я.

— А что насчет меня?

— Я видела туалет в здании Союза Студентов пару недель назад. В твоём «списке» не прибавилось новых имен.

Он медлит с ответом. Я ожидаю, что он скажет что-то дерзкое, что-то вроде того, что он еще не обновлял его, но он удивляет меня, когда говорит:

— Я устал от этого.

— От чего? Быть популярным?

— Быть мудаком.

Второй сюрприз за несколько секунд.

— Ты...

— Слушай, Нора. — Он останавливается на углу, высокие деревья загораживает уличные фонари и дома, так что мы окутаны темнотой, только слабые проблески света пробиваются к нам. Я останавливаюсь спиной к деревьям, и когда он шагает ко мне, чувствую холод коры через пальто и джинсы. — Я просто сделаю это, — говорит он, поднимая руку и опираясь ею о дерево возле моей головы. — И если ты не хочешь, скажи «нет».

Он так близко. Наклоняет голову, его рот оказывается всего в паре дюймов от моего, и хотя прежде мы находились с ним в непосредственной близости, такое впервые, и в его взгляде никогда не было какого-либо намерения. По крайней мере, это единственный раз, когда он показал его. Он опускает голову еще на дюйм, затем еще, пока не останавливается в миллиметрах от моих губ, предоставляя мне возможность оттолкнуть его, убежать, не совершать чего-то глупого.

Но мои руки остаются сжатыми в кулаки в рукавах моего пальто, ступни примерзли к мягкой траве, а голова поднята в его сторону. Ожидая того, чего — и я наконец готова это признать — хочу.

Вижу, как его глаза медленно закрываются, а затем рот слегка касается моего. Я никогда не позволяла себе задумываться о том, как целуется Кросби Лукас, но если бы думала, то решила бы, что он будет жестким или агрессивным, распускать руки и бесстыдно тереться бедрами. Но все совсем по-другому. Рука на дереве, и там и остается, в то время как другая находит изгиб моей талии и опускается на него поверх пальто. Чувствую холод его носа, когда он задевает мой, контрастное тепло его губ, и, хотя в настоящий момент шок и трепет занимают ведущее место в моих чувствах, я начинаю испытывать и другие, весьма неожиданные вещи.

Еле заметно вздыхаю, и Кросби, пользуясь возможностью, проскальзывает своим языком мне в рот, осторожно находя мой. Мои пальцы разжимаются ровно настолько, чтобы сжать его куртку, это действие становится разрешающим сигналом, и он шагает еще ближе ко мне, так что теперь я зажата между ним и деревом. Рука на моем боку скользит вверх, чтобы зарыться в мой глупый парик, и когда он пытается оттянуть мою голову назад, тот снимается.

— Что за... — бормочет он и хмурится, глядя на космы в руке.

По правде, сейчас не время смеяться, но именно это я и делаю, лбом утыкаясь в плечо и сотрясаясь всем телом от силы смеха. Я надеялась на что-то новенькое сегодня, но в этом списке ни в коем разе не было Кросби Лукаса.

— Я забыл, — объясняет он. — Извини.

Я смеюсь сильнее.

— Нора.

Чувствую его пальцы под своим подбородком, когда он поднимает мое лицо обратно к своему, и даже в темноте вижу напряжение в его глазах, серьезность, и перестаю смеяться, тогда он снова меня целует, но в этот раз немного интенсивней, немного уверенней. Он не ждет, что я приму его предложение остановиться, да и не должен. Встаю на цыпочки и целую его в ответ, встречаясь зубами, языками, губами, ощущая его хриплое дыхание, слыша

голодные звуки, которые он издает, когда наматывает на пальцы мои настоящие волосы, и...

— Дерьмо, — отшатываясь, шепчет он. — Черт.

А затем и я это слышу. Резкий смешанный смех, мужской и женский, доносится от соседнего дома. Они направляются к Ферме Братств, и я ни за что не смогу выйти из-за деревьев с Кросби Лукасом, не вызвав сплетен. Думая также, Кросби подталкивает меня обратно к деревьям, и мы просто стоим там, замёрзшие и разгоряченные, ждем, когда пройдет компания. Минуту спустя они ковыляют мимо, даже не глянув в нашу сторону.

Долгую минуту мы пристально смотрим друг на друга. Не знаю наверняка, как это вышло, но та часть меня, что подавлена новой маской ответственности, снова ожила и еще не готова это завершить, чем бы оно ни было.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — говорит он чуть охрипшим голосом.

Я сглатываю. Он кажется искренним и немного нетерпеливым, и я понимаю — отдельные части меня вопят о необходимости поступить ответственно и отправить Кросби Лукаса обратно в дом братства трахаться с Мисс Мэриленд. Но вместо этого я делаю то, что он просит, и говорю ему правду:

— Проводи меня домой.

Он кивает.

— Конечно.

— И пообещай, что мое имя ни при каких обстоятельствах не появится ни в одном списке.

Он вздрагивает так мимолетно, что если бы я моргнула, то пропустила бы это.

— Обещаю, Нора.

Мы идем, и причина нашего быстрого шага лишь отчасти в холоде. Мы не касаемся друг друга, не говорим, а когда подходим к моему дому, я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что мы одни. Кросби тоже осматривается.

— Хочешь, я обойду? — предлагает он. — Войду через окно?

— О. А ты мог бы...

Он рычит и вырывает ключи из моей ладони, затаскивая меня по ступеням к двери:

— Я не ползаю через чертово окно. Это была шутка.

— Я подумала, может Супермен...

— Он прыгает по зданиям. Не вламывается в квартиры.

— Ну я правда не многое знаю о Супермене, Кросби.

Он распахивает дверь и сначала подталкивает меня.

— Я не хочу сейчас говорить об этом. — И затем осторожные поцелуи, что были у дерева, исчезают, сменяясь жаркими, влажными и грязными. Вскоре мое пальто оказывается на полу, и я скидываю ковбойские сапоги из секонд-хенда, не беспокоясь о том, где они приземлятся. Кросби подхватывает меня, словно я ничего не вешу, и я обвиваю ногами его талию, твердые мускулы прижимаются к чувствительной внутренней стороне моих коленей.

Он несет меня в мою спальню, включает свет и закрывает дверь. Когда он ловит мой взгляд, застывший на дверной ручке, должно быть, понимает, что меня волнует отсутствие замка, потому что говорит:

— Он не придет сегодня домой. Я уйду до его прихода.

Я киваю и сглатываю, когда Кросби снимает свои кроссовки и бросает поверх них куртку. Теперь он ждет в этом нелепом костюме, хорошо заметная выпуклость явно дает понять, в каком он состоянии.

— Мне правда хотелось бы не быть одетым в этот костюм, — говорит он и тянется за спину, нащупывая замок.

— Давай помогу, — говорю я, шагая ближе. Он поворачивается лицом к двери, и я расстегиваю молнию, наблюдая, как ткань расходится, обнажая очень широкую, очень мускулистую спину, усыпанную веснушками. Импульсивно наклоняюсь и прижимаюсь губами к теплой коже, вызывая у него мурашки. Его мышцы перекачиваются, когда он стягивает рукава, плащ цепляется и немного рвется, но ему, кажется, все равно. Он разворачивается, обнаженный до талии, блестящая ткань собралась у него на животе.

Во рту пересыхает. Кросби почти неожиданно идеален. Слишком широкий, слишком большой, слишком горячий. Он выглядит так, словно может поднять трактор голыми руками — руками, которые теперь тянутся ко мне и медленно, с особой тщательностью, расстегивают мириады пуговиц на двухдолларовой рубашке.

— Ты можешь просто разорвать ее, — шепчу я, борясь с желанием сделать это самой. Я хочу этого. Так слишком долго, а я хочу этого немедленно. — Я никогда не надену ее снова.

— Нора, — серьезно говорит он. — Мне будет нужно, чтобы ты надевала этот наряд во многих, многих случаях.

Я проваливаю попытку сдержать недостойный леди смешок, и Кросби тоже смеется, не прерывая своего занятия. Наконец он стягивает дешевую ткань с моих плеч и роняет ее на пол, так что я остаюсь в белом кружевном лифчике и в джинсах.

Он вздыхает и делает шаг назад, бесцеремонно глаза на мою грудь.

— Могу я сказать тебе кое-что? — спрашивает он, не отрывая взгляда.

— Э, да?

— Я долго хотел прикоснуться к ним.

Я удивленно смеюсь:

— Что? — Полагаю, я не должна быть так уж шокирована: он парень, а это сиськи. Это как ореховое масло и джем.

Он тянется мне за спину, и я чувствую, как его пальцы проскальзывают под кружево, расстегивая крючки.

— В тот первый день, — шепчет он мне в волосы, — когда ты заявила в обтягивающем свитерочке с пуговицами спереди? Я много об этом думал.

От его слов все мое тело наполняется желанием. По напористости его тона, ощущая его эрекцию, упирающуюся в мой живот, когда он стоит так близко, опуская бретельки по рукам, я понимаю, что он говорит о том, что мастурбировал, думая обо мне в этом кардигане.

Хочу рассмеяться, но не думаю, что смогу теперь. Когда он наконец впервые обнажает мою грудь, резкий звук его дыхания ворует мое собственное. Он очень медленно проводит рукам по моим бедрам, по животу пока не касается груди мозолистыми ладонями — его прикосновение настолько же трепетное, насколько его кожа грубая и шершавая. И хотя пальцы, которыми он проводит вверх-вниз по моим соскам, вызывают приятные ощущения, по-настоящему меня заводит его взгляд. Он абсолютно поглощен этим мгновением. Словно никогда не забудет его.

— Кросби. — Я скольжу руками по его большим бицепсам, широким плечам, шее, ушам, пока не зарываюсь в его волосы.

— Нора, — отвечает он, двигаясь вперед, так что мне приходится шагнуть назад, лодыжками упираясь в кровать. Он отпускает мою грудь, скользит одной рукой мне между

лопаток, другую устраивает на моей попе, опуская на матрас, прежде чем встать на колени между моих раздвинутых ног. Большими руками он берется за пуговку на моих джинсах и поднимает на меня взгляд.

— Да?

Я киваю, неуверенная, что могу говорить. Сердце колотится, когда он осторожно стягивает джинсы по моим ногам, оставляя меня только в фиолетовых стрингах. Вижу его адамово яблоко, когда он сглатывает, а затем тянется вниз, к полу, за курткой, вытаскивает бумажник, достает презерватив и бросает его на мой ночной столик в виде ящика из-под молока. Улыбается мне, прежде чем стянуть спандекс по бедрам, аппетитным мускулистым ляжкам и сильным лодыжкам. Когда он перехватывает мой взгляд, то стыдливо прикрывает эрекцию, пальцами другой руки поигрывая кружевным краем моих стрингов.

— Приподними бедра.

Я едва могу дышать. Лишь один взгляд на него вызывает у меня желание извиваться от предвкушения. Никогда за свою короткую сексуальную жизнь я не хотела кого-то так сильно, что становилась мокрой при одном взгляде на него. Но я мокрая, и знаю, что Кросби видит это, потому что он издает страдальческий стон, когда я приподнимаю таз, чтобы дать ему возможность стянуть шелковую ткань по моим ногам, а затем нежно раздвигает мои бедра и смотрит между ними.

Он опускается на меня, локтями упираясь в матрас по обе стороны от головы, убирает выбившийся локон мне за ухо и скользит губами по моим, абсолютно не торопясь. Поворачиваю голову и смотрю в большое зеркало, что стоит у стола под таким углом, что мне видно идеальную задницу Кросби, такую соблазнительную, что мне приходится подавить порыв опрокинуть его, чтобы рассмотреть поближе.

Не то чтобы я могла сдвинуть его, даже если бы захотела. Хоть он и очень старается не прижать меня, веса одной лишь его ноги между моих бедер достаточно, чтобы напомнить мне, какой он большой. Какой сильный.

— Эй, — мягко говорит он, поднимая голову и глядя на меня.

— Что?

— Ты уже делала это прежде?

Я замираю, но затем все же киваю.

— Да, — выдавливаю я. Это напоминает мне, насколько мало мы знаем друг о друге. Если бы в прошлом году кто-то спросил меня, как трахается Кросби Лукас, я бы сказала, что он действует как порно-звезда, шлепая по заднице, оттягивая волосы, а после хвастаясь друзьям. Лишь стиль и никакого содержания. Но парень надо мной не наглый спортсмен, как я думала, как и я не ответственный книжный червь, как думает он. И когда он кивает и проводит рукой промеж моих ног, то облегчение на его лице, когда он обнаруживает, что я мокрая и готовая, почти осязаемо. Я издаю стон, когда его палец проскальзывает в меня, затем он раздвигает мои ноги шире, растягивая меня двумя пальцами, такой нежный, когда целует меня, не закрывая глаз, оценивая мою ответную реакцию.

В прошлом году у меня было пару оргазмов с моими партнерами, но ничего умопомрачительного или исключительного — лишь формальные окей-мы-на-правильном-пути оргазмы, я никогда не испытывала чего-то даже в половину такого приятного, как пальцы Кросби Лукаса и то, что они обещали сейчас.

— Кросби... — Я ловлю ртом воздух, когда он потирает ладонью мой клитор.

— Ты в порядке?

— Это так...

— Говори все, что хочешь, — говорит он, когда я забываю оставшуюся часть предложения. — Я сделаю все, что пожелаешь.

— Думаю, я могу... — Не знаю, должна ли я смущаться, что так легко кончу, но нахальная ухмылка Кросби и его активизировавшиеся пальцы говорят мне, что его это совсем не волнует. Он грубо и влажно целует меня, рука трет во всех нужных местах, и я кончаю — глубокие волны желания расходятся от моего центра по ногам, отчего поджимаются пальцы.

Я стону ему в рот, и он поглаживает мою щеку, словно поощряя меня, подталкивая. И больше меня ничего не волнует, только то, насколько это здорово. Если каждое имя на той глупой стене в туалете было практикой, ведущей к этому моменту, я абсолютно одобряю это.

Поворачиваю лицо и пытаюсь вернуть контроль над своим дыханием, когда Кросби медленно убирает руку от моих бедер. Он дает мне минутку, занимая себя моей грудью, его язык выписывает круги вокруг напряженных сосков, а рот слегка посасывает. Чувствую, как его костяшки задевают внутреннюю сторону бедра и поднимаю голову, чтобы увидеть, как он медленно поглаживает себя рукой, которая только что была во мне, используя мои соки как смазку.

— Кросби, — шепчу я и тянусь за презервативом.

— Нужна минутка? — Он изучает мое лицо, зубами разрывая пакетик. Качаю головой, и он откидывается на пятки, раскатывая презерватив, шире раздвигая мои ноги и пристально разглядывая мою киску.

Окей, это неловко. Я влажная и выставлена на показ, а он...

— Эй, — говорит он.

Осознаю, что таращусь на стену.

— Что?

— Что не так?

— Ничего.

— О чем ты думаешь? — При том, что у него сильнейший стояк и жаждущая вагина в десяти дюймах, он ничего не предпринимает, чтобы войти в нее.

— Просто это немного неловко, — мямлю я, потирая рукой лицо.

— Что неловко?

Машу рукой в сторону вагины.

— Когда кто-то смотрит туда!

Он морщит нос и смеется:

— Нора, ты смешная.

— Я не пытаюсь быть забавной.

— Хочешь посмотреть на мой?

— Я смотрела.

— Хочешь увидеть ближе? — Он поглаживает внутреннюю сторону моих лодыжек, его пальцы щекочут нежную кожу под коленками.

— Ты просишь меня сделать тебе минет?

Он улыбается:

— Нет, не в этот раз. — Подхватывает руками мои ноги, поднимает их выше и шире, но прежде, чем я успеваю сгореть со стыда, он опускается на меня, одной рукой опираясь на подушку за моей головой, а другой направляя свой член между моих ног.

— Можно?

— Тебе правда нужно было спрашивать?

— Я просто хочу быть уверен.

Смотрю в его карие глаза, которые, как я теперь знаю, темнеют до почти черных, когда он заведен, румянец на его щеках не соответствует абсолютному контролю в его голосе. Думаю, он бы остановился, если бы я попросила. Думаю, он бы надел этот костюм Супермена и станцевал бы джигу¹³. Думаю, Кросби не наглый и самодовольный мудака, каким прикидывается.

— Я уверена, — говорю я.

Какая-то нежность мелькает в его чертах, и он улыбается, сладко и уверенно целуя меня, а затем толкается внутрь, медленно, осторожно и очень охотно. Его член такой большой, как и предполагает его строение, но после первоначального болезненного дискомфорта остаются только приятные ощущения, он стонет мне в шею, а его влажное дыхание заставляет меня дрожать. С минутку он не шевелится, а затем поднимает голову и наблюдает за мной, начиная медленно трахать меня, сконцентрированный и напряженный.

Мне нравится, но не думаю, что снова кончу так быстро. И мне правда все равно — я только что испытала лучший оргазм, который у меня был с партнером, так что я не жалею. Через какое-то время я обвиваю ногами его бедра, мои пальцы заинтересованно ощупывают эту красивую задницу, чувствуя, как она сжимается, когда он двигается.

— Ты сможешь так кончить? — шепчет он, проводя пальцами по моим влажным вискам.

— Не думаю, — отвечаю я, чувствуя странный комфорт от такой честности. — Но это неважно. Я недавно кончила. Теперь ты.

Он поднимает бровь.

— О, обязательно. Без вопросов. Но с тобой. — Он перестает двигаться и отодвигается, пальцами обхватывая мою лодыжку. Готовлю себя к какому-то бессмысленному показательному спектаклю в виде секса в изогнутом состоянии, но он чуть сгибает мою левую ногу к груди и слегка отклоняет свое тело вбок. Теперь с каждым толчком он задевает мой клитор, и несколько секунд спустя я вынуждена пересмотреть свое мнение о втором оргазме.

— Как насчет этого? — шепчет он, прикусывая мою мочку, и я концентрируюсь на заново нарастающем чувстве между ног.

— Думаю, я могла бы...

— Скажи мне, что тебе поможет.

— Давай попробуем так минутку.

— Ясно. — Он вжимается лбом в подушку рядом со мной, его влажные волосы касаются моей щеки, показывая, как ему трудно. Сколько усилий он прилагает, чтобы мне было хорошо. Едва заметные волоски на его груди трутся о мои соски, и когда я побуждаю его двигаться быстрее, понимаю, что снова кончу.

— Я близко, — шепчу я.

— Нора, — стонет он и переплетает свои пальцы с моими по обеим сторонам моей головы, удерживая и в то же время держась за меня.

— Еще немного...

— Ох, черт... черт...

— Я... я... ооооо... — Я кончаю, и Кросби следом за мной. Чувствую, как он вбивается

в меня сильнее, делает несколько грубых толчков, выругивается мне в ухо и почти болезненно сжимает своими пальцами мои. Но меня это совсем не волновало, потому что моя киска так сильно, так приятно сжимается — просто бесконечные волны невиданного прежде удовольствия.

Может, Кросби парень именно того типа, что хвастается о том, что знает, как это делать, а я девчонка того типа, которая закатила бы глаза и отшила его. До этого момента. Тут уже не до смеха, потому что это *невероятно*.

Наконец он поднимает голову, и я, развернувшись, смотрю ему в глаза и чувствую едва заметное облегчение, увидев на его лице то же ошеломленное и удовлетворенное выражение, что, я знаю, есть на моем.

— Вау, — бормочу я.

Он устало смеется и вытирает рукой лоб.

— Боже, Нора. Ты охрентельно красивая. Не думаю, что я когда-либо так кончал.

— Это все голубые тени? — спрашиваю я, вспоминая, что на мне были не только одежда и волосы Тельмы, но и макияж.

— Нет, — говорит он, прижимаясь губами к уголку моего рта и медленно выходя из меня. — Это ты.

Он встает и выходит из комнаты с голой задницей, чтобы снять презерватив и сполоснуться, а я забираюсь под одеяло и вытягиваюсь как ну очень удовлетворенная кошка. Не знаю, каково мне будет завтра, но сейчас я чувствую себя удивительно — стресс и все напряжение последних пары месяцев забыты.

Кросби возвращается с двумя стаканами воды, ставит их на ящик и включает лампу, прежде чем выключить верхний свет.

— Итак, — говорит он, заползая под одеяло, прежде чем передать мне стакан.

— Итак, — говорю я.

Мы пьем в тишине и разглядываем потолок. Я всей кожей ощущаю каждый дюйм его тела, прикасающегося ко мне, звук его глотков, шум его дыхания, когда он ставит пустой стакан на пол и выключает свет. А затем не чувствую ничего, потому что каким-то непостижимым образом засыпаю рядом с Кросби Лукасом.

Глава двенадцатая

Я просыпаюсь в одиночестве. Уже почти восемь, и яркое ноябрьское солнце пробивается сквозь шторы, которые я забыла закрыть во время вчерашней ночной активности.

Кстати об этом. Выгибаю спину, проскальзываю пальцами между ног и осторожно ощупываю себя — немного побаливает, но в хорошем смысле. Черт, в потрясающем смысле. Таким потрясающем, что я даже особо не беспокоюсь о том, что у меня был секс с Кросби Лукасом. Что я переехала сюда на том условии, что буду ответственной и прилежно заниматься, а затем поимела лучшего друга своего соседа. Потому что оно того стоило.

Зеваю, выбираюсь из кровати абсолютно голая и, глупо улыбаясь, выуживаю трусики, шорты и свитшот, затем направляюсь в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Жесть. Я рада, что Кросби ушел. Из-за голубых теней и суперобъемной туши Тельмы, размазанных вокруг глаз, я выгляжу как сумасшедший енот из девяностых.

Сплюываю зубную пасту в раковину, ополаскиваю рот и говорю себе не быть

«Кросбабой». В прошлом году я видела множество девчонок, таскавших за ним. Девчонок, которые хотели быть с ним, или уже были и хотели еще одного раунда. Я не буду одной из тех девчонок, хотя теперь понимаю, почему они так себя вели.

Наведя марафет — ничего не могу поделаться со своими волосами, разве что собрать в хвост, — в полусонном состоянии плетусь в кухню и пронзительно вскрикиваю от ужаса, когда Келлан встает из-за островка.

Он подпрыгивает от моего визга, ложка вылетает из его руки и грохается о кухонный шкаф позади него.

— Нора! — восклицает он. — Черт!

Закрываю лицо руками и пытаюсь избежать инфаркта.

— Что ты здесь делаешь? — мямлю я сквозь пальцы.

— Я живу здесь.

— Так рано! Так тихо!

— Я вел себя тихо, потому что ты спала, — говорит он. — А после думал, что ты слышала меня. — Он бросает ложку в раковину и берет новую, затем указывает на миску с хлопьями на столе. — Я сделал завтрак, пока ты была в ванной.

Качаю головой, чувство вины заставляет меня нервничать.

— Извини. — Протискиваюсь за ним, чтобы взять коробку апельсинового сока из холодильника. — Я просто удивилась. — Наполняю стакан и присоединяюсь к нему, забытый мной телефон лежит на столе. Проверяю пропущенные сообщения и обнаруживаю пять от Марселы, одно жалостливей другого, с обещаниями оставить мне в наследство все свое имущество, раз уж она должна умереть, и с просьбами найти ее труп на следующий день, чтобы она не успела наполовину разложиться до похорон.

Улыбаюсь и кладу телефон, и только когда замечаю ухмылку Келлана, осознаю, что по-прежнему улыбаюсь — шире, чем можно было бы объяснить несколькими страдальческими сообщениями. Из всех сил стараюсь вести себя как обычно.

— Что?

— Чем занималась прошлой ночью? — Он стреляет задумчивым взглядом в сторону полуоткрытой двери моей спальни. — Ты быстро исчезла.

Теперь он замечает, что я делаю?

— Я устала.

— Ты не обязана говорить мне, если не хочешь, — говорит он. — Просто надеюсь, что тебе было весело.

— Так и было, — заверяю я его, отчаявшись сменить тему. — А тебе?

— Вообще-то, нет. — Он засовывает ложку хлопьев в рот правой рукой, левой проверяя телефон. — Я немного обеспокоен.

Думаю о Мисс Мэриленд и Мисс Луизиана — он обеспокоен тем, имя которой королевы красоты добавить в свой список первой? Сверху вниз или снизу вверх? По алфавиту или в хронологическом порядке?

— Чем? — вежливо спрашиваю я.

— Кросби, — говорит он, большим пальцем набирая сообщение. — Он в последнее время странно себя ведет. Прошлым вечером я привел ему двух девчонок на выбор, а он просто свалил. Сказал, что скоро вернется, и исчез.

— А?

Келлан серьезно смотрит на меня.

— Думаю, у него могут быть проблемы в доме братства. Он много времени проводил здесь. Это не досаждаст тебе, ведь нет?

Качаю головой, глядя в стакан.

— Нет. С этим все в порядке.

Келлан вздыхает и нажимает «отправить».

— Надеюсь.

Раздается приглушенный «бип», заставляя нас развернуться на стульях в сторону звука. Глянув на наши телефоны, видим, что экраны темные.

— Ты слышала это? — спрашивает Келлан, и, нахмурившись, изучает взглядом квартиру.

Я стараюсь удержать челюсть на месте, останавливая взгляд на ближайшем к обеденному столу шкафу. Ох, твою мать.

— Это еще одно сообщение от Марселы, — говорю я, подхватывая телефон и притворяясь, что читаю. — Ей очень плохо.

— Бипнуло сразу после того, как я послал Кросби сообщение. — Келлан выглядит убежденным, набирая еще одно сообщение. Оно короткое: «Ты где?».

Задерживаю дыхание, но предательский сигнал не раздается. Кросби, должно быть, выключил свой телефон.

Келлан тяжело выдыхает.

— Может, я сдаю, — признается он. — У меня был выбор между красивыми представительницами двух штатов, но я мог думать только о Кросби.

Я не знаю, смеяться или плакать.

— Уверена, с ним все в порядке.

— Я провел всю ночь в его комнате, ожидая, когда он заявится.

— Может, он встретил кого-то, — предлагаю ему вариант. Затем поясню: — Незнакомого.

Келлан скептически смотрит на меня.

— Я всех знаю, — говорит он. — И все знают Кросби. Я спрашивал, не видел ли кто Супермена — и никто не видел. А ведь парня трудно не заметить.

— Хмм.

— Думаешь, он в депрессии?

— В депрессии? Я... нет. Я так не думаю, Келлан.

— Мы обо всем разговариваем, — не находит он себе места, сжимая руки вместе. — И я знаю, что не особо поддерживал его увлечение фокусами, но если это расстраивает его...

Я сейчас умру.

— Наверное, дело в этом, — говорю я, еле удерживая на лице невозмутимое выражение. — Просто чуть больше поддерживай его магию.

Келлан понимающе кивает.

— Ты права. Так и буду делать. Я был задницей.

В этой квартире находятся два самых чувствительных парня на планете.

— Уверена, он напишет тебе через несколько минут, — чересчур громко говорю я, заставляя Келлана вздрогнуть. — Он наверняка вернулся в дом братства и готов рассказать тебе о горячей девчонке, которую подцепил.

— Боже. — Келлан пробегает рукой по волосам. — Надеюсь на это.

Мы с всевозрастающей неловкостью пялимся на его пустую миску.

— Знаешь, — говорю я, — почему бы тебе не принять душ и не постараться немного поспать. Тебе станет полегче.

Келлан обнюхивает свои подмышки.

— Я воняю?

— Я... — От него не пахнет, но если это заставит его выйти из комнаты, чтобы Кросби смог вылезти из шкафа, я с легкостью совру. — Немного.

— Вот черт. Этот костюм был из шерсти. Я всегда потею, когда надеваю шерсть.

Я сочувственно киваю, в то время как он споласкивает чашку, кладет ее в посудомоечную машину, а затем с надеждой поглядывает на темный экран.

— С ним все будет в порядке, — говорю я. — Просто дай ему время проснуться. Сейчас только восемь.

— Ты права. — Келлан похлопывает меня по руке. — До ланча я больше не буду беспокоиться.

Неловкость убивает меня.

— Вообще-то, — говорит он, останавливаясь на полпути в ванную, — это ложь. До ланча я не буду волноваться о Кросби. Но ты — другое дело.

— Я?

— На твоём полу обертка от презерватива, Нора Кинкейд. А мы договаривались не приводить никого сюда.

— Мы... я... — О, боже.

— И я знаю, что Кросби часто приходит, но он не считается.

Я с жаром трясую головой:

— Мне так жа...

Келлан ухмыляется и громко хохочет:

— Ты шутишь? Не извиняйся, Нора! Ты наконец нашла кого-то, и я счастлив за тебя. И немного завидую везучему ублюдку. Ты хорошо провела время?

Мне не нужно видеть Кросби, чтобы знать, что он прижался ухом к двери шкафа.

— Да, — бормочу я.

— Он заставил тебя кричать?

— Келлан, иди в душ.

Он смеется еще сильнее, протягивает кулак, и я неохотно бью по нему. Усмехнувшись, он исчезает в ванной, и я неподвижно сижу на стуле, прислушиваясь к звуку воды, а затем к его приглушенному пению.

— Кросби! — с шипением восклицаю я, вскакивая на ноги.

Дверь шкафа распаивается, и он вываливается оттуда, одетый в шорты Келлана для бега и футболку на два размера меньше, которая облепляет каждый из тысячи его мускулов. Куртка в одной его руке, а костюм и телефон в другой.

— Он послал мне сорок одно сообщение прошлой ночью!

— Он думает, ты в депрессии!

Он прикрывает лицо, когда смеется.

— Ты на полном серьезе хочешь, чтобы я рассказал ему о горячей чике, которую подцепил?

— Придумай что-нибудь, — говорю я, подталкивая его в сторону лестницы.

— Может, я скажу ему, что заполучил мисс Вашингтон, — говорит он, натягивая куртку. — Не совсем ложь.

— До тех пор, пока мисс Вашингтон остается безымянной, мне правда все равно.

— Хэй. — Кросби ловит меня за руку, прежде чем я успеваю распахнуть входную дверь.

— Что?

— Ты правда думаешь, что он должен больше поддерживать мою магию? — Он умудряется целых три секунды сохранить невозмутимый вид.

— Напиши ему, что ты жив, — приказываю я, поворачивая замок.

— Напишу. — Поймав мою руку, он прижимает меня спиной к стене, и, глядя в глаза, опускает голову, чтобы поцеловать — пара нежных скользящих движений губами и мимолетное прикосновение языка. И вот так запросто все мое хваленое самообладание угрожает рассыпаться, и я готова умолять его снова трахнуть меня прямо здесь.

Душ выключается, чем ставит крест на этих мыслях для нас обоих.

— Я хорошо провел время, Нора, — говорит Кросби, открывая дверь.

— Я тоже.

— И хочу сделать это снова.

Если его репутация правда, Кросби Лукас *никогда* не хочет повтора.

— Хочешь?

— Да. Скоро. После долбанного разговора по душам с Мистером Чувствительность.

— Просто напиши ему.

— Уже написал.

Слышу, как Келлан перемещается по ванной.

— Кросби, тебе нужно идти.

— Дай мне свой номер.

Я одним духом выпаливаю его, зная, что он не запомнит.

— Ясно, — говорит он. — А теперь иди сюда. Еще один. — Он постукивает по своим губам.

— Кросби...

Но я не сопротивляюсь, когда он сгребает мою футболку и притягивает меня для еще одного поцелуя, хотя ледяной воздух холодит мои ноги и ворует дыхание.

— Это лишь разминка, — говорит он, наконец выпуская меня. — Я не заставил тебя кричать прошлой ночью. — О, боже. Ну конечно он заиклился на этом.

Я выпихиваю его за дверь.

— Это потому, что я не порно-звезда.

Он ухмыляется.

— Спорим, я заставлю тебя кричать.

— В эту секунду я очень близка к этому.

Он смеется и сбегает по ступенькам.

— Скоро увидимся, Нора.

* * *

В понедельник на занятиях почти никого нет, все мучаются с похмелья после Хэллоуина. В прошлом году, залив в себя алкоголя количеством в половину своего веса и перепихнувшись с игрушечным солдатиком, я провела три дня подряд, оттирая зеленую краску и раскаиваясь о своем жизненном выборе.

Однако в этом году я чувствую себя прекрасно. Вообще-то, лучше, чем прекрасно. Может даже немного... оптимистично.

Что глупо, знаю. У Кросби репутация парня на одну ночь, и гораздо проще сказать

«увидимся позже», чем «прощай навсегда», даже если именно это и имеешь в виду. Тем не менее с тех пор как Нэйт начал приводить Селестию в кофейню, это первый раз, когда я не наблюдала за ними с легкой тоской. Теперь, когда кое-какие мои насущные потребности были удовлетворены, я увидела некоторую перспективу.

Та самая перспектива быстро изменяется, когда приходит Марсела. Она одета скромно для Марселы — обтягивающие темные джинсы и столь же обтягивающий блестящий белый свитер, на ней черные бархатные туфли на каблуках и красная помада. Кофейня наполовину заполнена, и когда она входит, каждый смотрит, как она вышагивает по ней, включая Нэйта и Селестию.

— Привет, — говорю я, когда она протискивается за стойку и тянется за фартуком. — Тебе лучше?

— Для этого и нужны лекарства, — отвечает она, наполняя кружку горячей водой и бухая туда невероятное количество меда. — Думаю, у меня есть добрых три часа, прежде чем свалюсь. Я просто должна была выбраться из квартиры.

— Я предлагала навестить тебя вчера.

— Знаю, — говорит она, похлопывая меня по руке, — и это очень мило с твоей стороны. Но дома полно микробов, а я хотела уберечь тебя.

— Ты очень добра.

— Так и есть, да ведь?

Сказать по правде, я была рада, что она отвергла мое предложение, и не только потому, что не хотела заразиться. У Марселы шестое чувство на секс, поэтому мне нужно было сохранить некоторую дистанцию между моей... ситуацией... с Кросби и природной способностью Марселы узнавать, когда кто-то чем-то занимался.

Может, я великолепная актриса или просто простуда помешала ей понять. Или может тот факт, что она так старается притвориться, что не замечает их, одним глазом посматривая на Нэйта с Селестией, которые сидят в углу и разгадывают вместе кроссворд.

— Хочешь пойти на кухню и приготовить пончики? — спрашиваю я в надежде остановить ее гневную тираду на счет Селестии еще до того, как она начнется.

— Я пойду на кухню и поем пончики, — отвечает она, неохотно отводя взгляд от милующейся парочки. — Мы... — Она замолкает и смотрит мне за плечо, когда открывается дверь и вместе с новыми клиентами в кофейню проникает уличный шум. — А вот это интересно, — бормочет она, и ее губы изгибаются в притворно застенчивой улыбке.

Мое сердце начинает колотиться, когда я медленно разворачиваюсь, ожидая увидеть Кросби.

Но это не Кросби. Это Келлан.

— Хэй, — говорит он, ухмыляясь мне. Он в толстовке, шортах и кроссовках, а его темные волосы влажные на висках.

— Хэй, — отвечаю я, надеясь, что не выгляжу настолько же разочарованной, какой себя чувствую.

— Хэй, — говорит Марсела.

Не нужно быть гением, чтобы понять, к чему все идет.

— Хэй, — отвечает Келлан.

Они улыбаются друг другу, никакие другие слова не нужны.

— Хочешь напиток? — громко спрашиваю я. — Я угощаю. Марсела, почему бы тебе не пойти на кухню и не начать делать пончики?

— Пончики? — крайне заинтересованно повторяет Келлан.

— Давай, — говорит Марсела, поднимая панель стойки, чтобы он мог зайти, — я покажу тебе, как мы их делаем.

— Ты болеешь! — упрекаю я. — Ты не можешь делать пончики. — Возвращаю свое внимание к Келлану: — А ты не работаешь здесь, поэтому тоже не можешь делать пончики. — Я выпроваживаю их обоих из-за стойки и иду следом, успешно блокируя нас всех.

Келлан поднимает руки в защитном жесте.

— Остынь, Тельма. Я думал, ты будешь менее напряженной после...

Я делаю большие глаза, предупреждая Келлана, и он сразу же понимает намек и обрывает себя, прежде чем заявить Марселе о моей таинственной сексуальной эскапде. Нахмурившись, Марсела хватается лимон из корзины на стойке и разворачивается к нам спиной, чтобы отрезать кусочек для своего напитка. Пока она не видит, Келлан корчит рожицу, типа, «почему она не знает?»

— Я стесняюсь, — произношу одними губами. Не лучший ответ, но это все, что я могу придумать. К счастью, Келлан покупается на это и понимающе кивает.

Наше внимание привлекает покашливание, и мы втроем оглядываемся, чтобы увидеть Нэйта, стоящего в нескольких футах от нас рядом с клиентом, ожидающим повторного кофе.

— Простите, — мямлю я, поспешно хватая чашку и наполняя новую. — Мои извинения.

Нэйт скрещивает руки и смотрит на Келлана.

— Если ты не собираешься ничего покупать...

Марсела, кажется, готова начать спор, но прежде чем она успевает это сделать, Келлан отвечает, вытаскивая бумажник из кармана:

— Без проблем. — Он слегка улыбается. — Я пришел за брауни. — Но судя по тому, как он смотрит на Марселу, его цель, возможно, сменилась.

— Вот, — говорит Марсела, щипцами доставая брауни из тарелки на витрине. — Это самый большой.

Улыбка Келлана становится шире.

— Повезло мне.

Я смотрю на Нэйта, он смотрит на меня. Мы оба выглядим так, словно сейчас блеванем.

— Чего стоим? — Мы вчетвером поворачиваемся на звук у двери, и вместе с Кросби в кофейню вливается поток свежего осеннего воздуха. Как и Келлан, он в шортах и кроссовках, но вместо толстовки на нем черная футболка, облегаящая его широкую грудь.

На долю секунды наши глаза встречаются, а затем он переводит взгляд на Келлана.

— Ты сказал, что хочешь взять перекусить, — обвиняюще говорит он, присоединяясь к нашей утопающей в неловкости группе. — А не вломиться сюда.

— *Я и беру перекусить*, — отвечает Келлан. Затем он посылает Марселе чарующую улыбочку. — И, может быть, номер телефона?

Поверить не могу, что он только что сделал это. То же неверие отражается на лице Нэйта, и нет никаких сомнений, что это подстегивает Марселу, потому что она ухмыляется и пишет номер на ближайшем бланке заказа. Эффектным жестом она отрывает верхнюю страничку и вкладывает в ожидающую руку Келлана, их пальцы задерживаются на двадцать восемь секунд дольше, чем необходимо.

Мне плохо из-за Нэйта, я злюсь на Марселу и рассержена на Келлана. Но они становятся лишь шумом на заднем фоне, когда Кросби пододвигается немного ближе —

настолько, что я чувствую жар, исходящий от его кожи, ощущаю слабый запах его пота.

— Эм... — говорю я, когда тишина становится совсем уж неловкой. — Хочешь брауни?

Кросби ухмыляется мне, но в его жестах нет ничего особенного — ничего, что намекало бы на произошедшее между нами; ничего, что намекало бы, что это вообще когда-либо случится снова.

— Брауни? — спрашивает он. — Или номер телефона?

Все смеются, а я в раздражении скрежещу зубами.

— Чувак, — говорит Келлан, по-прежнему смеясь, — ну даешь!

Заходит очередной клиент, и Нэйт грозно смотрит на нас.

— Давайте уже расходиться, ладно? Вам двоим нужно работать.

— А тебе? — резко говорит Марсела. — Тебе нужно сообразить ответ на тридцать три по горизонтали?

Нэйт смотрит, сузив глаза:

— Возвращайтесь к работе.

— Извини, — говорит Келлан, расправляется со своим брауни и кладет пятидолларовую банкноту на стойку. — Мы уходим. Увидимся дома, Нора. — Он улыбается Марселе. — А с тобой увидимся позже, надеюсь.

Фу.

Поворачиваюсь, чтобы вернуться к работе, и останавливаюсь, когда уверенный шлепок по заднице заставляет меня подпрыгнуть. Резко разворачиваюсь, ошарашенная, и вижу, как Кросби выходит за дверь вслед за другом. Он не смотрит на меня, пока не оказывается на улице, но когда он поворачивает голову, чтобы перехватить мой взгляд через стекло, легкое движение его брови говорит мне обо всем, что я надеялась услышать.

Глава тринадцатая

— Прости, — тут же извиняется Марсела. Десять секунд спустя мы срываемся на кухню, подальше от рассерженного взгляда Нэйта и какой-либо работы.

Я непонимающе смотрю на нее:

— За что?

Она жестом указывает на вход:

— За это! Знаю, что ты влюблена в Келлана и... — она понижает голос, будто нас кто-то может подслушать, — и вы двое переспали. Я не пытаюсь оскорбить твои чувства или украсть его...

Я стою застывшая, в то время как она продолжает молотить чушь. Каким-то образом, где-то между переездом к Келлану МакВи, ночевками в двенадцати футах от него и периодическими совместными завтраками миской хлопьев, я совершенно позабыла об испытываемом к нему раньше притяжении. Если я и выглядела в зале недовольной, так это из-за того, что Марсела устроила шоу перед Нэйтом, а Келлан... что ж, Келлан был Келланом.

— Перестань, — я вскидываю руку, когда она не выказывает никакого намерения сделать передышку. — Все в порядке.

— Ничего не в порядке, — отвечает она страдальчески. — Это был ужасный поступок.

Я колеблюсь, надеясь пройти по тонкой грани между девушкой-которая-раньше-была-влюблена-в-Келлана и девушкой-которая-сейчас-влюблена-в-его-лучшего-друга. — Я покончила с ним, — говорю твердо. — Я просто... покончила с этим.

— Но ведь ты...

— Ты же знаешь как говорят «реже видишь, больше любишь»? Ну а от того что мы живем вместе — эффект противоположный. Он хороший парень и на удивление опрятный сосед, но на этом все. Я в него не влюблена.

Она выглядит так, будто хочет мне поверить, но не может.

— Ты уверена?

— На сто процентов. Честно.

Она протяжно выдыхает.

— На самом деле я не собиралась идти с ним на свидание, — тем не менее произносит она. — Это было просто...

— Чтобы заставить Нэйти ревновать?

— Нет! — слишком рьяно протестует она. — Чтобы продемонстрировать Нэйту, что я спокойно воспринимаю его и как там ее зовут. Меня больше раздражает, что она получает скидки на свои дерьмовые напитки, но...

Я ни на йоту ей не верю, но чувствую вину, что скрываю новости о Кросби, несмотря на то что даже на секунду не задумываюсь о том, чтобы все ей выложить: — Ее напитки и правда ужасно дерьмовые, — вместо этого соглашаюсь я.

Марсела хватает лежащий на духовке поднос с сырыми пончиками:

— И мы можем говорить о шубах?

— Конечно... — начинаю, но меня прерывает звук вибрации моего телефона, лежащего в кармане фартука, — Секундочку, — говорю я, хмуро глядя на экран. Номер местный, но абонент незнаком, тем не менее я просматриваю сообщение, которое гласит:

Прости. Не следовало шлепать тебя по заднице.

Кросби. Неужели он и впрямь запомнил мой номер, когда я продиктовала его два дня назад? Скорее всего, он просто украл его из телефона Келлана. Не то чтобы я жалуясь.

Что же касается извинений, то они совершенно излишни. Я не заинтересована, чтобы он перекинул меня через свои колени и отшлепал по попе, однако слабая отметина от его ладони является довольно примечательным напоминанием о других вещах, которые могут устроить эти руки.

Без проблем, — начинаю набирать я, когда получаю еще одно сообщение.

Я возбуждаюсь от одной мысли об этом, — говорится в нем. — *Безумно завожусь.*

Я удаляю свой ответ и таращусь в экран, чувствуя, как напрягаются грудь и живот. Я хочу еще. Больше сообщений и больше его рук и еще, еще больше. Больше Кросби Лукаса, если такое возможно.

Очередное сообщение: *Когда ты заканчиваешь работу?*

Я тут же набираю: *В восемь.*

Я заеду за тобой.

Зная, что Марсела за мной наблюдает, я сохраняю нейтральное выражение лица, печатая «Окей» и нажимая «отправить».

— Кто это был? — спрашивает она, когда я убираю телефон.

— Мама, — слишком легко вру я. — Хочет знать, собираюсь ли я домой на День Благодарения.

— Ты собираешься?

Я качаю головой:

— Нет, отложу эту изысканную пытку до Рождества.

— Хорошо. Мы можем приготовить индейку.

— А ты знаешь, как ее готовить?

На секунду она притихает:

— Нет. Думаешь Келлан умеет?

Я внимательно смотрю на нее, а затем прослеживаю за ее взглядом через стеклянные окошки на дверях: Нэйт и Селестия жмутся друг к другу за прилавком, в то время как он готовит один из ее фирменных напитков.

Я вздыхаю.

* * *

Мой велосипед припаркован в переулке позади кофейни, поэтому, когда мы закрываемся на ночь я машу на прощание Нэйту и Марселе, направляющимся к своим машинам до этого так холодно пожелавшим друг другу доброй ночи, что меня передергивает, несмотря на зимнюю куртку. Бернем — крошечный городок, поэтому все тут закрывается довольно рано и на улицах темно и тихо, отчего легко заметить припарковавшегося за полквартала от кофейни Кросби, сидящего в машине с выключенным двигателем. Он приветствует меня взмахом руки, и я киваю в ответ, после чего сворачиваю в переулок за зданием. Секунду спустя тишину ночи пререзает рев двигателя.

Вечером мы еще переписывались, условившись встретиться тут после ухода Марселы и Нэйта. Я смотрю, как фары освещают мусорные баки, когда Кросби сворачивает в переулок и медленно подъезжает ко мне.

Я не собираюсь лгать, мне хочется стянуть с себя джинсы и юркнуть на заднее сиденье, чтобы заняться всем тем, чем занимаются люди, когда встречаются друг с другом ночью в темных переулках. Хотя наша переписка была относительно сдержанной, я горю от нетерпения. Никогда раньше не чувствовала ничего подобного. По-настоящему, очень... похотливо. Грубое, банальное слово, чтобы описать творящееся у меня в районе живота и местечке пониже, но уж что есть, то есть.

Зато похоже Кросби в другом состоянии, потому что он останавливает машину и просто тянется через пассажирское сиденье, чтобы открыть мне дверцу. Никаких порывов к страстным, запретным объятиям. Я подавляю свое глупое разочарование и ныряю в машину, тут же свет в салоне гаснет, оставляя нас в тусклом освещении от огоньков приборной панели. Тачка хоть и старая, но чистая с опускающимися вручную стеклами и немного продавленными сиденьями. Между нами рычаг переключения передач, с зеркала свисает освежитель воздуха в форме карамельной трости, отчего в салоне пахнет зубной пастой.

— Хэй, — говорю я, неожиданно застеснявшись.

Он бросает взгляд и улыбается, машина двигается с места.

— Хэй.

На нем дулая черная куртка и джинсы, и даже его силуэт сексуальный.

Как раз подходящий момент для вопроса «К тебе или ко мне?», только ни одно из этих мест не подходит. Я живу с Келланом, а Кросби — в доме братства. Я украдкой бросаю взгляд через плечо на маленькое заднее сиденье.

— Не беспокойся, — говорит он, выезжая из переулка на улицу. — Я прибрался.

— Об этом я и не волновалась. — Хотя и разочарована — чисто или нет, без варианта,

что мы оба могли бы поместиться на том сиденье. По сути сейчас, будучи тут с ним, я не уверена где именно мы находимся. Или куда едем. Кросби направляется к автостраде, съезжает в южном направлении, аккуратно вливаясь в разрозненное движение. Я прочищаю горло и осматриваюсь по сторонам.

— Что, э-э... что происходит?

Он бросает на меня взгляд.

— Ты в порядке? — он ведет машину лишь левой рукой, высунув локоть в окно. Свободная рука покоится на рычаге передач, пальцы отбивают ритм песни, льющейся из радио так тихо, что ее почти невозможно расслышать.

— Я в порядке. Просто... что мы делаем?

— Ненадолго выбираемся из Бернема, — отвечает он, после чего бросив на меня еще один взгляд, уточняет: — разве это плохо?

Двумя съездами далее находится Гэтсби — городок чуть побольше. В ту сторону не ходят автобусы, так что я там была лишь несколько раз на машинах Нэйта или Марсели. Это довольно милое местечко с магазинчиками и кинотеатрами. Есть чем заняться помимо кофе, алкоголя или школы.

— Хорошо.

— Хочешь вернуться? Мы можем без проблем. Но знаешь ли, даже не представляю куда мы могли бы пойти? Келлан подвернул лодыжку и хотел остаться дома, чтобы приложить лед, а у меня вечно куча народу.

— Я не хочу возвращаться, — говорю ему. — Просто хотела знать, куда мы едем.

— Можем поехать куда пожелаешь, — отвечает он. — Делать, что пожелаешь.

Кросби включает поворотник и сворачивает направо, чтобы перестроиться для съезда в Гэтсби. Отсюда мне видна огромная вывеска кинотеатра, но мы слишком далеко, чтобы можно было ее прочесть.

— Хочешь посмотреть фильм? — задает он вопрос, когда мы подъезжаем ближе.

Я жмурюсь, просматривая список сеансов. Это огромный мультиплекс, парковка забита до отказа. Кросби медленно движется мимо входа, так что нам видно, что показывают.

— Уже вышел «Убить Глори 3»? Я думала, он не выйдет раньше декабря.

Кросби неловко смеется, когда я называю последнюю версию популярной хоррор-франшизы.

— А что еще идет?

Я перевожу на него взгляд:

— Ты не любишь ужастики?

Он поджимает губы:

— Очень даже люблю.

У меня отвисает челюсть:

— Ты боишься.

— Вовсе нет.

— Может, показывают «Историю игрушек б»?

— Франшиза «Истории игрушек» — классика.

— Окей, ладно. — Я вытягиваю шею, стараясь увидеть больше афиши. — Есть еще «Гонка танкеров 2», «Девушки из магазинчика с содовой», «Операция» — думаю это по мотивам настольной игры — и документальный фильм о тюленях. Горишь желанием посмотреть что-нибудь из перечисленного?

Он находит свободное место на парковке в конце ряда и отстегивает ремень.

— Дама выбирает.

— «Убить Глори 3».

— Забудь, ты не умеешь выбирать.

— Ты разве не видел первые две части? Они великолепны. Об ангеле смерти по имени Глори, который вновь и вновь возвращается на Землю в попытке отомстить...

— Мне хватило и пяти минут первой части.

— Тогда... «Девушки из магазинчика с содовой»?

Он наклоняется, чтобы посмотреть через лобовое стекло на время начала. У нас полчаса до следующего сеанса.

— Мы можем посмотреть «Убить Глори 3», — нехотя произносит он, тянется и дергает меня за ворот. — Но сначала немного поцелуев.

— Поцелуев? — притворно возмущаюсь я. — Ты даже не купил мне попкорна.

— А можно я просто дам тебе десять долларов?

Мы смеемся, когда наши губы соприкасаются, а зубы стучат, пока не станем серьезней. Кросби не проявляет ни капельки того нетерпения, которое я испытываю, не спеша целуя меня, исследуя, изучая. Опять же это для меня сюрприз. Одной рукой он придерживает меня за шею, а вторая покоится на спинке сиденья. Если я когда-то и думала о поцелуях с Кросби Лукасом в машине, то мне представлялось, как он задирает мне рукой майку — или ей же стягивает с меня штаны — в течение первых тридцати секунд. Но похоже на сегодняшний вечер такого в плане не было, и я подавляю ту крошечную часть в себе, которая испытывает от этого разочарование, и убеждаю ее просто наслаждаться моментом. Вообще-то я никогда раньше этого не делала. У меня не было ни одного бойфренда в старшей школе, и не думаю, чтобы у кого-то из парней, которых я перецеловала в прошлом году, была машина. Во всяком случае, я никогда не удосуживалась узнать их достаточно хорошо, чтобы выяснить это.

Нас прерывает вопль проходящих мимо подростков «Снимите комнату!». Мы оба тяжело дышим, окна лишь слегка начали запотевать, явно намекая на то, чем мы занимаемся и при этом фактически не скрывая нас.

— Хэй, — улыбается Кросби.

Не могу сдержать ответной улыбки.

— Хэй.

Он склоняется и заправляет мне за ухо выбившийся локон.

— У тебя возникли неприятности на работе после нашего ухода?

У меня уходит мгновение, чтобы сообразить, о чем он.

— Ах, ты о Нэйте? — я качаю головой. — Неа. Он лишь лает, но не кусает. А повода лаять практически не было.

— Он казался очень расстроенным.

Я вспоминаю момент, когда Марсела дает свой номер Келлану.

— Ничего страшного. Он просто пытался выглядеть авторитетным, ведь там была его девушка.

— А-а, — на секунду он замолкает. — Что ты думаешь о том, что Келлан мутит с твоей подругой?

Я закатываю глаза.

— Они ничего не собираются мутить. Она просто... — Я задумываюсь, как много могу

рассказать прежде чем превратиться в плохую подругу. — Между Марселой и Нэйтом странные отношения, и она делала это лишь для того, чтобы показать ему, что она... двигается дальше.

Брови Кросби приподнимаются:

— Они мутят.

— Откуда ты знаешь?

— Как ты думаешь, откуда бы я знал?

— Они встретились только сегодня днем! Она ушла с работы двадцать минут назад.

— И Келлан оставил за собой квартиру.

— Ты же сказал, что ему нужно было приложить к ноге лед. И он обещал не приводить никого домой.

Он пожимает плечами:

— Так ты против этого.

— Я... — останавливаю себя, а Кросби тем временем слишком внимательно изучает руль. Запоздало до меня доходит, что он не просто сплетничал, но и проверял меня. Я мысленно возвращаюсь к нашему первому разговору, произошедшему как раз после того, как я осмотрела квартиру. Как он сказал мне не ожидать долгой и счастливой совместной жизни с Келланом МакВи, предполагая, что я, как все прочие девчонки на кампусе, отчаянно ищу его внимания. Тогда он был недалеко от истины, но сейчас он ошибается.

— Кросби, — говорю я серьезно и вновь повторяю его имя, когда он не смотрит на меня. Наконец он поворачивает голову. — Я ничего не испытываю к Келлану. Честно.

— Конечно.

— Он хороший сосед, — добавляю я. — Убирает за собой и до сих пор исполнял свое обещание пользоваться квартирой лишь для сна и учебы.

— Угу.

— Но он ест слишком много макарон с сыром.

Кросби фыркает от смеха.

— И думаю он ворует мой шампунь.

— Он обожает такие вещи.

— Еще бы ему не любить, он дорогуший. Суть в том, что мы... просто соседи.

— Ты показала очень раздраженной, когда он взял номер у твоей подруги.

— Потому что она делает это лишь для того, чтобы ранить Нэйта, а я в итоге окажусь между двух огней и придется работать в неловкой обстановке. В этом все дело.

— Ты уверена?

— Да. А теперь мы можем посмотреть «Убить Глори 3»?

— А я смогу понять смысл, если не видел первых двух частей?

— Скорее всего нет. Но полагаю, что в любом случае большую часть времени ты будешь прикрывать глаза, так что это не будет иметь значения.

Он открывает свою дверцу:

— Попкорн покупаешь себе сама.

* * *

Два с половиной часа спустя, мы сидим в соседнем ресторанчике над тарелкой с начос.

— В сотый раз повторяю, — говорит Кросби, — это был не визг. Я ударил палец ноги. Это был звук мужественно сдерживаемой боли.

Я пристально на него смотрю:

— Ты же знаешь, что можешь обо всем мне рассказать, верно? Обещаю, что не буду воспроизводить его перед Келланом.

— Ты — монстр.

Я приподнимаю хрустяшку, пока нитка вытянувшегося сыра, соединяющая ее с тарелкой, не обрывается посередине. Я на свидании с Кросби Лукасом. Встречаясь с ним сегодня вечером, я ожидала бешеного, неистового секса на заднем сиденье его машины, но получаю кино, ужин и все такое. Знаю, я клялась, что этот год проведу совершенно по-другому, но это не совсем то «другое», которое я представляла.

— Ты отказался от мыслей о вечере живого микрофона? — задаю я вопрос, уходя от темы его боязни ужастиков.

Он попивает апельсиновую газировку.

— А он разве уже не прошел?

— Будет через две недели.

— Хм.

— Тебе следует это сделать. Мне понравился тот фокус, что ты мне показал.

Он улыбается:

— Это была иллюзия.

— А ты знаешь еще какие-нибудь иллюзии?

— Конечно.

— Покажи хоть одну.

На секунду он в упор смотрит на меня.

— У тебя есть мелочь?

— Что, все эти иллюзии будут стоить мне денег?

— Так ты будешь уверена, что нет никакого обмана, Нора. Две монеты в пенни или в десять центов, подойдут любые, что у тебя есть.

Я роюсь в сумочке и достаю два монеты по 10 центов, после чего кладу на его протянутую ладонь. Он отодвигает тарелку с начос в сторону, чтобы освободить центр стола, затем вытягивает перед собой обе руки ладонями вверх, на каждой лежит по монетке.

— Две монеты, по одной в каждой руке, — говорит он. — Видишь?

— Вижу.

Он переворачивает ладони и хоть мне и не видно их, но я слышу бряцанье монет о стол.

— Выбери руку, — просит он.

Я колеблюсь, затем касаюсь правой.

— Хороший выбор. Знаешь почему?

— Ты мне скажи.

— Потому что там деньги. — Медленно и драматично он поднимает правую руку и под ней оказываются обе монетки. Я ахаю, когда он поднимает левую и под ней ничего нет.

— Как ты это сделал?

— Магия.

— Кросби, серьезно. Скажи.

— Никогда.

— Тогда сделай еще раз.

Он передвигает монетки через стол в мою сторону и берется за еще один начос.

— Не будь жадиной. Есть другие вещи, которые вместо этого я хочу с тобой сделать.

Мне очень хочется сказать, что никаких других вещей не произойдет, если он не

расскажет, как он сделал этот трюк, но на один день с меня достаточно лжи. Мне правда хочется узнать в чем состоит секрет, но больше этого, мне хочется Кросби.

По-прежнему.

— Ну хоть дай подсказку.

Он смеется и зачерпывает гуакамолу кусочком начос.

— Забудь об этом.

— А может... — слова замирают у меня в горле, когда я вижу, как в двери входит группа парней в куртках хоккейной команды Бернем, в сопровождении своей обычной толпы фанатов. Кросби сидит спиной к дверям, но оборачивается, чтобы проследить за моим шокированным взглядом. Медленно, с прищуренными глазами он вновь разворачивается ко мне лицом.

— Проблемы?

Я сглатываю и с облегчением наблюдаю как официантка провожает шумную толпу в противоположный конец ресторана. Лично я ни с кем из них не знакома, но их имена есть в более чем пяти туалетных кабинках и знаю, что по крайней мере двое из тех девчонок держат наготове черные маркеры. Если меня застанут за поеданием начос с Кросби Лукасом, пойдут слухи. И даже если они не озаботятся узнать мое имя, я буду очередным прочерком рядом с двузначным номером в списке другого парня, что вполне возможно еще хуже.

— Нет, — говорю я, в то время как мой план перестать лгать умирает быстрой смертью. Аппетит пропал, так что я отталкиваю начос в его сторону и приканчиваю свой напиток. — Ты готов идти?

Он выгибает бровь.

— Ты их знаешь?

— Нет.

— Тогда в чем проблема?

Проблема явно присутствует, так что я выдыхаю и изучаю свои ногти.

— Не хочу быть «Кросбабой», — я поднимаю взгляд сквозь ресницы и замечаю, как у него напрягается челюсть, пока он смотрит на меня.

— Ты же знаешь, что в их списке относительно меня нет обновлений, ведь так? Там даже нет твоего имени.

— Я не хочу, чтобы это произошло.

— Тогда...

Я многозначительно стреляю глазами через комнату, и он наконец-то понимает намек.

— Ты параноик, — говорит он. — Что ты хочешь, чтобы я сделал? Натянул тебе на голову мешок и вывел отсюда через кухню?

— Заткнись.

— Слушай... обещаю, что ты не засветишься в том списке, хорошо? Как ты сказала той ночью, в нем даже нет никаких новых имен. Люди больше не обращают внимания на то, что я делаю. Я скучный. Как и ты.

У меня горит лицо, и я чувствую себя глупо и неловко. Знаю, что нечестно обвинять Кросби в том, что он не изменяет себе, особенно когда единственное что он сделал сегодня — забрал меня с работы. Я просто не могу переварить мысль о сидящем напротив декане Рипли, ведущем со мной еще один суровый разговор о сексе.

— Кто это был? — спрашивает он.

Я выныриваю из своей задумчивости.

— Кто был кем?

— Кто это с тобой сделал? Кто заставил так волноваться?

— О чем ты говоришь?

— Когда мы переспали, это был не первый твой раз. Так кто это был? Неудачный опыт в прошлом году? Скажи мне, и я с этим разберусь.

Я выпучиваю глаза.

— Тебе не с чем разбираться! — огрызаюсь я и уж точно не собираюсь говорить ему о моем злосчастном переписке с Келланом. — Не было... Я не... — я вздыхаю. — Слушай, знаю, что ты считаешь меня скучной.

— Я не имел в виду...

— Нет, ты прав. Я пытаюсь ей быть. Я хочу быть скучной. Знаешь, какое у меня было прозвище в старшей школе? Нора-Бора. Знаешь, что я сделала? Окончила школу. После чего весь прошлый год много тусила, стараясь исправить свой образ незаметной неудачницы в старшей школе, из-за чего меня чуть не выгнали. Я потеряла половину своей стипендии и теперь вынуждена ходить на эти встречи с деканом и...

— И появление в моем списке плохо на тебе скажется.

— От этого будет казаться, что я не воспринимаю всерьез все их угрозы о моем отчислении. А это не так. — Это половина всей правды, но единственная часть, которой я желаю поделиться.

— Я понял.

— Дело не в тебе, Кросби.

— Я это знаю, Нора.

Мы смотрим друг на друга, охваченные болью и растерянностью.

— Вам долить? — возникшее напряжение пререзает визгливый голос официантки, и мы оба подскакиваем на месте.

— Нет, — говорит Кросби, не сводя с меня глаз. — Мне хватит. А тебе?

— Нет, — говорю ей. — Принесите счет.

— Конечно. Хотите, чтобы я завернула вам остатки? — она жестом указывает на наполовину нетронутую тарелку с начос. Пару секунд назад это было блюдо с божественной сырной вкусняшкой, а сейчас просто раскисшая масса. Я качаю головой.

В ожидании счета, мы сидим в удручающей тишине. Спустя пару напряженных минут Кросби тянется через стол, чтобы забрать забытые мной монеты.

— Смотри, — говорит он, кладя себе по монетке в каждую руку. Я более внимательно слежу за тем, как он переворачивает ладони вниз, монеты звенят, соприкасаясь со столом. — Заметила? — спрашивает он.

— Не думаю, — хмурюсь я.

— Вот так.

Он вновь повторяет помедленнее. На этот раз я замечаю, как он перекидывает одну монету в левую руку, так что в ней оказываются обе, в то время как в другой ничего. Все происходит так быстро, что если бы я моргнула, то пропустила бы этот момент. Или даже если бы смотрела очень и очень внимательно.

— Вот и вся хитрость, — говорит Кросби, вновь двигая ко мне обе монетки. — Ты видишь то, что я хочу, чтобы ты увидела. А порой ты видишь то, что хочешь видеть сама.

— Прости.

— Послушай, я не стремлюсь создавать тебе проблем с деканом. Я просто думал, что ты ботанка. Горяченькая, но все же ботанка.

— Спасибо.

— И если ты желаешь сохранить все в секрете из-за вашей с Келланом политики об «отсутствии веселья» в квартире из-за того, что не хочешь, чтобы декан дышал тебе в спину и чтобы твое имя не появилось в том чертовом списке, то все в порядке. Но я не буду этого делать, если ты стыдишься быть замеченной со мной.

— Я не стыжусь.

— Если твое имя появится на той стене, я лично отправлюсь туда с бутылкой растворителя и сотру его, ладно?

— Ладно, Кросби.

Его плечи расслабились, а щеки порозовели. Он старается. Любитель вечеринок, за которым табуном бегают женщины, и кажется, будто все дается ему легко, пашет сильнее любого из моих знакомых. И любого из тех, кем я пытаюсь казаться.

Официантка приносит счет, Кросби достает деньги и кладет их на стол, придавив сверху солонкой.

— Я могу заплатить, — предлагаю я, но он качает головой и встает.

— Давай просто свалим отсюда.

Мы надеваем куртки и направляемся к входной двери. Кросби придерживает ее для меня, и я слышу, как его окликают пара голосов. Он приветствует их в ответ, но не останавливается, а я спешу выскользнуть в холодную ночь, мое дыхание на морозном воздухе тут же окутывается облачками пара. Мы пришли сюда прямо из кинотеатра, так что тихонько бредем обратно к его машине на почти пустую парковку.

Замки на дверцах машины не автоматические, так что я ожидаю пока он открывает мою и дожидается, чтобы я села на свое сиденье, прежде чем закрыть за мной дверцу. Его манеры, его неожиданная честность — это обескураживает меня, и мои руки немного трясутся, когда я тянусь через водительское сиденье, чтобы поднять пластиковый фиксатор на его стороне. Он плюхается на сиденье, вставляет ключ в разъем и включает обогрев в салоне на максимум. Из вентиляционных отверстий вырывается прохладный воздух, и я протискиваю руки между колен, чтобы согреться. Кросби трет свои ладони, а после того как с лобового стекла исчезает тонкий слой тумана, кладет руки на руль.

— Готова ехать? — спрашивает он.

— Да.

— Тебе еще что-нибудь нужно в Гэтсби?

— Нет.

Мы доезжаем до автострады в тишине, больше похожей на неловкую в стиле не-знаю-что-сказать, чем на гневную. Наконец-то Кросби тянется и делает радио погромче. Салон заполняет старая попсовая песня, и я вспоминаю как прошлой зимой была ужасная снежная буря, а мы с Марселой и Нэйтом оказались в ловушке в кофейне на всю ночь. Марсела включила эту песню на своем телефоне и показывала нам танец, который она демонстрировала на шоу талантов в третьем классе, где заняла второе место. Помню, как Нэйт протянул ей печенье в форме звезды и сказал, что если бы он судил, то она бы заняла первое место. Он делал столько милых вещей для нее, а она совершенно их не замечала.

— Мне жаль, что ранила твои чувства, — умудряюсь я ляпнуть, когда Кросби сворачивает на мою улицу.

Он молча паркуется под деревом в трех дверях ниже по улице. Свет уличных фонарей не попадает на нас, и мы оказываемся в коконе темноты. Он поигрывает пальцами на руле.

— Все в порядке. Этого не произошло.

— Думаю, что все же ранила.

Он переводит на меня взгляд.

— Нет.

— Спасибо за кино и за начос.

— Пожалуйста.

— И за иллюзию.

Он нарочито смеется.

— В любом время.

Я отстегиваю ремень безопасности. Мне следует убраться из машины и позволить этому странному нечто между нами испариться, но я этого не делаю. Напротив, я залезаю с ногами на сиденье и встав на колени тянусь через рычаг передач, чтобы поцеловать Кросби. Беру в ладошки его лицо и соединяю наши губы, ожидая, что меня остановят, как поступил он в свое время, ожидая подобного с моей стороны в тот первый раз, но он этого не делает. Я поглаживаю его уши, волосы и напряженные мышцы шеи — все то, о чем я думала. Его волосы представляют собой подстриженную копну непокорных прядей, но они на удивление мягкие, и проводя ноготками по тыльной стороне ушей, я чувствую его вздох. Легонько впиваюсь зубами в его нижнюю губу, отчего он издает гортанный стон и приоткрывает губы. Я проскальзываю языком в его рот и он, наконец, кладет руку мне на затылок, лишь крепкий нажим его пальцев указывает на то, что ему нужно это так же сильно, как мне.

Но я хочу гораздо большего, чем это и, если судить по нарастающей, бешеной интенсивности наших поцелуев — он тоже. Мое сердце пускается вскачь, когда я расстегиваю свою куртку и стягиваю ее с плеч. Кросби приоткрывает глаза, в темноте белки едва заметны.

— Ты хочешь... — он не заканчивает предложение, как я уже вновь целую его, снимая с него куртку и расстегивая его рубашку. Ноготками слегка царапаю ему грудь, а он отстегивает свой ремень безопасности и старается максимально развернуться ко мне в тесноте салона. Я хочу оседлать его, трахнуть, объездить, но на водительском сиденье недостаточно места для нас двоих.

— Нора, — вздыхает он.

— Хочу, — выдыхаю ему в губы.

— Ты... — он быстро озирается по сторонам, оценивая ситуацию. — Ладно. Держись. — Приподнимает мои бедра, чтобы получить возможность самому перебраться через рычаг передач и устроиться на моем сиденье. Он откидывает спинку кресла, и я накрываю его собой, повсюду руки, губы и жар.

— Тебе нужно их снять, — бормочет он, погружая пальцы за пояс моих джинсов. Я мямлю что-то невнятное, стараясь скинуть кроссовки, не заехав при этом в промежность Кросби, после чего мы общими усилиями стягиваем с меня джинсы и трусики, пока одна моя нога не освобождается, давая возможность оседлать его должным образом.

Его глаза открыты и устремлены на меня, когда он в свою очередь расстегивает на себе джинсы и высвобождает свою эрекцию. В салоне слишком темно, чтобы я могла оценить ее в полной мере, но замечаю, что он двигает рукой и понимаю — гладит себя. В прошлый раз он сделал также, и мне даже не довелось к нему прикоснуться.

— Позволь мне самой, — шепчу ему в губы. Моя рука заменяет его, и мы оба стонем. Он толстый, горячий и твердый — именно такой, как я хочу и в чем нуждаюсь. Еще до того, как он проскальзывает рукой мне между ног из меня вырывается стон, а от того как его пальцы растягивают, дразнят, готовят меня, я горю желанием вобрать их в себя и взорваться. Хотя на улице мороз, чувствую, как у меня увлажнилась спина, вижу проступившие бисеринки пота и у Кросби на висках, отражающиеся в едва пробивающемся в салон лунном свете.

— Дай достану презерватив, — мычит он и тянется к бардачку. В рекордное время он находит его и натягивает, мгновение спустя я уже медленно впускаю его в себя. Дыхание перехватывает от ощущения совершенства и удовлетворения. Огромное облегчение после напряженного ужина. Мышцы слабеют, а бедра подрагивают, когда я стараюсь сдержаться, чтобы не вобрать его слишком быстро, вздрагиваю, когда он наконец оказывается полностью во мне и мне удается отдышаться.

— Нора, — шепчет он, касаясь ладонью моего лица и целуя. Мы тесно прижимаемся, и даже через майку я чувствую жар его кожи, быстрое биение сердца. Он целует меня глубоко, насыщено, словно с каким-то значением, и хотя я хотела его трахнуть, похоже, у моего тела есть другие соображения. Вместо этого я плавно скольжу на нем вверх-вниз, двигаясь медленно с трением и пьянящим возбуждением, достигая вершин, о существовании которых даже не знала.

Кросби гладит меня по щеке, ребрам, спине, попе. Он нежно направляет меня, темп нарастает и вскоре салон заполняет звук соприкосновения кожи о кожу, заглушаемый лишь нашим сбившимся дыханием.

Я кончаю первой, бедра непроизвольно сжимаются на нем, вытягивая каждую унцию удовольствия. Его пальцы впиваются мне в попу, вижу, как он скрипит зубами, стараясь не двигаться. Я выгибаюсь, и он верно интерпретирует мое движение, что я достигла кульминации, после чего он слегка приподнимает меня и толкается бедрами вверх, вбиваясь в меня еще с дюжину раз прежде чем выкрикнуть, звук тонет у меня в горле.

Спустя некоторое время я моргаю, вздыхаю, шевелюсь. Я распластана на Кросби Лукасе, на переднем сиденье его машины посреди улицы, выставив свой голый зад на обозрение возможным прохожим. Но мне плевать.

— Черт, Нора, — стонет он.

— Не уверена, что в состоянии двигать ногами.

— Это было лучше, чем в прошлый раз, а я-то думал, что прошлый раз был самым лучшим, что когда-либо со мной происходило.

Я улыбаюсь утомленная, взволнованная, польщенная.

— Аналогично.

Он встречается со мной глазами.

— Ах, даже так?

— Ах, даже так.

Он ухмыляется. Я слезаю с него и следующие пару минут мы стараемся одеться и разместиться на продавленном переднем сиденье. В итоге я оказываюсь на своем месте в штанах и обуви, в наполовину застегнутой куртке и с волосами, собранными в хвостик, который я надеюсь не говорит, что я-только-что-занималась-сексом.

У Кросби, в свою очередь, неправильно застегнуты пуговицы на рубашке, а волосы в еще большем беспорядке и, кажется, у него на шее засос. С окончанием жаркого периода ночи холодный воздух вновь пробирается под одежду, и я дрожу. Кросби тянется и

застегивает змейку моей куртки мне до подбородка.

— Спокойной ночи, Нора.

— Спокойной ночи, Кросби.

Он склоняется для поцелуя, но замирает, трогая свою шею.

— Ты оставила мне засос?

— Мне очень жаль.

Он смеется и прижимается губами к моим.

— Классика.

Я жестом обвожу наше окружение.

— Кто бы говорил?

— Скоро увидимся.

Я выбираюсь из машины и спешно иду по тротуару к дому. Поднимаюсь по ступенькам и открываю дверь в квартиру, поворачиваюсь, чтобы помахать Кросби, когда он отъезжает от обочины, удостоверившись, что я зашла. Разуваюсь и направляюсь в гостиную, где, подняв ногу на кофейный столик, сидит на диване Келлан, на лодыжке лежит мешочек со льдом. В комнате он один.

— Хэй.

— Хэй, — он не отводит взгляда от игры. Думаю, он пытается взорвать канализацию.

Я уже почти достигаю своей комнаты, когда раздается громкий взрыв, затем тишина и меня окликают. Я медленно разворачиваюсь, Келлан откладывает в сторону контроллер со стоящей на паузе игрой:

— Могу я задать тебе вопрос?

— Конечно. Что такое? — Стараюсь не выглядеть при этом виноватой.

— Не пойми меня неправильно, но твоя подруга Марсела... есть ли вероятность того, что она чокнутая?

— Да, — мрачно киваю я.

Он поджимает губы.

— Понятно. — А затем через паузу: — Она хороша в постели?

— Келлан, откуда мне это знать.

— Стоило попытаться.

— А почему ты спрашиваешь? — говорю я. — О безумии?

Он почесывает подбородок.

— Мы немного попереписывались, и я думал, что все на мази, а потом она спросила есть ли у меня рецепт индейки.

Я закашлялась от смеха.

— Так есть?

— Конечно есть. Я младший из четырех братьев. Как ты думаешь, кому приходилось торчать, помогая на кухне?

Я прикрываю рот.

— Ты же не сказал ей этого.

— Почему нет? Это же правда.

— Но ты решил, что она чокнутая!

— Она горяча, Нора. За это многое прощается.

Я качаю головой.

— Это ошибка, Келлан. И если в итоге ты окажешься с разбитым сердцем, я не хочу об

этом слышать.

Он рисует у себя на груди крест.

— Обещаю, что не скажу ни слова. Кстати, говоря о разбитых сердцах, где ты была сегодня вечером?

— В библиотеке.

Келлана не одурачить.

— Твоя сумка в комнате вместе с учебниками.

— Ну, я просто... читала.

— Ну да, чей-то член.

— Келлан! — я хватаю с барной стойки подвернувшуюся под руку упаковку кетчупа и швыряю ему в голову. Та врезается в стену и падает за диван, в то время как он угорает от смеха.

Глава четырнадцатая

Когда пару недель спустя в «Бинс» наступает вечер живого микрофона, Келлан все еще сосредоточен на угадывании моего «партнера по чтению».

— Это он, не так ли? — он так сильно толкает меня, что я теряю равновесие и еле удерживаюсь, чтобы не навалиться со стула. Он указывает на мужчину средних лет в синем костюме с вышитым на груди якорем. Почти уверена, что он отец одного из исполнителей. К тому же капитан корабля.

— Нет! — рывкаю я, отпихивая его. — Его тут нет.

— Он точно тут, — он скрещивает руки на груди и драматично исследует помещение. — И я собираюсь его найти.

— Как хочешь, — закатываю глаза. Он уже успел до сего дня рассмотреть в этом качестве всех моих профессоров, нашего восьмидесятилетнего соседа Теда и трех поваров в китайском ресторанчике на территории кампуса, но ни разу не предположил Кросби.

Кстати об этом.

— Ты видел Кросби? — спрашиваю я, нахмурившись и разглядывая окружающую толпу. — Хоть он и не намерен участвовать, все же...

Келлан достает из кармана телефон и искоса смотрит на экран: никаких пропущенных звонков или сообщений.

— У тебя что, больше нет друзей? — вежливо интересуюсь я.

Он строит мне рожицу.

— Заткнись. Ты знаешь, с кем я «дружу» в данный момент.

Теперь рожицу корчу я:

— Пощади меня.

Между Келланом и Марселой творятся какие-то болезненно незрелые отношения в стиле шестого класса. Они переписываются, до поздней ночи болтают по телефону и ходят на групповые свидания, но дальше этого ничего похоже не заходит. Я знаю, почему Марсела избегает занятий сексом — она влюблена в Нэйта, и все эти шашни с Келланом лишь для того, чтобы заставить его ревновать. Пока что она избавлена от необходимости на каждом шагу вытаскивать его руки из своих трусиков, но в то же время недоумевает, почему ей не приходится этого делать.

— А вот идет мой теперешний «друг», — бормочет Келлан, убирая свой телефон и

расплываясь в широкой улыбке над моей головой. Он так красив, когда улыбается. Черт, он всегда красив. А сейчас в приглушенном освещении, одетый в белую рубашку на пуговицах и облегающие темные брюки, он выглядит как самый красивый официант в мире. Но когда он обнимает за плечи Марселу и целует ее в щеку, я ничего не испытываю. Ни капли зависти. Потому что это тайное, неожиданное и невероятно горячее нечто происходящее между Кросби и мной не оставляет места для ревности. Ведь оно настолько замечательное.

Однако недостаточно замечательное, чтобы затмить смертельные взгляды, которые Нэйт бросает из-за прилавка. Я оборачиваюсь через плечо и предупредительно округляю глаза. В конце концов, тут Селестия с брошенной на колени шубкой и претенциозным напитком в руке сидит в первом ряду на месте, которое зарезервировал для нее Нэйт, готовая к просмотру шоу. А рядом команда легкоатлетов всей оравой заняла оставшиеся места, и сколько бы он не пенял себя, но едва ли мог что-то сделать, разве что перетащить ее стул на задний ряд и притвориться, будто оттуда открывается лучший вид.

Как бы я не любила с головой погружаться в их мелкие драмы, сегодня я работаю, как и Марсела, хотя это сложно сказать, судя по тому как она зарывается пальцами в волосы Келлана и с обожанием поднимает на него взгляд, великолепно умудряясь давать любому смотрящему на них повод считать, что они перепихиваются направо, налево и посередине, хотя на самом деле они лишь дважды поцеловались, при этом ни разу «с языком». Это со слов Марселы, которые детально подтвердил Кросби после разговора с Келланом, и мы оба согласились, что не хотим знать других подробностей.

В кармане вибрирует мой телефон, и я знаю, что это Кросби.

— Пойду схожу за закусками, — говорю я абсолютно в никуда, так как они полностью поглощены друг другом. В помещении тихий гул голосов звучит гораздо громче, и несмотря на то, что тут максимальное число посетителей допустимое по пожарной безопасности, сто тридцать человек умудряются шуметь словно их тысяча.

Я выуживаю телефон из переднего кармана и плечом толкаю вращающуюся дверь на кухню. У нас столько народу, что Нэйт попросил нашу посудомойку, работающую на полставки, прийти сегодня ночью, а два других сотрудника торопливо наполняют подносы свежее испеченными пончиками и брауни. Воздух на кухне теплый и благоухает кофе и сахаром, но тут мне не удастся найти уединения или тишины, поэтому я направляюсь в темный узкий коридор, ведущий к пожарному выходу.

Здесь прохладнее и тише, я слегка дрожу, облакачиваясь на стену и открывая сообщение Кросби. В нем сказано: *Выходи на задворки*. Если предположить, что он здесь, то «задворки» означают тупик за зданием, который сейчас припорошен тонким слоем снега.

Я прохожу в конец коридора и толкаю дверь на улицу, порыв холодного ноябрьского воздуха пробирает до дрожи. С неба падают крупные хлопья снега, поблескивая в желтых бликах аварийных ламп, освещающих наши заполненные баки и мусорные контейнеры.

— Кросби? — шепчу я.

— Ты чего так долго?

Я подскакиваю. Он стоит за дверью, поэтому чтобы увидеть его мне приходится шагнуть наружу и прикрыть дверь.

— Ты что тут делаешь? — обхватываю себя руками. Под моим фартуком в горошек на мне надеты темные узкие джинсы и майка с длинным рукавом, все недостаточно теплое для такой погоды.

Он трет лицо ладонями, и я хмурюсь: он выглядит бледным и больным.

— Кросби? — кладу руку на его предплечье. — Ты в порядке?

На нем черная рубашка и брюки, никакой волшебной шляпы или плаща, несмотря на мои мольбы. Он немного дрожит, и мне кажется это не от холода. Прижимаю тыльную сторону ладони к его лбу — кожа горячая и влажная.

— У тебя простуда?

Он горестно качает головой.

— Боязнь сцены.

Да уж. Это очень неожиданно для парня, постоянно находящегося в центре внимания, будь то вечеринки, команда по легкой атлетике или просто прогулка по кампусу. Но вместо того, чтобы выдать бесполезное «Чтооооо?» я произношу:

— Все нервничают. Это нормально.

— Я не мог сосредоточиться весь день. Перед глазами постоянно всплывают картины... провала.

— Ты не провалишься. — Он показал мне парочку фокусов, которые планировал продемонстрировать сегодня вечером, и они были великолепны. — Ты хорош в этом, Кросби. И всем понравится.

— Всем? — похоже он был в ужасе. — И сколько это «всем»?

Я заколебалась.

— Э-э... порядочно.

— Больше двадцати?

— А как давно ты тут? — Кофейня заполнилась под завязку за час, так как все пришли пораньше, чтобы занять места и закусить закусками.

Он запрокидывает голову и грустно стонет:

— Уже некоторое время.

Нас прерывает приглушенный сигнал мобильного, и мы оба достаем телефоны. Кросби пришло новое сообщение.

— О, господи, — бормочет он.

— Что такое?

Он показывает мне экран. На нем фотография кучи рук, держащих друг друга за запястья, образуя сплошной круг.

— Келлан, — объясняет он. — Он весь день слал мне подбадривающие сообщения. — Он смотрит на экран. — В этом говорится: «Мы с тобой, брат».

Я стараюсь не рассмеяться, но терплю полное поражение.

— Это мило, — протестую я, когда он сердито смотрит на меня.

— Это ужасно. Сколько их там?

Я не притворяюсь, будто не поняла, что он имеет в виду своих товарищей по команде легкой атлетики.

— Не уверена, — отвечаю уклончиво. — Парочка. На переднем ряду.

— О, Боже мой.

— Думаю, они хотят увидеть твой успех. Это мило.

— Я не могу этого сделать.

— Можешь.

— Почему я позволил тебе уговорить меня на это?

— По той же причине, почему показал мне те фок... иллюзии. Потому что в глубине души ты хочешь это сделать, тебе просто нужен был повод.

— И этим поводом являешься ты?

— А разве этого недостаточно? — выгибаю бровь.

Он открывает рот и, ничего не ответив, закрывает.

— Конечно достаточно, — наконец произносит он.

На этот раз уже на *мой* мобильный приходит сообщение от Келлана: *Не могу найти Кросби.*

Я показываю его Кросби.

— Что мне ему ответить? — мой замерзший палец замирает над кнопкой «ответить» и я дрожу.

— Черт, — восклицает Кросби, дергает дверь на себя и, схватив за плечо, толкает меня внутрь. — Почему ты не сказала, что замерзла?

— Разве это и так не было очевидно? На улице идет снег!

Дверь с шумом захлопывается, и нас окутывает более теплый воздух и полумрак.

— Послушай, — произношу я, — если ты не хочешь этого делать, то и не нужно. Люди постоянно отлынивают. Просто иди домой и скажи, что заснул. Или что ошибся с датой. Или что у тебя простуда. Я тебя прикрою.

Он долгое время смотрит на меня.

— Спасибо, Нора.

— Ты правда собираешься слинять?

— Нет, я собираюсь сделать это. И если все пойдет крахом, то обвиню в этом тебя.

— Звучит абсолютно зрело и разумно.

— А ты где будешь?

— Когда? Во время твоего выступления?

— Да.

— В зале. Обслуживая столики, наблюдая, ну или занимаясь чем-нибудь еще. Я работаю, не забыл?

— Верно, — кивает он.

— Хочешь, чтобы я смотрела? Я могу не смотреть, если пожелаешь. Спрячусь за прилавком и прикрою уши.

— Нет, — отвечает он. — Будь там.

— Обещаю, — наклоняюсь, чтобы поцеловать его в щеку.

— Хэй, — Он ловит меня за подбородок и прижимает спиной к стене. — Не дразнись.

— Я собиралась приободрить.

— Тогда приободри *сильнее*, — предлагает он, прежде чем целует меня. По-настоящему целует. Так настойчиво и основательно, что я задаюсь вопросом, не была ли вся эта «боязнь сцены» подстроена с единственной целью выманить меня сюда, чтобы залезть рукой мне под майку и бесстыдно лапать во имя утешения.

— Хэй! — наконец отстраняюсь я, перехватывая его расшалившуюся руку. — Я на работе. А тебе скоро подниматься на сцену.

Он слегка толкает меня своими бедрами.

— Я уже вроде как поднялся.

— Удачи на выступлении. Не то чтобы она тебе особо требовалась.

Он ухмыляется и тянется мне за ухо, вытягивая четвертак.

— Конечно, она мне не требуется.

* * *

Как оказалось, удача ему не нужна. Он выполняет несколько фокусов — иллюзий — которые я уже видела, плюс парочку совершенно для меня новых. После сорока пяти минут критичной поэзии, акустических каверов песен и двух танцев в стиле Солт-эн-Пэпа¹⁴, он становится приятным разнообразием.

Я околачиваюсь возле Келлана в конце второго ряда и смеюсь за его плечом, когда вижу, что он записывает на свой телефон все представление. Кросби периодически поглядывает на меня, но стоит ему погрузиться в выступление, становится заметно, как его нервозность спадает, а уверенность наоборот растет. Зрители полностью поглощены действием, смеются там, где им полагается, охают и ахают в соответствующие моменты. В конце выступления ему аплодируют стоя, отчего он краснеет как помидор, пока собирает свои вещи, неловко кланяется и спешит уйти со сцены.

— Это было великолепно! — восклицает Келлан. Марсела сидит слева от него, и он толкает ее локтем: — Разве это было не здорово?

Марсела смотрит на Нэйта и Селестию, сидящих на первом ряду.

— Очень здорово, — отстраненно вторит она. Однако, как только Нэйт идет на сцену, чтобы объявить следующего исполнителя, она вдруг разворачивается к Келлану и вся сияет, зная, что теперь у них есть зритель. — Ты должно быть гордишься.

Я стараюсь не сострить и маневрирую сквозь толпу. Я заметила, как Кросби исчез в небольшом коридоре, ведущем в туалеты, поэтому протискиваюсь в том же направлении, в то время как на сцене появляется блондинка в халате с кисточками, чтобы изобразить пародию на Джуэл.

Когда мне удастся добраться до коридора, он пуст, а обе двери закрыты. Я осторожно стучу в дверь мужской уборной, полагая, что если там кто-то другой, а не Кросби, то могу просто сказать, что мне нужно заполнить емкость с мылом. Секунду спустя дверь открывается и в зазор высовывается его голова с нахмуренными бровями.

— Это ты стучала? — спрашивает он в замешательстве.

— Я не была уверена, один ли ты там.

— Конечно один. — Он открывает дверь шире и жестом приглашает внутрь. Конечно же я бывала тут и раньше, но это не самое мое любимое место пребывания. Это типичная уборная в кофейне с двумя кабинками, двумя писсуарами и двумя раковинами. Тут чисто, тесно и пахнет хлоркой.

— Тебе лучше? — спрашиваю я. Теперь, зайдя сюда, подмечаю, что его лицо и волосы влажные, будто он только что сплеснул их водой. Я наблюдаю, как он берет из диспенсера пару бумажных полотенец и тщательно вытирается.

— Да, — отвечает он спустя мгновение. — Я рад, что все закончилось.

— Ты рад, что сделал это? Потому что лично я рада. Ты был великолепен.

Он встречает в зеркале мой взгляд и улыбается. Он такой сексуальный, когда улыбается с этой своей белоснежной улыбкой и крошечными морщинками вокруг глаз. Похож на озорного мальчишку, который знает, что никогда не перестанет быть плохим.

— Я рад, — говорит он, бросая бумажное полотенце в урну и разворачиваясь ко мне. — И я чертовски возбужден.

— Возбужден? — эхом вторю я, ясно читая его намерения. И довольно охотно.

— Возбужден, — повторяет он, прижимая меня спиной к двери и закрывая задвижку. Его губы находятся лишь в миллиметре от моих, когда кто-то дергает дверную ручку, понимает, что она заперта и начинает громко барабанить.

— Эй? Крос?

Это Келлан.

— О, Боже мой, — бормочет Кросби мне в волосы. — *За чтооо?*

Стук в дверь продолжается.

— Кросби? Ты там? Ты в порядке? Где управляющий? Мне нужен ключ.

Кросби отступает, делает глубокий вдох и смотрит на меня с умиленным раздражением.

— Спрячься в кабинке, — говорит он со вздохом. — Я его выпровожу.

Я не могу сдержать смех и прикрываю рот, чтобы не услышал Келлан, который скорее всего припал сейчас к двери в бессмысленном проявлении дружбы.

— Он твой фанат номер один.

— Он мой обломщик секса номер один. — Кросби закатывает глаза и подталкивает меня к кабинке.

Я проскальзываю в нее и закрываю задвижку. Секунду спустя до меня доносится звук открываемой Кросби наружной двери и в уборную врывается шум вместе с его лучшим другом.

— Чувак! — восклицает Келлан. — Ты в порядке? Я стучал.

— Прости, — отвечает Кросби. — Я не слышал. Ну как тебе шоу? Все решили, что это было тупо?

— Нет. Это было восхитительно. Как ты согнул тот четвертак?

— Я же тебе сказал. Силой мысли. Пошли отсюда.

— А чего дверь была заперта? Мужик, в той кабинке кто-то есть.

— Правда? Я и не заметил.

— Ты, наверно, напугал его!

Кросби выпихнул его прочь, и угроза разоблачения миновала. Я досчитываю до двадцати и спешу покинуть мужской туалет, радуясь, что повезло ни с кем не столкнуться. Шоу продолжается еще с полчаса, и хоть Кросби сидит во втором ряду с командой по легкой атлетике, мы так загружены подачей последних заказов еды и напитков, что другого шанса поговорить больше не представляется.

Вечер живого микрофона завершается где-то в десять тридцать, и после ухода посетителей у нас уходит еще минут сорок пять, чтобы прибраться в кофейне. Мы собираем сотню складных стульев, оттираем от пола тысячу отпечатков обуви, расставляем по местам столики и развешиваем художественные композиции. Селестия сидит в углу и читает книгу, а от Марсели едва ли чувствуется помощь, так как она все делает одной рукой, а второй постоянно переписывается.

— Мы идем развлекаться, — в какой-то момент объявляет она.

Все взоры устремляются на нее.

— Вы все приглашены, — говорит она через секунду, но указывает на меня. — Но ты точно идешь.

— Куда иду?

— «У Марвина», — произносит она название популярного паба по соседству. — Там сейчас Келлан и остальные ребята из их команды отмечают знаменательную ночь Кросби. Он хочет, чтобы мы к ним присоединились.

Она явно ожидает моего отказа, но несмотря на то что я устала, все же очень хочу увидеть Кросби. Мне просто следует помнить, что нельзя скидывать одежду, позволять себе

больше двух напитков и нужно держаться подальше от любых фотокамер на телефонах, чтобы декан Рипли не объявился, размахивая видеозаписью сегодняшних празднеств, чтобы предъявить их моему папе.

— Конечно, — отвечаю я, пожимая плечами более небрежно, чем на самом деле чувствую. — Я могу сходить ненадолго. — Как только я соглашаюсь, на мой телефон приходит сообщение от Келлана с аналогичными инструкциями.

«Скоро буду», — пишу в ответ.

На это он присылает улыбающийся смайлик, а пятнадцать минут спустя сияет уже сам, пихая мне в руку бутылку с пивом.

— Мы будем развлекаться, Нора! — произносит он нараспев. — И это будет так весело!

Я оглядываюсь по сторонам на море сине-оранжевых курток легкоатлетов Бернема. Толпа настолько плотная, что мне с трудом удастся их отличать, а уж чтобы отыскать Кросби и говорить не стоит.

— Он тут? — шепчет Келлан так низко склоняясь ко мне, что почти касается губами моего уха. — Кто это? Ты можешь мне сказать. — Он смотрит на бармена, парня далеко за двадцать с пятью пирсингами на лице. — *Тот* парень? Интересненько.

— Нет, — отвечаю я. — Как всегда ошибка.

— Я скоро выясню.

— Могу поспорить.

Его внимание привлекает что-то за моим плечом, и мне нет необходимости оглядываться, чтобы понять, что это Марсела. Она сняла свитер, который носила в кофейне и сейчас на ней черный топик с кружевной отделкой, а мелированные волосы собраны в небрежный пучок на макушке. Добавьте к этому свежий слой красной помады, и перед вами предстает фантазия каждого парня о шаловливой библиотекарше.

А точнее, фантазия Нэйта, несмотря на то, что его девушка тоже блондинка и в руке на самом деле держит книгу. Он выглядит взволнованным, глядя как Келлан и Марсела обнимаются и целомудренно целуются в губы, хотя сказать по правде, этот жест больше напоминает дальних кузенов, встречающихся на похоронах. У двух людей, которые, как мне известно, обладают поистине насыщенными послужными списками сексуальных походов, либидо, похоже, не очень-то совместимы.

— Хэй, — доносится из-за моего плеча голос с придыханием.

Я разворачиваюсь, чтобы обнаружить Кросби, держащего две бутылки пива, которое было у нас на Хэллоуин. Рубашка на нем расстегнута, а под ней видна обтягивающая майка, от его вида я до одури хочу провести руками под ней, чтобы почувствовать контраст между теплой кожей и крепкими мускулами, доступными мне для исследований. Но я не могу.

— Хэй, — улыбаюсь я в ответ, даже несмотря на то, что его гаснет при виде пива у меня в руке. — Келлан, — объясняю я, — Он только что дал ее мне.

— Кросби! — приближаются к нам двое парней из их команды, обнимая друг друга за плечи. — Мы поняли, как ты разорвал карту пополам, а затем восстановил ее. — Они выдерживают драматическую паузу. — У тебя где-то была *другая* карта.

Кросби качает головой:

— Хороший фокусник никогда не раскрывает своих секретов.

Парни кивают в унисон, хотя по ним явно видно, что они разочарованы.

— Верно, мужик. У тебя свой кодекс и это круто.

Парни уходят, но прежде чем нам с Кросби удастся поговорить, Марсела и Келлан

устраиваются за столиком.

— Давайте потанцуем! — восклицает Марсела, подпрыгивая на месте, чтобы разглядеть мерцающий танцпол, занимающий половину паба.

— Пошли! — Келлан хватается Кросби за запястье. — Помнишь Мисс Мэриленд с Хэллоуина? Она здесь и все еще хочет с тобой познакомиться. Не профукай на этот раз!

Кросби бросает на меня беспомощный взгляд, прежде чем Келлан вырывает у него обе бутылки пива и сует их мне в свободную руку.

— На сохранение! — кричит он, после чего вся троица растворяется в толпе.

Я смотрю, как они удаляются, укоряя себя за охватившее разочарование. Это именно я, кто хочет сохранить наши с Кросби отношения в секрете. Именно я делаю так, что мы не можем взяться за руки и вывести друг друга на танцпол. И именно я стою сейчас тут в одиночестве, чувствуя себя идиоткой.

— Слышал, чтобы держали по два напитка, — произносит голос у меня за плечом, — но три? Полагаю, ты на задании.

Я поднимаю взгляд и обнаруживаю ухмыляющегося мне Макса — Ходячего Мудака. Он уже раздобыл себе выпивку, а я приподнимаю свои три.

— Думаешь, сможешь не отстать?

— От тебя? — смеется он. — Не уверен.

— Ты был в кофейне? Я тебя не видела.

— Был, — отвечает он. — Было здорово. Я не знал, что ты там работаешь.

— Да. Несколько вечеров в неделю. Я...

Песня сменяется на какую-то быструю и популярную и все, ликуя, заполняют танцпол.

— Давай, — говорит Макс, чокаясь своей бутылкой с одной из моих, — выпьем и пойдем танцевать.

Что мне делать? Продолжать отесываться по периметру и сторожить напитки?

— Почему бы и нет, — говорю я. Выпиваю полбутылки, а затем перекладываю все три пива на соседний столик и позволяю Максиму отвести себя на танцпол. Уже очень давно я не отрывалась, а это весело. Совсем несложно постепенно перемещаться в сторону команды легкоатлетов, ведь половина из них до сих пор в своих куртках, и вскоре мы оказываемся частью большого круга извивающихся тел, движущихся в едином темпе ритма.

Мне было не во что переодеться после работы, поэтому я по-прежнему в узких джинсах и топе с длинным рукавом. Чувствую, как по позвоночнику стекает пот и собирается на поясице, но я не останавливаюсь даже когда одна песня сменяется второй, а затем переходит и в пятую. Потому что даже несмотря на то, что рядом со мной Макс, чья рука порой пасется на моем бедре или плече, мой взгляд устремлен на Кросби, а его в свою очередь на меня. На противоположной стороне круга Мисс Мэриленд максимально изгаляется, чтобы привлечь его внимание. Он тоже танцует и это самое близкое расстояние, на которое мы можем подобраться друг к другу благодаря всем моим заморочкам на скрытность, причину которых я в данный момент с трудом могу припомнить. Ведь он выглядит так горячо, на расстоянии в шесть футов его глаза прожигают меня насквозь, останавливаясь на тех частях моего тела, которые отчаянно желают ощутить гораздо больше, чем просто его взгляд.

Но это самое близкое расстояние, на которое мы приблизились за весь остаток вечера, просто два случайных знакомых в группе, которая постепенно редет, пока к часу ночи не наступает время уходить. Вскоре мы вчетвером — Келлан, Кросби, Марсела и я —

оказываемся на улице, дрожа от холода, а Келлан подтверждает, что все готовы ехать.

Кросби с отчаянием смотрит на меня, но с этим мало что можно поделать. Келлан и я живем вместе — будет странно, если я начну настаивать, чтобы меня подвез кто-то другой. Мы все обнимаемся на прощание и Кросби сжимает мои бедра сильнее, чем требуется, вкладывая в это обещание или предупреждение, либо что-то еще. Я бросаю на него извиняющийся взгляд и получаю в ответ один из тех его взглядов, который ясно говорит: «Так быть не должно».

Но если я приглашу его, то нарушу данное Келлану обещание, а если пойду в дом братства, то стану «Кросбабой». Определенно можно сказать, какой вариант является меньшим из двух зол, но я не готова его избрать.

— Пока, ребята, — машем рукой мы с Келланом и направляемся по скользкому тротуару к его машине, припаркованной в квартале отсюда.

— Хочешь, я поведу? — предлагаю, когда мы сворачиваем за угол. — Я выпила только один напиток.

— Неа, — отвечает он. — Все в порядке. Я ничего не пил.

Я поднимаю на него изумленный взгляд, запоздало осознавая, что за весь вечер не видела, чтобы он пил что-то помимо воды.

— Почему?

Он пожимает плечами, оставляя их приподнятыми, чтобы защититься от холода.

— Просто не в настроении.

Я задумываюсь о его странно асексуальных отношениях с Марселой. Интересно, для каких еще других вещей он «не в настроении»? Я задаюсь вопросом, но не осмеливаюсь спросить, неуверенная что буду делать, узнав ответ.

Десять минут спустя мы оказываемся в своей квартире, по-прежнему дрожа, когда направляемся каждый в свою комнату, чтобы подготовиться ко сну. Я наконец оказываюсь в постели и тянусь, чтобы выключить свет, когда раздается вибрация моего телефона. Еще не взяв его в руки, я уже знаю кто это. Чего я не могу предугадать, так это содержания сообщения.

Я нажимаю на смс и таращусь на два коротких слова на экране.

Я скучаю.

Глава пятнадцатая

На следующий день я возвращаюсь домой из библиотеки, дрожа от морозной погоды на улице. Келлана обычно никогда не бывает в это время, поэтому стало сюрпризом обнаружить его лежащим на диване с накрытой на глаза влажной салфеткой и прижатой к груди тетрадь. Если представить себе мужчину-модель, пытающегося выглядеть одновременно обеспокоенным и задумчивым и у которого это ужасно получается, то Келлан именно такой парень. За исключением того, что он совершенно искренен.

Я разматываю свой толстый шерстяной шарф и вешаю его вместе с курткой на спинку одного из обеденных стульев. После чего сбрасываю рюкзак и направляюсь в гостиную.

— Хэй, — тихо произношу я. — Ты заболел?

Мгновение он остается абсолютно неподвижен, затем медленно качает головой.

— Ты... что-то обдумываешь?

Его губы искривляются, и он снова качает головой. Он не особо двигается, но я

замечаю, что его пальцы усиливают хватку на тетради, будто в ней есть что-то, отчего у меня может возникнуть соблазн украсть ее.

— Хочешь побыть в одиночестве?

Продолжительная пауза, затем очередное качание головой. В итоге он тянется и убирает с глаз салфетку. Его глаза слегка покрасневшие, а в остальном он выглядит как всегда прекрасно.

Я сажусь на краешек кофейного столика.

— Что происходит?

Он тяжело вздыхает и старается встретиться со мной глазами, но не может, поэтому вместо этого фокусируется на потолке.

— Ты когда-нибудь... — он замолкает, вновь вздыхает и повторяет попытку. — Ты когда-нибудь задумывалась о своей жизни и понимала, что была реально дурой?

Я вспоминаю весь прошлый год.

— Да.

Он выглядит удивленным.

— Правда?

— Да. Почему, по-твоему, я провожу все время в библиотеке, занимаясь до потери пульса? Предпочитая проводить вечера пятницы дома, вместо того чтобы гулять с друзьями?

— Я думал, у тебя вообще нет друзей.

Я пинаю его в коленку.

— Задница.

Он улыбается и медленно садится.

— Я просто думал, ты книжный червь. Не то чтобы это было плохо, — быстро добавляет он. — Именно поэтому я попросил тебя переехать сюда. Так твое хорошее поведение сказалось бы и на мне. — Он резко вздрагивает и пытается это скрыть.

— Сработало? — спрашиваю я. — Ты провалил предмет? Все дело в этом? — я киваю на тетрадь, и он еще сильнее за нее хватается.

— Не совсем.

— Тогда в чем?

— Ты была счастлива?

— Когда? В прошлом году? — я пожимаю плечами. — Да. У меня были и хорошие времена.

Но он качает головой.

— Нет, в этом году. Когда ты «была хорошей». До встречи с этим загадочным парнем. Была ли ты счастлива не... занимаясь разными вещами?

Чувствую себя участником одного из тех телешоу, где нужно собрать все картинки, чтобы медленно раскрыть тайную загадку. Я переворачиваю дощечки, но ни у одной из подсказок нет смысла. Не спит с Марселой. Не пил прошлой ночью. Защищает эту тетрадь. Тем не менее я продолжаю подыгрывать и морщу лоб, вспоминая дни без Кросби между моим переездом и Хэллоуином.

— Я была счастливой, — отвечаю я, стараясь быть честной. — Но также и скучной.

Он сглатывает и кивает, будто пытается убедить себя.

— Есть же вещи и похуже, верно? Чем быть скучным?

— Конечно есть. Келлан, что происходит?

Он издает стон и пробегает рукой по своим волосам.

— Нора, я облажался.

— Что-то с твоими оценками?

— Нет.

— С Марселой?

— Что? Нет.

Я ломаю голову.

— Проблемы в команде по легкой атлетике?

— Нет.

— Келлан, я правда не...

— Не суди меня, — прерывает он. — Пожалуйста. — Он выглядит не на шутку встревоженным, отчего сама начинаю переживать. Келлан живая мечта всего колледжа: каждая девчонка его хочет, а каждый парень хочет быть им. Если что-то в его мире не так, нам всем кранты.

— Не буду, — обещаю я, надеясь, что так и будет.

— У меня... — он делает глубокий вдох. — В смысле ее уже нет, но у меня *была... была...* гонорей. — Он выглядит так, будто вот-вот упадет в обморок.

— У тебя ИППП¹⁵? — эхом переспрашиваю я, всполошившись.

— *Была*, — быстро исправляет он. — Я начал странно себя чувствовать, поэтому пошел к врачу, он выписал мне антибиотики, и теперь все прошло. Она была, а сейчас ее нет. — У него такие широко распахнутые глаза, а слова вылетают так быстро, что он мог бы запросто вещать о заговоре правительства, надев шапочку из фольги.

Медленно всплывают еще несколько кусочков головоломки, и неожиданная загадка проясняется.

— Так поэтому ты и Марсела не...

Он отмахивается рукой, будто это лишь часть проблемы.

— Ага.

— И поэтому не пил прошлой ночью?

Кивок.

— А Кросби знает?

Он хмурится.

— Нет. Сначала мне было стыдно, а потом он был так озабочен этим вечером живого микрофона, что мне не хотелось добавлять ему проблем.

— Так для чего тетрадь?

Он вздыхает и смотрит на нее.

— Там список.

— Чего? — я задаюсь вопросом, сколько переносчиков ИППП у него могло быть.

— Девушек, — отвечает он, покончив с этой теорией. — Доктор сказал, что симптомы обычно проявляются в течение пары недель, но иногда могут занимать месяцы. А так как у меня было несколько... партнерш, то не знаю, где и когда я заразился. Мне нужно связаться со всеми девушками, с которыми я был, и сообщить, что им нужно провериться.

Я думаю об очень длинных списках на стенах в туалете здания Союза Студентов.

— Это неловко.

Он разворачивает ко мне тетрадь. Список состоит из двух колонок и в нем приблизительно пятьдесят имен. И четыре пропущенных места.

Теперь уже мне нужен горячий компресс.

— Несколько месяцев, — произношу я, стараясь звучать буднично. — Ты перебивал со всеми этими девушками с сентября?

— Я проверяю с января, — говорит он решительно. — Просто чтобы подстраховаться.

— Не думаешь, что это немного перебор? — я отчаянно стараюсь не звучать, так сказать, отчаянно. Потому что даже если мы пользовались презервативом во время нашей злосчастной, бездумной сессии в чулане, мое имя — или вернее, мое *пустое место* — есть в том списке. Я уверена, что у меня ничего нет, но меня определенно лихорадит. И тошнит. Какие симптомы у гонореи?

— Нора?

Я моргаю и понимаю, что он несколько раз меня окликнул.

— Прости, — качаю головой. — Я просто... рада, что ты в порядке.

— Я тоже. Хотя мне предстоит сделать множество неловких телефонных звонков. И немного усиленных поисков в Facebook. То есть, я даже не помню многих из этих девушек. Это ужасно, не так ли?

Судя по моему опыту, определенно да. Пока это работает в твою пользу. Я шурю на список и понимаю, что у некоторых записей даже не стоят имена, а лишь заметки. *Кухня на вечеринке в доме «Бета Трета Пи». Бассейн в общественном центре. Рыжая из научной лаборатории.*

Келлан трет ладонями лицо и умоляюще смотрит на меня.

— Когда доктор спросил со сколькими девушками я был, и у меня ушла минута на подсчеты, он одарил меня таким взглядом.

— Взглядом?

— Да. Неодобрительным *взглядом*, — в данный момент он смотрит именно так, демонстрируя его мне. Он больше забавный, но также неодобрительный.

— Оу.

— Он *пристыдил* меня!

Стараюсь не рассмеяться. Он ведь волен делать что угодно и с кем угодно, но в данном случае этот список точно не для повышения его самоуверенности. Вместо ответа я оседаю на пол, обхватив полусогнутые ноги руками. Сейчас я испытываю слишком много чувств. Удивлена, что он признался мне, и не удивлена, что он подхватил что-то после более пятидесяти случайных переписок. Переживаю, что могла чем-то заразиться, и с облегчением понимаю, что он никогда не сможет выяснить, что именно я являюсь одним из пробелов в его списке. Нервничаю, что он может попытаться это узнать, и уверена, что он никогда не станет этого делать.

— Я рада, что ты мне сказал, — говорю, когда понимаю, что он ждет, чтобы я что-то сказала. — И тебе нечего стыдиться. — Я не очень хорошая актриса, поэтому у меня уходят все силы на то, чтобы произнести эти слова с каменным лицом. — Если я чем-то могу помочь, просто дай знать.

— Никому не рассказывай, — быстро произносит он. — Прошу только об этом. Я собираюсь выяснить как найти этих девушек, а затем... все закончится.

— Закончится, — повторяю я. — Великолепно.

Я не указываю на тот факт, что в ходе этих более чем пятидесяти уведомлений вероятность того, что данный секрет раскроется, растет в геометрической прогрессии.

Похоже, признание скинуло огромную тяжесть с его плеч, потому что в итоге он наконец мне улыбается широкой, облегченной улыбкой.

— Спасибо, Нора, — говорит он. — Рад, что ты тут. Жаль, что мы не встретились раньше, да? Может, тогда я бы не попал в такую переделку.

* * *

Обычно я работаю по вторникам во второй половине дня, но у меня доклад по археологии в пятницу, поэтому взяла отгул, чтобы было время подготовиться. Вместо того чтобы после утренних занятий пойти напрямик домой, я отправляюсь на велосипеде в студенческий медицинский центр на спешно назначенную консультацию. Хотя и знаю, что вероятность наличия у меня ИППП невелика — я была с шестью парнями и всегда пользовалась презервативами — все же трясусь, пока писаю в стаканчик и протягиваю его медсестре, которая обещает сообщить мне результаты по телефону в ближайшие пару дней.

К моменту возвращения домой я лишь отчасти спокойней, чем была, и последнее что мне хочется там обнаружить это Келлана и Кросби, сгорбившихся над обеденным столом и корпящими над тетрадью Келлана с секс-партнерами. Блин. Еще одна вещь из-за которой мне не стоит волноваться, но скорее всего придется. Потому что за исключением положительного результата теста, последнее, что мне хочется — это чтобы Кросби помог Келлану вычеркивать имена из длинного списка его сексападов, зная, что в нем должно быть и мое.

— Все еще возитесь с этим, да? — говорю я, скидывая свои вещи у себя в комнате, прежде чем присоединиться к ним за столом, и надеясь, что это прозвучало непринужденно, а не резко. Слышала, как Келлан звонил Кросби прошлой ночью, и верно предположила, что он все ему рассказал, а теперь он здесь, как замечательный лучший друг, сравнивает имена/описания, сделанные Келланом, с чем-то в своем телефоне. — Чем именно вы занимаетесь?

Мы с Келланом находимся на противоположных концах стола, Кросби же сидит между нами и в данный момент разворачивает свой телефон так, чтобы я могла видеть экран: на нем снятый вблизи снимок стены в туалете здания Союза Студентов. Список Келлана.

Я стараюсь сохранять нейтральное выражение лица, но Кросби наблюдает за мной и без сомнения ожидает какой-нибудь тирады по поводу «Кросбаб». Вместо этого я спрашиваю:

— Ты уже кому-нибудь звонил?

Келлан кивает.

— Прошло так неловко, как ты и предсказывала.

— Он идет с конца, — объясняет Кросби. — Начинает с самых последних девушек и просит их позвонить в случае положительного результата.

— Я пользуюсь презервативами, — вклинивается Келлан. — Клянусь. А значит, как бы ни заразился сам, я не распространял это повсеместно.

Я киваю, словно полностью с ним согласна. Когда я сдавала тест, медсестра спросила занималась ли я оральным или анальным сексом с инфицированным человеком, что потребовало бы взятие мазка. Мы с Келланом ничем подобным не занимались, но так как я была свидетельницей как ему делали минет без презерватива — через сорок пять минут после нашего переписа в чулане — я знаю о еще одной вероятности, где он мог ее подцепить. А если это произошло однажды, то могло бы произойти и дважды. Или — я шурюю на тетрадь — шестьдесят два раза. Ну, шестьдесят один, ведь я могу исключить себя из возможных оральных переносчиков гонореи.

Я хмурюсь и беру в руки тетрадь. В туалете указаны фактические имена, ведь их обновляет не Келлан. Однако, заметки Келлана совершенно другие. В них записи в стиле:

начинается на С или К, блондинка в голубом платье, официантка из закусочной Тапас, девушка с автобусной остановки, и девушка, похожая на Кейт Миддлтон.

— Ты никогда не спрашиваешь у них имен? — задаю я вопрос. — Хоть раз? — Это не очень утешительный приз, но по крайней мере я не единственная безымянная запись в этом бардаке. Хотя меня, кажется, тоже нельзя описать подробней.

— Эй, — говорит Кросби, стреляя в меня острым взглядом, когда Келлан морщится. — Никакого осуждения.

Я закатываю глаза. Он тоже есть на той стене в туалете, и мы все это знаем. Он пытается защитить не только честь Келлана.

— Никаких осуждений, — говорю я, поднимая руки вверх словно сдаваясь. — Это просто немного бы все... облегчило.

Келлан вздыхает.

— Знаю. Урок выучен.

Я тыкаю в верхнюю часть списка.

— Так это самые последние девушки? — Там порядка десяти кандидатов, охватывающих период с октября по ноябрь.

— Да. Сегодня я поговорил с тремя из них, так как они из моей научной лаборатории, и у нас в классе есть список контактов. — О, Боже. — А эти две работают в баре рядом с библиотекой, так что скорее всего я могу найти их довольно легко. Эта — он указывает на номер шесть, обозначенную как *Розовые шорты с полоской* — по четвергам бегает тем же маршрутом, что и я, значит можно поговорить с ней тогда. Номер семь сестра Дэйна, а восьмая — его кухня...

— Дэйна? — перебивает Кросби, выглядя встревоженным. — Дэйна, который живет от меня дальше по коридору? Дэйна, который думает, что его сестра собирается стать монахиней?

Келлан присвистывает:

— Она определенно *не* собирается быть монашкой.

— О, Господи.

— Ты можешь попросить у Дэйна их телефоны? Эм, и узнать их имена?

— Убей меня. — Кросби смотрит на меня. — Пожалуйста, Нора. Просто избавь меня от страданий, прежде чем это сделает Дэйн. — Он разворачивается к Келлану. — Как ты с ними познакомился? Они даже не бывают в Бернеме.

— Они были на вечеринке по случаю Хэллоуина.

— Ты сказал, что не спал ни с кем в ту ночь!

— Я не говорил, что не раздобыл тогда парочку номеров и не перезвонил им на следующей неделе!

— А что на счет Мисс Луизиана?

— Ее номер я тоже заполучил, — и он гордо вскидывает вверх руку. — И ее зовут Дана, — пауза. — Или Дарла.

— Ты все только усугубляешь.

— Парни! — восклицаю я. — Давайте сосредоточимся. — Чем быстрее мы найдем ту девушку, тем скорее закончим охоту. Учитывая временные рамки, я наверно пробел под номером сорок один или сорок два, что дает мне двадцать шансов закончить поиски, прежде чем они начнут пытаться вычислить меня. — Что насчет номера восемь? *Мега горячая любительница специфического секса?*

Кросби выглядит заинтригованным.

— Любительница специфического, да? Насколько специфического ты имеешь в виду?

Я забываю о том, чтобы поморщиться и пинаю его в голень. Он корчится и хмурится на меня, но Келлан этого даже не замечает.

— Очень, — уверяет он мечтательно. — Помнишь, когда мы пошли в тот клуб в начале этого года во время поездки команды по легкой атлетике? — это обращено к Кросби.

— С пеной или змеями?

— С пеной.

— Да.

— Она работала официанткой и была одета в белое кожаное платье — самое крошечное, что я когда-либо видел, несмотря на ее массивную... — Келлан прерывается, вспомнив, что я сижу от него в трех футах. — Ох, у нее было роскошное тело. В общем, мы танцевали, а пена все собиралась, и она продолжала тереться об меня, поднимая платье дюйм за дюймом, пока не показалась вся ее задница, разделенная пополам лишь маленькой тесемочкой красных стрингов. Ну и я типа «Твое платье задралось», а она типа «Знаю», а я типа «Хочешь пойдём куда-нибудь?», а она типа «И здесь хорошо». И следующее, что я помню, мы уже трахаемся прямо там, на танцполе. Было горячо. — Он подпирает рукой подбородок. — Я скучаю по ней.

Я знаю, что должна быть возмущена или обижена, или как-то среагировать на эту историю, но эти последние слова — *я скучаю по ней* — заставляют меня думать лишь о Кросби. Его сообщении. Его пальцах. Его теле. И о том, как сильно его хочу. Я бросаю на него взгляд, и он смотрит на меня, в его глазах отражаются те же мысли.

Кросби прочищает горло.

— Ладно, — говорит он, ерзая на своем стуле. — Ты знаешь, где она работает. Вероятно, можно позвонить в клуб и оставить свои контактные данные. Будем надеяться, она тебе перезвонит.

Келлан кивает.

— Хорошая мысль, так и сделаю.

Я перевожу дыхание.

— Номер девять? *Лин с лестничной клетки в тренажерном зале?* Ты встречаешься с девушками на лестничных пролетах? — есть ли такое место, где он не может встретиться с женщинами?

— Мы не «встретились» там, если ты понимаешь, о чем я, — задумчиво усмехается Келлан. — Или вернее, мы встретились там с целью быстрого...

— Думаю, я поняла.

— Она волейболистка, — добавляет он, хоть я и не спрашивала. — Мы трахали друг друга глазами некоторое время, а после одного из ее матчей мы столкнулись и решили пойти заняться этим. Она не снимала наколенники, если ты понимаешь, о чем я.

Я потираю свое покрасневшее лицо. *Возмутись*, — говорю я себе. — *Негодуй!* Но все что я делаю — это представляю себя в колено-локтевой позе, а Кросби за мной, передо мной, подо мной вытворяет множество грязных штучек.

Я сбилась со счета, сколько раз мы занимались сексом с той ночи на переднем сиденье его машины. Он регулярно забирает меня после работы, и мы едем куда-нибудь, чтобы пошалить по возможности. Из-за того, что на улице холодно, а я не хочу, чтобы меня арестовали за непристойное поведение в общественном месте — снова — нам приходится

быть креативными. Работа ручкой на заднем ряду почти пустого кинозала, по-быстрому у стены в подсобке «Бинс», после того как я впускаю его через черный ход, одна мучительная попытка протиснуться на заднее сиденье его машины, которая закончилась синяками от ремней безопасности на наших телах и клятвой больше никогда не пытаться это повторить.

В итоге мы дошли до такого состояния неудовлетворенности, что я натянула на голову капюшон своей куртки и скрыла лицо, пока мы неслись вверх по лестнице в его комнату в доме братства, так отчаянно желая заняться полностью обнаженным, нормальным сексом, что была готова не обращать внимания на последствия. К несчастью мы оказались не единственными, у кого на уме был секс, и его сосед за стенкой вместе со своей очень звучной партнершей старались изо всех сил наполнить дом звуками своего секса. Когда стена задрожала так, что затряслась кровать Кросби, он накинул джинсы и рубашку и вылетел из комнаты, грозя парню кастрацией, если тот не притихнет. По его возвращению ни у кого из нас уже не было настроения.

К том моменту, как Келлан ознакомил нас с деталями своих шалостей с номером десять (*либо Тиффани или Бриттани, но точно с «и» на конце*), я уже готова воспламениться. Мне едва удастся усидеть на месте, бедра сводит от нужды, и я достаточно знакома с покрасневшими щеками и потемневшим взглядом Кросби, чтобы понять, он на аналогичной «грязной странице». Проблема в том, что нам некуда пойти, чтобы ее «прочитать».

Неожиданно звонит телефон Келлана, вырывая всех нас из этого странного сексуального дурмана.

— Это Дэйн, — шепчет он, прежде чем ответить на звонок и поздороваться.

— Хорошо, — отвечает он. — А у тебя? — он кивает и слушает, кивает и слушает, затем почему-то поднимает вверх большой палец. — Он тут, — говорит он. — Конечно, я ему скажу. Круто. Скоро увидимся. — Он вешает трубку и расплывается в улыбке, будто не может поверить в свою удачу. — Это здорово!

Мы с Кросби обмениваемся настороженными взглядами.

— Правда?

Он разворачивается к Кросби.

— Дэйн сказал, что сегодня они собираются прикольноуться над «Каппа Дельтой» и нам нужно там быть. Вообще-то, нужно отправляться прямо сейчас, чтобы помочь с приготовлениями. Давай же. Ты же пришел сюда пешком, верно? Я отвезу тебя.

Румянец Кросби усиливается, и я вижу, как вздымается и опадает его грудь, когда он пытается успокоить дыхание.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. Ты сможешь поговорить с Дэйном и раздобыть мне те телефончики. Пошли, — он хватает тетрадь и швыряет ее в свою комнату, где та опускается на пол словно птица, умирающая от сексуальной неудовлетворенности.

Я раздосадовано упираюсь взглядом в свои руки, сцепленные на столе, в стремлении удержаться от того, чтобы заграбастать Кросби и утащить его в свою комнату, крича Келлану, что уговор отменяется и он может вновь спокойно приводить в квартиру любую девушку, которую ему заблагорассудится.

— Вообще-то, — напряженно произносит Кросби. — Я присоединюсь к тебе чуть позже. Я хотел попросить Нору просмотреть мой доклад по английскому. Она сказала, что не против проверить его перед сдачей. Это всего пару страниц.

Я никогда не соглашалась проверять его доклад, ведь его не существует. Но Келлан этого не знает, а я более чем желаю подыграть.

— Ты его закончил? — спрашиваю я. — Здорово. Конечно, я просмотрю.

Келлан хмурится.

— А ты не можешь просто отправить его на мыло?

— Я принес распечатку, — говорит Кросби. Он тянется к своей сумке и передает мне скрепленную кипу листов. Это куча рецептов протеиновых коктейлей, способствующих быстрому наращиванию мышц.

Келлан берет с дивана свою куртку и надевает ее.

— Что ж, ладно. Это займет больше пятнадцати минут? Мне нужно заправить машину, так что мы просто смотаемся, заправим ее и вернемся за бумагами — хватит времени? Знаю, что вы оба стараетесь получать хорошие оценки, но сегодняшняя ночь реально важна. В прошлом году «Каппа Дельта» обернули дом «Альфа Сигма Фи» в туалетную бумагу. *Использованную* туалетную бумагу. Помните?

— Да... — Кросби и я обмениваемся вымученными взглядами.

— А почему бы тебе не заправить машину и прихватить меня уже на обратном пути? — предлагает Кросби. — Я не хочу на заправку.

— Почему не хочешь?

— Там, э-э, угар. От него меня тошнит.

— Правда? С каких пор?

— Всегда.

— Блин, мужик, а я и не знал. — Келлан смотрит слегка скептически, но затем просто качает головой. — Ладно. Я заправлюсь и вернусь за тобой. Думаете, к тому времени вы закончите?

Мы оба замираем. Я первой прерываю молчание.

— Если я буду действовать быстро.

— Не думаю, что это займет так много времени, — добавляет Кросби. — Доклад полностью готов к работе.

Келлан пялится на нас словно мы чудики, затем пожимает плечами.

— Окей, ладно. В общем я пришлю сообщение, когда вернусь. — Наконец он надевает кроссовки, берет ключи и уходит.

Через полсекунды после того как дверь за ним закрывается, Кросби оказывается на мне.

— Ох, слава богу, — бормочет он. Он вырывает у меня из рук бумаги и сметает их на пол, после чего впивается в меня неистовым поцелуем.

— Наконец, — вновь бормочет он мне в губы. — Я умираю.

— Ты умираешь? Я уже несколько дней умираю.

— Держу пари, я больше.

— Держу пари, я сильнее.

С трудом мы встаем на ноги, и я чувствую, как его эрекция упирается мне в живот. Сильно — это подходящее прилагательное.

— Ты выиграл.

— Если мы сделаем это правильно, то оба выиграем.

Я стону в его рот, пока его пальцы расстегивают пуговицы моей блузки. Он даже не заморачивается на то, чтобы расстегнуть мой бра, просто стягивает вниз чашечки и накрывает мои груди руками.

— Кросби, — задыхаюсь я. — Быстрее.

— Мне все время хочется это сделать, — говорит он, отстраняясь на некоторое время, чтобы взглянуть на меня, его пальцы легонько теребят мои соски. — Я думаю о тебе каждый день.

На нем старая концертная майка поверх футболки с длинным рукавом, через голову я стягиваю с него верхний слой и бросаю на пол.

— Я тоже, — встаю на цыпочки, чтобы снова его поцеловать. — Этого недостаточно.

— Нет, — стонет он. — Недостаточно.

Заслышав скрежет ключа, мы отскакиваем друг от друга. Я запахиваю полы блузки и ныряю в свою комнату, пытаюсь поправить бра. Слышу проклятия Кросби, затем его майка пролетает мимо меня и опускается на мою кровать — очень слабая попытка скрыть улику.

Я стою спиной к комнате, когда до меня доносится топот ног Келлана, поднимающегося по ступенькам.

— Я забыл телефон.

— Ах, верно, — голос Кросби звучит хрипло и раздраженно.

— Ребята, вы уже закончили?

Мое тело скручивают спазмы сожаления, что все закончилось еще даже не начавшись.

Оборачиваюсь и вижу, что Келлан смотрит на пол, где лежит сметенный со стола «доклад» Кросби. Не задумываясь, я хватаю со своего стола какие-то бумаги и машу ими, чтобы его отвлечь.

— Я подумала, что здесь мне будет проще прочесть, — лгу я. — Так Кросби бы не дышал мне все время в затылок.

Кросби скрещивает руки на груди, отчего его бицепсы бугрятся.

— Я просто хочу убедиться, что ты хорошо потрудилась.

— Нора всегда хорошо трудится, — отвечает Келлан рассеяно. — К тому же она быстрая.

О, боже.

— Вернись-ка я к работе.

— Точно. Я скоро вернусь. Не напрягай ее слишком сильно, — добавляет Келлан, тыкая в Кросби. — Она делает тебе одолжение.

— Я очень благодарен, — отвечает Кросби, не моргнув и глазом.

— Вот и правильно. Я скоро, — Келлан сбегает по лестнице вниз и исчезает за дверью.

На этот раз мы подбегаем к фасадному окну и прячемся за занавесками, наблюдая за тем, как он садится в машину и уезжает вниз по улице.

— Трахни меня, — бормочет Кросби, хватая меня за талию и прижимая спиной к стене.

— Таков план, — говорю я.

Он смеется.

— Ну же, давай. Покажу тебе как сильно я на самом деле благодарен.

Мы в рекордное время раздеваемся до нижнего белья, Кросби подхватывает меня под попу и приподнимает, в итоге я зажата между его грудью и стеной. Обхватываю его ногами и чувствую, как член упирается в ткань моих трусиков. Я задыхаюсь и вращаю бедрами, отчаянно нуждаясь в большем трении. Просто отчаянно, в прямом смысле этого слова.

— Хотелось бы, чтобы у нас было больше времени, — шепчет он, проводя языком по моей шее, легонько покусывая мои соски. — И дверь с замком, от которой у него бы не было ключей.

— Знаю. Знаю, — мне не особо удается думать, когда его рука скользит мне в трусики, проводит по моей попке и опускается ниже, мне между ног, находя ожидающую его влагу.

— Ох, блин.

Я поддерживаю его мнение, когда один из его толстых пальцев проникает в меня. А пару секунд спустя уже цепляюсь за его шею, мои короткие ногти впиваются в мышцы его спины, в то время как я разрываюсь между мольбой о большем и заверениями, что больше не могу ждать.

— Нора, я... Вот, блин, Нора, думаю, что я... — он опускает меня и теперь я уже стою на ногах, пока он торопится к своим брюкам, чтобы достать презерватив. Он дрожит, надевая его, и я понимаю, что в таком состоянии он уже не сможет снова меня приподнять. Говоря по правде, пока он меня трахает, меня не заботит каким именно способом он это делает.

Нет времени дискутировать, так что я просто скидываю с себя трусики и перекидываюсь через подлокотник дивана.

— Давай так, — говорю ему.

Он приподнимает брови.

— Ты уверена?

— Да.

Наши предыдущие встречи не давали особой возможности разгуляться, разве что делать все лицом к лицу и пару раз при случае нырять руками друг другу в трусы. Мы никогда не занимались этим в позе сзади и не пробовали орал, поэтому, когда он входит в меня, я думаю о том, как много раз нам предстоит еще встретиться, чтобы опробовать все, чего мы не делали. Все, что мы хотим сделать. Абсолютно все, на самом деле.

В рекордное время я толкаюсь назад и прикусываю губу, чтобы заглушить крики. Его пальцы крепко впиваются в мои бедра, моя плоть горит, но я даже не пытаюсь его остановить. Следующее, что понимаю — я кончаю, пальцы цепляются за диван, мышцы напрягаются, обхватывают, сжимают. Кросби кряхтит позади меня, ощущая силу моих судорог, и вскоре я слышу, как и он кончает, сгорбившись надо мной и зарывшись одной рукой в моих волосах, словно удерживая себя на якоре.

— Нора, — стонет он, рвано дыша, его бедра грубо врезаются в мои, когда он забывает об утонченности и просто откликается на потребности своего тела. — Нора, Нора, Нора.

Я еле поднимаюсь и кладу ладонь на его затылок — единственное на что у меня хватает сил.

— Кросби.

Глава шестнадцатая

Две ночи спустя я бреду по тротуару в сторону нашей квартиры. Сейчас без четверти восемь, а Келлан днем прислал сообщение с просьбой, если не сложно, вернуться домой только после семи. Я полагала, что прошло достаточно времени между известием о гонорее и ее лечением, чтобы он мог вновь включиться в игру, и если не ошибаюсь, он планировал что-то вроде свидания для Марселы. Нэйт по-прежнему приводит Селестию в кофейню, а Марсела все еще злится, и хотя я могу придумать для них миллион дел, или людей, которыми они могут заняться, это их право на ошибку. Все совершают ошибки, уж кому как не мне это знать.

Подглядываю в окно нашей гостиной, оттуда виден слабый свет, будто в одной из спален оставили включенной лампу. Не горю желанием нарушить уединение своего соседа с моей лучшей подругой, но я замерзла и проголодалась, только что провела два часа, зубря неправильные французские глаголы, и мне хочется домой. Если потребуется, я тихонько проскочу в свою спальню, закрыв глаза и прикрыв уши, и даже посплю в наушниках.

Заходя в квартиру, издаю максимально много шума, но меня не встречает картина обнаженных, извивающихся тел. Вместо этого вдыхаю приятный желудку запах чеснока, томата и горячего хлеба. Торопливо стягиваю сапоги и вешаю куртку на вешалку, после чего поднимаюсь по ступенькам, молясь, чтобы там осталось немного еды.

На верхней ступеньке я резко останавливаюсь.

Там Келлан. Зажженные свечи. Стол, накрытый на двоих.

И ни следа Марсели.

Мой взгляд шарит по комнате, подмечая удивительно романтическое оформление.

— Э-э... что происходит?

Он стоит на кухне в темных брюках и белой сорочке с закатанными рукавами, обнажающими его сильные руки. Ноги босые и на нем фартук, если не ошибаюсь, «одолженный» в «Бинс». Он помешивает горшочек, судя по запаху, с томатным соусом и, кажется, ждет. Меня.

Надеюсь, что нет.

— Ты кого-то ждешь?

Он ухмыляется, как дьявольски красивый парень в любой романтической комедии, которого, как ты знаешь, не существует в реальной жизни. За исключением того, что он есть. И он *прямо здесь*.

— Ждал, — говорит он. — Присаживайся. Надеюсь, ты голодна.

Я таращусь на стол, как на бомбу.

— Что происходит?

Он пробует соус и одобрительно кивает.

— Я думал о том, какая ты замечательная, — говорит он. — Как хорошо ты отнеслась ко всей этой ситуации, происходящей в последнее время, и просто какой отличной соседкой была. Затем я вспомнил, что мы должны были как-то сходить на ужин, а я полностью забыл о нем, поэтому решил подготовить что-то особенное.

Я не могу заставить себя сдвинуться с места. Атмосфера тут не особенная, она — странная. Он передвинул стол в гостиную, так как там больше места, и накрыл его чем-то похожим на сложенную вдвое белую простыню. На столе стоят тарелки, бокалы для вина и свечи. Еще с полдюжины свечей расставлены по комнате, создавая очень уютную — и неловкую — атмосферу.

Таймер на духовке звенит и Келлан достает противень с горячим и восхитительным чесночным хлебом, масло все еще шипит, когда он ставит его на разделочную доску. Желудок призывает меня поместить попу на стул, а сердце говорит, что кое-кто очень неправильно это расценит. Голова же твердит, что все это плохо кончится.

— Ну же, — говорит Келлан, держа в руке чесночный хлеб. Я чувствую легкий нажим его пальцев на мою поясницу, пока он подводит меня к столу и ставит на него хлеб, затем выдвигает для меня стул и кладет руки мне на плечи, призывая сесть. Конечно же, именно в этот момент Кросби входит в парадную дверь.

Мы все трое замираем, являя собой сложную, определенно неромантическую, чесночную

картину. Кросби все еще в куртке с видеоигрой в руках и открытым от удивления ртом. Он тарашится на нас, взгляд сфокусирован на руках Келлана лежащих на моих плечах, затем он переводит его на свечи, бокалы для вина, охватывая все до чертовых мелочей.

— Кросби... — начинаю я.

— Хэй, — говорит Келлан.

Рот Кросби приходит в движение, но пару секунд он не произносит ни слова.

— Я хотел вернуть твою игру, — наконец говорит он. Очень медленно он тянется, чтобы положить игру на шкафчик, и даже Келлан — восхитительно тупой Келлан — понимает, что что-то не так.

— Ты в порядке? — спрашивает он, опуская руки и делая шаг к другу. — Крос?

Но Кросби сейчас смотрит лишь на меня, в его карих глазах одновременно боль и недоумение. Я знаю, что у него никогда раньше не было подружки — не то чтобы я его девушка — поэтому он определенно не был в ситуации, когда ему изменяли. Но также я знаю, что он кореш в истории Келлана: Келлан получает Мисс Луизиану, Кросби достается Вице-мисс. Все эти вопросы на тему была ли я влюблена в Келлана или нет, наконец мне удалось их прояснить с ним, а теперь вот это.

— Кросби, — снова говорю я, но он лишь качает головой и сбегает вниз по лестнице, а секунду спустя дверь с грохотом хлопает, от ледяного ветра пламя свечей трепещет.

— Что, черт побери, это было? — спрашивает Келлан, пробегая рукой по своим волосам. — Я же сказал, что если он очень хочет, то может оставить у себя игру до завтра.

Я качаю головой и смаргиваю щиплющие глаза слезы вины. Наверно, мне следует отпустить его. Наверно, мне не следует гнаться за ним по морозу и умолять меня выслушать. Да и вообще в первую очередь не стоило все это затевать.

Но я это делаю.

Я мчусь вниз по ступенькам, замешкавшись лишь, чтобы втиснуть ноги в сапоги, и распахиваю дверь. От холодного воздуха перехватывает дыхание, но я замечаю его в полуквартале вниз по улице. Даже не думая, я перехожу на бег. Воздух кажется таким морозным, будто потрескивает. С голых деревьев осыпается легкий налет инея, блестя в свете уличных фонарей, прежде чем растаять на моих волосах.

— Кросби! — кричу я.

Вокруг никого, ни звука, ничего. Я знаю, он меня слышит, но не останавливается, даже наоборот еще больше сутулит плечи и ускоряет шаг.

— Кросби! — я увеличиваю скорость. Легкие горят от холода, и я не в форме, к тому же дрожу в своей тонкой кофте и леггинсах, чувствую, как волосы выбиваются из собранного хвостика и бьются о шею.

— Кросби! — кричу я. — *Стой!* — я нахожусь от него на расстоянии трех машин, когда он, наконец, останавливается, однако не поворачивается. Его руки засунуты в карманы джинсов, и я вижу, как его учащенное дыхание выбивается частыми белыми облачками пара. Я задыхаюсь, когда, наконец, добегаю до него, хватаю его за руку, чтобы удержать равновесие и почти что падаю, когда он одергивает ее.

Я готова к его обиде, но не откровенной ярости на его лице.

— Кросби, — мой голос срывается на полуслове. — Это не...

— Не утруждай себя, Нора. — Он смотрит мимо меня, просто вдаль улицы.

— Я вернулась домой лишь две минуты назад, — говорю я. — И не знала, что он это планирует.

— Верно.

— Я думала у него свидание с Марселой.

— Ты говорила, тебе известно, что они не влюблены друг в друга.

— Так и есть. Они... Я не знаю. Я не знаю, Кросби. Но я не влюблена в него. И никогда не буду. Это правда просто неудачное стечение обстоятельств.

Он качает головой, но не двигается с места.

— Почему-то ты хотела держать нас в секрете. Это никак не было связано со мной или тем дурацким списком перепихов.

— Было, но теперь уже нет.

Его челюсть двигается, а ноздри шевелятся, когда он вздыхает. Он зол, но все еще стоит тут. Он слушает и хочет мне верить.

— Клянусь, — добавляю я. — Клянусь. Пожалуйста, не надо... — я осекаюсь, чтобы перевести дыхание и не начать плакать, что еще больше бы усугубило ситуацию. — Пожалуйста, возвращайся со мной.

— Зачем?

— Потому что больше нет никаких секретов. Чтобы мы все вместе поели спагетти. Это будет ужасно, но давай просто сделаем это.

Наконец он переводит на меня взгляд.

— Я никому не скажу, — говорит он.

— Что?

— Если ты делаешь это, потому что думаешь, я всем расскажу о том, что мы спали вместе, то я так не поступлю. Если ты хочешь быть с ним, если ты уже с ним, я не буду распространять слухи. Я это на хрен переживу. Не ври мне.

— Я никогда тебе не врала. — Я сглатываю комок вины. Недоговаривать это же не совсем ложь, верно? — И я не опасаюсь тебя. Ты мне нравишься. Только ты.

Он потирает рукой лицо и, наконец, замечает, что я морожу себе задницу. Руками я обхватила по-прежнему урчащий живот и подпрыгиваю на месте, чтобы согреться.

— Где твоё пальто?

— Я не остановилась, чтобы прихватить его.

— Ну, а надо было. На улице холодно.

— Что ж, если выбор стоит между пальто и тобой, я выбираю тебя.

Это конечно мега банально, однако его лицо смягчается, а губы нехотя изгибаются. Он смотрит на меня сверху вниз и верит тому, что видит.

— Ладно, Нора. Пошли.

* * *

Пять минут спустя мы сидим за обеденным столом, чтобы принять участие в самом ужасном званом ужине в мире. Я вынесла для Кросби стул из своей комнаты, пока Келлан молча задул все свечи и поставил на стол третий прибор. Мы сидим перед тремя нетронутыми тарелками со спагетти и чесночным хлебом, не желая или не в состоянии встретиться друг с другом взглядом.

Келлан заговаривает первым.

— Серьезно? — бормочет он, качая головой. Хватает свой чесночный хлеб и откусывает большой кусок. — Вы вместе?

Мы с Кросби переглядываемся.

— Да, — наконец отвечает Кросби.

— Как давно?

Я грызу свой чесночный хлеб, как провинившийся кролик.

— С Хэллоуина.

— Хэллоу... — глаза Келлана округляются. Он пялится на меня, но указывает на Кросби. — Так это тот?..

Я знаю, что он говорит о презервативе, поэтому обрываю его.

— Да.

Он переводит взгляд на Кросби.

— Ты сказал, что трахнул Мисс Вашингтон!

— Ну, она из Вашингтона.

— Не могу в это поверить. У меня под носом.

Я тоже не могу поверить и в итоге начинаю смеяться. Так сильно смеюсь, что плечи сковывает, а глаза слезятся, и я даже немного пофыркиваю. Откидываюсь на спинку стула, запрокидываю голову и просто искренне, черт побери, смеюсь.

— Вы просто трахаетесь или все серьезно? По-настоящему парочка?

Вопрос очень быстро меня отрезвляет. Я выпрямляюсь на своем стуле, и мы с Кросби обмениваемся взглядом.

— Все серьезно, — говорит он тихо, беря в руки вилку и накручивая спагетти. От этих слов мое сердце сжимается, ведь я знаю, что он никогда раньше ни о ком такого не говорил. Как, впрочем, и я.

Келлан снова кусает свой хлеб и жует, изучая нас.

— Я знал.

— Ты знал? — переспрашивает Кросби с сомнением в голосе.

— Ага. Ты изменился в этом году. Я знал, что что-то происходит. — Он опускает голову, неохотно соглашаясь. — Я не знал, что дело в Норе, но понимал, что что-то было.

Челюсть Кросби дергается.

— Понятно.

— Сначала ты начал обращать внимание на цыпочек в очках, после того как Нора впервые пришла осматривать квартиру. Я решил, что у тебя просто новый фетиш, но это было из-за того наряда, в котором она заявила. Из-за него она выглядела ботаном. — Он кивает на меня. — Без обид.

Я закатываю глаза.

— Я не...

— И то, как ты продолжал менять маршруты наших пробежек, чтобы они проходили мимо «Бинс», а потом заговаривал о брауни, чтобы я предложил зайти.

— Вовсе нет...

Келлан смотрит на меня.

— Это была его идея пригласить тебя на вечеринку Хэллоуина. То есть, я был не против, но это он предложил.

Кросби пялится на него.

— Что бы...

Келлан невинно пожимает плечами, хотя все мы знаем, что он далек от этого. И в то время как Кросби выглядит немного растерянным из-за того, что раскрылась его стратегия соблазнения уровня восьмого класса, мое сердце несется со скоростью миля в минуту. Не знаю никого, кто бы вкладывал во что-либо столько сил, как он. Особенно в отношении

меня.

— Спасибо, — говорю я.

Судя по всему, ему требуется небольшое усилие, но все же он переносит свое внимание от Келлана и фокусируется на мне.

— Спасибо?

— Да, — я слегка пихаю его ногу под столом. — Если все, что он говорит, правда, то спасибо тебе.

Он краснеет, когда улыбается.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Всегда пожалуйста.

Остальная часть ужина лишь чуть менее неловкая, хотя, должна признать, весьма странно, когда Келлан прибирается на кухне, пока Кросби играет в видеоигры, а я работаю над конспектами по археологии. Никто особо не разговаривает, в итоге Келлан присоединяется к Кросби, и они некоторое время заняты стрелялками. Около одиннадцати мне надоедает анализировать пещерные раскопки в несуществующем регионе Маларуху, я отключаю свой ноутбук и отправляюсь в ванную почистить зубы и умыться. Когда я выхожу, звук взрывов резко прекращается и Кросби переводит взгляд с меня на Келлана и обратно, а затем медленно встает.

Он нерешительно потирает руки о свои джинсы, и я понимаю, что мы на переломном этапе. Если он останется на ночь, все условия моей договоренности с Келланом отправятся к чертям. Если же он пойдет домой, вся видимость наших отношений попадет под сомнения. Мы находимся в одной комнате с самым популярным парнем на кампусе и все же выбираем друг друга.

— В ванной есть дополнительная зубная щетка, — предлагаю я. — Если хочешь почистить зубы, прежде чем лечь в постель.

Я вижу, как в его глазах вспыхивает огонь, и очень медленно он кивает.

— Так и сделаю.

— Блин, — стонет Келлан. — Отныне что, всегда так будет?

— Я знаю, что мы не об этом договаривались, — говорю я, балансируя на подлокотнике дивана, когда Кросби уходит готовиться ко сну. — Прости, что все так обернулось.

Он качает головой.

— В прошлом году я жил в общежитии, — говорит он. — Ты, правда, думаешь, что я не слышал, как Кросби трахается... — он слишком поздно осекается.

Я скрещиваю на груди руки.

— Да?

— Чувак! — восклицает Кросби позади меня.

Келлан колеблется, затем снимает игру с паузы, очень сильно увеличивает звук и старательно нас игнорирует. Медленно я оборачиваюсь к Кросби.

— Это было в прошлом году, — быстро говорит он. — Теперь я другой.

С вызовом смотрю на него, а затем смягчаюсь.

— Я тоже.

Он явно вздыхает с облегчением, следуя за мной в спальню, закрывая дверь и ожидая, пока я не включу ночник, прежде чем выключить верхний свет.

— Не сердись, — говорит он.

— Я не сержусь. — Выskalзьываю из джинсов и свитера и натягиваю топик,

потянувшись за шортиками, я замираю. Оглядываюсь через плечо и обнаруживаю, что он пялится на мой зад.

— Мне заморачиваться их надеванием?

Он скидывает рубашку и штаны так быстро, что чуть не падает.

— Нет, — говорит он, утягивая меня на кровать. — Тебе они не понадобятся.

* * *

Кросби Лукас — мой парень.

Я не единственная, кто ошарашен этим известием, но мне действительно плевать, что говорят другие. Ну, кроме Марселы, которая устроила мне нагоняй за то, что хранила от нее секреты.

Спустя два дня после провального ужина со спагетти превратившегося в разоблачение отношений, во время своего пятнадцатиминутного перерыва я сижу напротив Кросби за одним из крошечных столиков в «Бинс» и уплетаю булочку с корицей. Нэйт относит мое превосходное настроение к куче получаемых мной оргазмов, и я правда наслаждаюсь ими, но мое воодушевление в меньшей степени вызвано утренним телефонным звонком из медклиники кампуса, в ходе которого меня проинформировали, что мои анализы чистые. Я этого и ожидала, но все же приятно получить подтверждение.

Под фартуком на мне водолазка, но я все еще дрожу от ворвавшихся в помещение вслед за вошедшим посетителем ноябрьских ветров.

— Брр, — говорю я, проводя пальцем по оставшейся на тарелке сливочно-сырной глазури. — Ненавижу холод.

— Серьезно? — Кросби кладет себе в рот последний кусочек булочки с корицей. — А я люблю зиму. С ней связан снег, День Благодарения, Рождество и Новый Год — это здорово.

— День Благодарения — осенью.

— Почти зимой. Главное, что зима — это классно, а ты не права.

— Ха, вздор.

Он ухмыляется.

— Ты собираешься домой на День Благодарения?

Этот праздник во вторник, и я планирую поработать сверхурочно, чтобы подсобрать деньги на рождественские подарки. По моим размышлениям, если я куплю дорогие подарки, никто не будет слишком сильно ворчать, когда я появлюсь поздно в Сочельник и смоюсь в полдень Рождества. Я люблю свою семью, но терпеть не могу рождественские традиции семейства Кинкейд в виде безостановочных перебранок, небольшого пожара и пиццы по переплаченной доставке, когда индейка неизбежно либо сгорает, либо исчезает.

— Нет, — отвечаю я, когда осознаю, что Кросби ждет ответа. — А ты?

— Да. Я поеду, а сразу после присоединюсь к парням на «тренировочных встречах».

— Это на следующей неделе?

— Я говорил тебе об этом.

Так и есть, он объяснил, что они делали это каждый год перед Рождеством, чтобы проверить свои успехи и лишний раз напомнить себе, не расслабляться во время праздников. Видимо они ничему не учатся, так как каждый возвращается в январе, прибавив десять фунтов в весе и страдая от похмелья, но из-за трехдневного турне по соседним колледжам они возвращаются в Бернем лишь в пятницу.

— Помню.

— Я бы пригласил тебя на ужин, если бы мог вернуться, — говорит он, неверно

истолковав мою отстраненность. — Я имею в виду, если ты правда этого хочешь, то все еще можешь поехать. Я отвезу тебя обратно на кампус и снова вернусь. Это займет лишь час, так что...

— Кросби, — прижимаю пальцы к его губам. — Это не проблема. Я просто думаю, как здорово было бы иметь собственную квартиру. Каково бы было не чувствовать каждый день запах тертого сыра?

Он с облегчением ухмыляется.

— Я привезу тебе обеды.

— Обеды, которые переживут ваши «тренировочные встречи»? Спасибо, но я пас.

— Что не так с Днем Благодарения? Если ты ненавидишь зиму, а День Благодарения отмечают осенью, то это должен быть безопасный праздник.

Я закатываю глаза.

— Ничто с моей семьей небезопасно. — Мои родители, как они любят выражаться «благополучные, дружные и бывшие». По сути, они — разведенная пара, в которой каждый проживает на своей половине дуплекса, они всем говорят, что ладят, но на самом деле ненавидят друг друга. Они развелись, когда мне было десять, и никто из них так повторно и не женился, но на каждый праздник оба приводят разных «половинок» в отчаянной попытке показать, какие они зрелые. Как единственный ребенок, марширующий на этом неблагополучном параде, я бы предпочла спрятаться в сарае и поедать червей, чем сидеть на ужине с какими-нибудь ничего не подозревающими «половинками», которым не повезло показаться на празднике в тот день.

Я поделилась этим с Кросби, глаза которого округлялись по мере моего рассказа.

— Это попытка, — говорю я. — В девяти случаях из десяти на столе даже не оказывается индейки. Если не...

— Привет, Кросби.

Мы поднимаем взгляд и видим трех девушек, которые выглядят так, будто только что сошли со страниц зимнего каталога. Они машут Кросби, держа в одной руке чашки с дымящимся горячим латте и присаживаясь за соседним столиком. Непроизвольно я мысленно переношусь в день нашего знакомства, когда Кросби сам пригласил себя присоединиться ко мне за ужином, но покинул меня, когда появился кто-то получше.

Тем не менее сейчас он лишь поднимает руку в неясном подобии приветствия и пьет свою воду, сфокусировавшись на мне.

— Если не что? — напоминает он.

Я качаю головой.

— Что если не что?

— Ты говорила, что на столе никогда не бывает индейки. Если не?..

— А-а. Эм... если она не оказывается жженой до углей, то совершенно сырой. Вообще-то они довели троих человек до больницы.

— Ты шутишь.

— Неа. А однажды мама так рассердилась на папу, что выкинула индейку на улицу, и ту переехал автобус.

— Скажи, что ты засняла это на камеру.

— Хотела бы. Но мои любимые — это два случая, когда индейка просто исчезла.

— Исчезла?

— Ага. В духовке был лишь пустой противень, а на столешнице лежала вилочка от

птицы¹⁶. Я загадала желание, чтобы у нас была индейка.

— Дважды?

Я пожала плечом.

— Суть в том, что поездка того не стоит.

— А что на счет Рождества?

— Я поеду на автобусе в Сочельник и придумаю оправдание, почему должна вернуться на Рождество. Они знают, что я работаю, и обычно сами очень хотят мне верить. Ведь так им не приходится изображать «благополучных, дружных, бывших» дольше, чем требуется.

— Это очень печально, Нора.

— Расстояние спасает.

— Я не могла не подслушать твою слезливую историю об индейке, — говорит Марсела, подлетая и собирая пустые тарелки.

— Ты уже слышала ее раньше, — отвечаю я, узнавая в ее глазах знакомый блеск и надеясь пресечь в зародыше, что бы она там не замышляла.

Она наклоняется к нам.

— Так как на День Благодарения я буду в Мехико, почему бы нам не устроить собственный ужин Дня Благодарения с индейкой задним числом? Ты и Кросби, я и Келлан. Двойное свидание.

Она произносит «двойное свидание» излишне громко и явно, чтобы услышал Нэйт. Хотя необходимости в повышении голоса нет, ведь он в любом случае явно ловит каждое ее слово.

Я качаю головой и начинаю вставать с места. Перерыв окончен.

— Я не...

— Чем больше индейки, тем лучше, — говорит Кросби, не замечая моего убийственного взгляда. — Почему бы не сделать это прямо перед рождественскими каникулами? Таким образом, каждый поест немного индейки. — Он смотрит на меня и, должно быть, интерпретирует мой взгляд как очередные мучения с индейкой, поскольку начинает гладить мою руку, желая успокоить. — Не волнуйся, Нора. Я не спущу с нее глаз. Эта индейка никуда не денется.

Видя, что он невосприимчив, я перевожу взгляд на Марселу, которая самодовольно улыбается.

Пришло время закончить эту небольшую эмоциональную долгоиграющую войну, которую ведут они с Нэйтом.

— Знаешь, — говорю я, задумчиво постукивая по подбородку. — Целая индейка — это много для четверых. Почему бы нам не пригласить еще кого-нибудь?

Ее брови взлетают вверх, когда она понимает, к чему я клоню.

— Нет... — начинает она.

— Нэйт! — окликаю я. — Ужин с индейкой у меня дома. Вы с Селестией приглашены.

Он как раз полирует серебро, и я вижу, как изгибаются уголки его губ.

— Ни за что это не пропущу, — отвечает он.

Я широко улыбаюсь Марселе.

— Дело решенное. — Я максимально стараюсь притвориться, что меня не пугает ее убийственный взгляд. — Ты обслужишь их? Моя смена закончилась.

Она бежит за мной на кухню, когда я надеваю куртку.

— Зачем ты это сделала? — вопрошает она. — Пытаешься стать королевой ужасных

ужинов?

— Может, я пытаюсь повзрослеть, — отчеканиваю я, меняя балетки на резиновые сапоги. Погода, наконец, потеплела на пару градусов, снег быстро превращается в слякоть, лужи и мокрую траву. — Если через три недели ты на пару часов не сможешь сымитировать отношения с Келланом, то почему бы просто не отказаться от них?

— Это не липовые отношения!

— Невероятно липовые. Если бы это он встречался с Селестией, ты бы и глазом не повела.

Она гримасничает.

— Он никогда бы не встречался с ней.

— Да, потому что запомнил ее имя.

— Что?

Я качаю головой.

— Не обращай внимания. Делай заметки, пока будешь в Мехико, ведь скоро тебе придется начинать индейку.

Она закатывает глаза и фыркает, когда я ухожу, направляясь к Кросби, ждущему у входа, и прощаюсь с Нэйтом. Утренний дождь утих, хотя облака по-прежнему серые и тяжелые, отчего кажется, что сейчас не три часа дня, а гораздо позднее.

— Готов к завтрашней лабораторной по химии? — спрашиваю Кросби, переступая через особенно большую лужу. Он пришел ко мне прямо после занятий, так что без машины.

— Надо будет поработать над ней еще пару часов.

— Серьезно? Так много?

Он пожимает плечами.

— Хочу сделать ее хорошо. — Он занимался в «Бинс» последние три часа, пока я работала, заставляя Нэйта, Марселу и меня опрашивать его по каждому просмотренному им разделу.

— Ты справишься, — заверяю его. — У меня такое чувство, что теперь даже я знаю все о делении клеток.

— Да, — говорит он, поддевая меня локтем. — Но ты — ботан.

— Уж лучше это, чем быть девушкой, которая лишилась стипендии и вынуждена была вернуться домой, чтобы работать на бензоколонке всю оставшуюся жизнь.

— Быть не может, чтобы ты была так плоха.

— Было не очень хорошо.

— Расскажи.

Я шумно выдыхаю.

— Ну это с какой стороны посмотреть. У меня все было нерадушно. — Вспоминаю тот момент, когда мои оголенные коленки освещает свет фонарика, в то время как я голая присела за баком с компостом. Момент нестерпимого стыда, когда я подняла глаза на обнаружившего меня полицейского.

— Что плохого? — напирает он. — Получила В-? Потому что я могу получить эту оценку в любой момент.

— Ха, — хмыкаю я. — О В- можно было мечтать. Я пропустила много занятий, очень много пила, делала дурацкие вещи.

— Да? — он выглядит заинтригованным. — Например?

Пытаюсь скрыть свое передергивание. Мы ходили на одни и те же вечеринки.

— Просто... — Я не хочу говорить о студенческих вечеринках. Не хочу говорить о совершенных там ошибках, об одной в частности. — Меня арестовали, — брякаю я. Если у меня будет виноватый голос, он решит, что это из-за того, что я стыжусь ареста — и это правда. Но делаю я это с единственной целью отвлечь его от истинной причины моего чувства вины.

Кросби замирает как вкопанный.

— Повтори?

Я потираю рукавицей подбородок.

— Ты меня слышал.

— Нору Кинкейд арестовывали? За что? Подожди. — Он вскидывает руку, когда я начинаю отвечать. — Дай угадаю. Хм. Воровство в магазине?

— Нет.

Мы продолжаем путь, а он задумывается.

— Вандализм?

— Нет.

— Похищение собаки?

— Ты правда обо мне такого мнения?

— Сказать по правде, Нора, мне плевать, что ты сделала, я завожусь от одной мысли о тебе в оранжевом комбинезоне.

Я неволей смеюсь.

— Замолкни.

— Ладно. Что ты сделала?

Я вздыхаю и поднимаю два пальца.

Он ахает.

— Тебе арестовывали дважды?

— Один раз. Два обвинения.

Он закрывает лицо ладонями.

— Нора! — он буквально визжит от радости.

— Не говори Келлану, — сурово говорю я. — Никому не рассказывай.

— А кто знает?

— Мои родители. Декан. Офицер пробации, который мониторил мои общественные работы.

— Становится все интереснее.

— Однажды ночью в мае... — я стараюсь не рассмеяться, глядя на энтузиазм Кросби. Сколько бы ни проигрывала в голове ту страшную ночь, я ни разу не считала ее забавной. Но полагаю сейчас я могу посмотреть на нее с его позиции. Я прочищаю горло.

— Утром я узнала, что провалила два из пяти предметов и была на грани провала остальных трех. Чтобы подбодрить меня, Марсела предложила отправиться на вечеринку, о которой она слышала. Конечно, целью была не сама вечеринка, а бесплатная выпивка. Мы пили всё, до чего дотягивались, танцевали и вели себя как идиотки.

— Или студенты колледжа.

Я печально улыбаюсь. Мои родители определенно не рассматривали это в таком ракурсе.

— В общем, мы решили, что нам просто позарез нужно съесть пончики, и ушли с вечеринки, чтобы отправиться в «Бинс». У Марселы были ключи, и мы знали, что к тому

времени Нэйт уже все закрыл, так что мы отправились в город. Потом осознали, что Мэйн-Стрит была абсолютно безлюдной. Еще не было и одиннадцати часов, но на улице никого не было. Вот мы и решили заняться стрикингом¹⁷.

У Кросби отваливается челюсть.

— Нагишом?

— Да. Мы прямо там же скинули всю одежду... — я указываю на парикмахерскую в углу позади нас, — и побежали на другой конец улицы так быстро как могли.

— И вы были голышом? Обе вместе?

— Ну вместе мы были лишь первые пару кварталов, а потом Марсела наступила на камень и остановилась, а я побежала дальше. — Я делаю паузу. — Затем приехала полиция. Мы обе спрятались, но нашли они только меня. Я пряталась за баком с компостом у магазина бытовой техники...

Кросби смеется так громко, что не уверена, в состоянии ли он меня слышать.

— Полицейскому пришлось достать одеяло из багажника, чтобы я могла устроиться в нем на заднем сиденье. Они нашли нашу одежду, тем самым поняли, что нас было двое, и он продолжал спрашивать, где пряталась моя «подруга». Я сказала, что не знаю, и в итоге меня отвезли в полицейский участок.

— И тебе предъявили обвинения?

— Я была единственным человеком в камере! Им ничего больше не оставалось.

Он перестает имитировать, будто просто гуляет, складывается вдвое, опираясь на бедра, и громко хохочет до слез. У моих родителей была совершенно другая реакция.

— В общем, — чопорно продолжаю я, — они обвинили меня по двум статьям: пребывание в состоянии опьянения в общественном месте и непристойном поведении.

Теперь уже он опускается на колени на мокрый тротуар и ржет до усрачки.

— Мне присудили триста часов общественных работ, и я была вынуждена собирать мусор по обочине шоссе все лето. Именно поэтому я осталась в Бернеме.

Я пинаю его, когда он не прекращает смеяться, наконец он приходит в себя и смотрит на меня почти с обожанием.

— Теперь ты мне нравишься еще больше, — говорит он, медленно поднимаясь на ноги.

— Забавно, а ты мне нравишься гораздо меньше.

— Я хочу сказать, только не пойми меня превратно — мне правда нравится Нора, одетая в кардиган и одержимая библиотекой, которая не прыгает на кровати, но эта... Что ж, мне нравится преступная часть тебя. Это горячо.

— Прекрати.

— Я серьезно, и ее также лицезрел полицейский департамент Бернема...

— Кросби!

Он дразнит меня весь оставшийся путь до квартиры, даже если это означает пройти мимо дома братства, куда он должен был позже вернуться. Мы еще не на той стадии, чтобы проводить вместе каждую ночь, а я в любом случае не готова оставаться на ночь в его общаге.

— Помни, — говорю я, вставляя ключ в замок. — Ни слова Келлану. Это секрет.

— Понял. — Он изображает, как застегивает рот на замок. — Сверхсекретно.

Неожиданно дверь распаивается и появляется Келлан.

— Что за секрет?

— Как долго ты ждешь? — восклицаю я.

— Я увидел вас в окно. Входите, хочу вам кое-что показать.

Мы с Кросби обмениваемся недоумевающими взглядами, но входим вслед за ним, разуваемся и поднимаемся по ступенькам в гостиную... в которой Келлан установил гигантский мольберт с огромным листом бумаги, на котором напечатаны числа от сорока до пятидесяти и соответственно одиннадцать строк для записи: семь с фактическими именами и четыре, с описанием. У меня в мозгу вспыхивает стена в том туалете, последний раз, когда я ее видела строчки сорок один и сорок два были пусты. А сейчас сорок два значилось *Минет на вечеринке «Майское Сумасшествие»*, а сорок один — *Красный корсет*.

Блин. Я. *Красный Корсет*.

— Что это? — спрашиваю я, стараясь скрыть свой ужас.

— Я отсеял с шестьдесят второй по пятьдесят первую, — отвечает Келлан. — Они все чисты. Это следующая десятка.

— Хорошая работа, — говорит Кросби, изучая список. — Ты делаешь успехи. — Он тыкает на надпись с минетом. — Я забыл об этом.

— Я тоже, — отвечает Келлан, будто это что-то совершенно обычное. Будто минет на глазах у кучки твоих друзей — это нечто в порядке вещей. — Я бы и не вспомнил, если бы она... — номер сорок три, *Карина (брюнетка)*, — не напомнила о нем, когда мы перепихнулись через неделю. Тогда-то я и вспомнил, что как раз до минета была цыпочка в чулане.

Я хочу умереть.

— В чулане или в корсете? — спрашивает Кросби, щурясь на надпись.

— Оба. Я трахнул ее в чулане и на ней был красный корсет. Помню, что смотрел, как прыгают ее сиськи, пока мы трахались.

— Это горячо.

— Было бы еще жарче, если бы я мог вспомнить ее лицо. Я был так пьян, чувак. Продул в финале, и тренер назначил мне испытательный срок в команде... Я просто делал все возможное, чтобы забыться.

Кросби, кажется, совершенно не волнуют его объяснения.

— Похоже, это сработало.

Я стараюсь не блевануть. Ужасно тошнотворно наблюдать как твой сосед и бойфренд обсуждают твой самый прискорбный половой акт, будто он ничего не значит. Будто *ты* ничего не значишь. Что, если судить по *Красному Корсету*, совершенно справедливо.

Кросби достает свой телефон и, бормоча, пролистывает список.

— У тебя есть контактная информация кого-нибудь из них? У меня где-то здесь может быть телефон Карины.

Я резко вскидываю на него взгляд.

— Чувак, — шепотом окликает Келлан.

— Что? — до него наконец доходит. — У нас общая лаборатория по химии, — поспешно произносит он. — Вот и все.

— Ну да.

Келлан пытается сменить тему.

— Я почти уверен, что Сюзанна по-прежнему работает в «Слинг». Завтра могу заскочить туда.

Имя Сюзанны фигурировало с приписанной пометкой: *Пахнет как картошка фри*. «Слинг» — грязноватая забегаловка на кампусе, известная тем, что подает ночной завтрак

пьяным гулякам. И, возможно, ИППП. Некрасиво конечно с моей стороны, но надеюсь, что это она. Тогда розыск закончен, и *Красный Корсет* останется в чулане в прямом и переносном смысле, потому что сейчас, когда я думаю о нем, то точно знаю, где находится эта безвкусная вещичка.

— А у *Фиолетовые Волосы* все еще такие волосы, и она сидит на передней парте в моем классе английской литературы, так что я могу поговорить с ней в пятницу, — размышляет Келлан. — Если конечно это не другая девушка с фиолетовыми волосами. Я никогда настоящему не смотрел на ее лицо.

— О, боже мой, — бормочу я, проводя руками по пылающим щекам. — О, боже мой, Келлан. Ты хоть *когда-нибудь* смотришь на их лица? Когда-нибудь спрашиваешь их имена? Хоть раз? Это что, не важно? Неужели они на самом деле так мало значат, что ты не можешь вспомнить больше чем цвет их волос, или что они пахнут жиром, или что делали тебе минет на вечеринке? Для тебя действительно все так примитивно?

Он выглядит испуганным.

— Нора, — Кросби кладет ладонь на мое предплечье. — Успокойся. Это...

Я отшатываюсь.

— Почему ты не замечаешь, сколько их номеров у тебя в телефоне, Кросби? У тебя есть номер *Блестящей зеленой блузки* или *Парковки у Продуктового магазина* или *Ходит чуть прихрамывая*?

— У меня нет...

— Я имею в виду, они же люди, вы козлины! *Минет на вечеринке «Майское Сумасшествие»*? Это человек! *Красный Корсет*? Это тоже человек. У них есть имена и чувства, а еще чертовски бесит слушать, как вы говорите о них, будто они не имеют значения.

— Это...

Я смахиваю с глаз злые слезы.

— Может, для них это важно. Может, им это понравилось. Может, они ненавидели это. Может, они об этом сожалеют. А, возможно, это намного больше, чем какая-то тупая игра или стена в туалете или какой-то список в моей гостиной.

— Нора, мы...

— Я не могу, — говорю я. — Не могу на это смотреть. Не могу смотреть на вас. — Я влетаю в свою комнату и закрываю дверь, прижавшись к ней спиной, прежде чем осесть на ковер. Это слишком, чтобы сохранить спокойствие. Слишком, чтобы оставить прошлый год позади. Я так старалась не быть той безымянной, что была в старшей школе, той незаметной девчонкой, прячущейся за мешковатой одеждой и спутанными волосами. И вот к чему пришла — прячусь за кардиганами и библиотечными книгами, даже близко не приблизившись к тому, чтобы узнать, кто, черт побери, я на самом деле. *Красный Корсет* — самая восхитительная девушка, которой я когда-либо была, и все что я получила — встречи с деканом дважды в месяц, триста часов общественных работ и нахождение в нелестном списке сексуальных походов Келлана МакВи «Не она ли осчастливила меня гонореей?».

Потираю ладошками глаза, заставляя взять себя в руки. Едва мне это удастся, как раздастся робкий стук в дверь. Она медленно приотворяется и в проеме показывается голова Кросби, обнаруживающего меня на полу.

— Хэй, — тихо говорит он.

— Мне жаль, — бурчу я, сцепляя пальцы. Жаль, что ты думаешь, будто «смотреть, как

трясутся ее сиськи, пока мы трахаемся» — это горячо. Жаль, что я *Красный Корсет*. Жаль, жаль, жаль.

Он подсаживается ко мне на полу.

— Тебе не нужно извиняться. Все, что ты мне рассказала на улице — имею в виду, я думал, что это забавно, но если это на самом деле тебя огорчает, то я больше не буду об этом шутить. Ты ведь явно коришь себя за те вещи и, возможно, ты права. Вероятно, все девчонки в том списке сожалеют, что попали в него. Уверен, одна уж точно сожалеет.

У меня спирает в горле, пока он не поясняет:

— Девушка с гонореей.

Чуть не хвативший меня сердечный приступ отступает.

— Ой. Верно. Она.

— Я также собираюсь попросить закрасить мое имя в здании Союза Студентов. Вся эта бессмысленная хрень не стоит того, чтобы ей хвастаться. Лучшая девушка, которую я когда-либо знал, сидит сейчас рядом со мной, и я скорее умру, чем увижу ее имя в каком-то из подобных списков.

Я готова вновь расплакаться.

— В *моем* списке, — добавляет он, делая только хуже. — Как плохо это будет?

Я не могу говорить, поэтому просто качаю головой.

— У нас все в порядке? — спрашивает он. — Я не хочу уходить, если это не так.

— У нас все в порядке, — бормочу я. — Я просто устала.

— Конечно. От этой серости в погоде люди впадают в депрессию. Я видел об этом сюжет. Ты знаешь, что продаются специально разработанные лампы, чтобы восполнять в организме витамин Д?

— Знаю.

— Нам нужно купить тебе такую?

Я непроизвольно смеюсь.

— Завтра я буду в порядке. Мне нужно просто поспать.

— Конечно. — Он склоняется и целует меня в лоб. — Поправляйся.

— Спасибо.

Он встает, чтобы уйти, но, уже положив руку на ручку двери, произносит:

— И пожалуйста, не убей Келлана во сне. Порой он придурок, но он мой лучший друг. Мне бы не хотелось помогать закапывать его труп.

— Я тебя слышу, — доносится голос Келлана из гостиной. — И просто для сведения, я держу булаву под подушкой.

* * *

Два тридцать ночи, а мне все не спится. В какой-то момент я решаю выйти из комнаты и извиниться перед Келланом, который пообещал держать мольберт повернутым к стене в углу гостиной, словно тот наказан. Однако сейчас меня гложет и не дает заснуть вина совершенно другого рода.

Как ни стараюсь, но стоит мне закрыть глаза, каждый раз вижу дурацкий красный атласный корсет, который затянут так туго, что я не могу вдохнуть полной грудью. В сочетании с кожаной мини-юбкой и скелетонами Марселы, я думала, что представляю собой эталон высокой моды. Уж определенно не невидимку, чья фотография в ежегоднике старшей школы — это большой знак вопроса, после того как в школе случайно потеряли мое фото и обнаружили это лишь за час до отправки ежегодника в печать.

Я клялась себе, что это неважно. Что я проявлю себя в колледже, буду кем-то, кого люди запомнят. Потому что сказать по правде, уверена, что лишь немногие из моих одноклассников узнали бы меня по фото, даже если бы я *появилась* в ежегоднике.

Оказывается, быть запоминающейся не так уж просто.

Переворачиваюсь на бок и таращусь на погруженный в темноту шкаф. Знаю, это все мои выдумки, но готова поклясться, что вижу, как этот красный корсет подмигивает мне, отражаясь в отсвете лунного света, пробивающегося через щелочку в занавесках. На улице завывает ветер, пророча очередную бурю. Несмотря на дрожь, я сажусь в кровати и свешиваю ноги на пол, включаю прикроватный ночник и спешу к шкафу. При переезде я закинула все свои... самые безвкусные наряды в дальний угол, надежно похоронив за скучным новым гардеробом из джинсов, маечек и кардиганов. Теперь же я роюсь в этой кипе, находя мини-юбки и блестящие топы, убийственно крошечные обрезанные шортики в паре с неоноворозовым бикини, надетых мной на вечеринку у бассейна, где мое присутствие, скорее всего, никто не помнит.

И там, в самой глубине шкафа, лежит корсет. Ярко-красный маяк вины, который нельзя позволить найти ни Кросби, ни Келлану. Я раздумываю над тем, чтобы оставить его там, где он есть, ведь никогда в жизни никто не будет копаться в моем шкафу. Затем решаю вооружиться ножницами и разрезать его на такие крошечные кусочки, что даже если их кто-нибудь найдет, то не сможет понять, что это было. Но в итоге останавливаюсь на гораздо более смешном варианте и кладу корсет в продуктовый мешок, натягиваю сапоги и куртку и бегу два квартала вверх и два квартала влево от дома на совершенно случайную улицу, пока не дохожу до мусорного бака. Приподнимаю ранее кем-то выброшенный мусорный пакет и засовываю корсет под него, надежно замаскировав и накрыв сверху крышкой.

Глядя на бак, я тяжело дышу, гадая, так ли себя чувствуют люди, пряча тело: чуть спокойно, немного гадливо и безмерно виновато.

Глава семнадцатая

День Благодарения проходит на удивление спокойно. Покупаю себе бургер с индейкой в «Хеджхог» и съедаю его за просмотром реалити-шоу по ТВ, упиваясь осознанием того, что следующие пару дней квартира будет полностью в моем распоряжении. Я с этим дурацким мольбертом. Периодически я поглядываю на него, задаваясь вопросом, могу ли что-нибудь сделать, чтобы поспособствовать. Может, поменять *Красный корсет* на *Красные волосы* или оторвать нижний край листов, срезав тем самым номер сорок один, и тогда некого будет идентифицировать. Или, может, сжечь его до основания и сказать, что мы подверглись акту вандализма.

В текущей группе мы сузили количество имен до пяти оставшихся. Келлан определил всех от сорока до пятидесяти за исключением загадочного и абсолютно забытого *Красного Корсета* и работает над тем, чтобы придумать, как связаться с оставшимися счастливицами. Две из них — канадские туристки, которых он повстречал летом. Он полагает, что взял у одной из них мейл, пока проводил им «тур» по южной Калифорнии, а сейчас, находясь дома на День Благодарения, планирует покопаться в своих вещах и постараться найти еще какие-нибудь зацепки.

Как бы ни хорошо находиться в тишине, мне одиноко. Я не скучаю по запаху сыра или непрекращающимся взрывам из телевизора, но скучаю по соседу, и мне не хватает

бойфренда. Моего *первого* бойфренда. Мы с Келланом друзья на Facebook, и я улыбаюсь, глядя на фотографии из поездки команды, в основном на них изображены парни, дурачащиеся и строящие рожи в автобусе, бегущие с голым задом к ледяному океану или творящие неприличные вещи со взбитыми сливками. У Кросби нет своего аккаунта, но его фотки там тоже присутствуют, выглядит он на них таким же красавцем, как всегда.

Добираясь в пятницу вечером домой после работы, я более чем готова к возвращению парней. Я улыбаюсь, крутя педали вверх по нашей улице и замечая свет в нашей гостиной. Подняв велосипед по ступенькам и затащив внутрь, обнаруживаю сидящего на диване в одиночестве Кросби.

— Хэй, — приветствую я, оглядываясь по сторонам. В комнате Келлана темно. — Где Келлан?

Кросби встает и направляется ко мне.

— Это важно?

— Он... уфф! — я забываю свой вопрос, когда Кросби прижимает меня к стене и целует, будто я не единственная кто соскучился на этой неделе.

— Что ты говорила? — переспрашивает он, отстранившись, чтобы перевести дыхание.

Я вожусь с молнией на моей куртке, пытаюсь ее снять. Пытаюсь снять всю свою одежду.

— Нас... могут... прервать?

Кросби приседает и упирается плечом мне в живот, вскидывает и уносит в мою спальню под аккомпанемент моего визга. Я ему не ровня в любом положении, а уж в таком и подавно. К счастью мне недолго приходится находиться в таком положении, так как он бросает меня на кровать и быстро накрывает своим телом.

— Это все, что ты хочешь сказать? — спрашивает он, стягивая мои леггинсы и помогая освободиться от обуви. — Меня не было целую неделю, а ты хочешь спросить о Келлане и помехах?

— Эм... — Я занята расстегиванием пуговиц на его рубашке и параллельно ломаю голову, стараясь придумать правильный ответ. Наконец я решаюсь: — Ты победил?

Он роняет голову на изгиб моей шеи и смеется. Я ощущаю, как его торс трясется на мне.

— Ты должна бы сказать: «Кросби, мне тебя не хватало. Жизнь без тебя была совсем другой. Я испытываю такую нужду, Кросби».

Теперь смеюсь я.

— Я испытываю такую *нужду*?

Он скидывает с себя рубашку.

— Ладно, Кинкейд, ты этого не заслуживаешь, но я думал об этом всю неделю и собираюсь показать тебе фокус.

Все разогнавшиеся было в моей крови гормоны пришли в ступор. Я поддерживаю интерес Кросби к магии и даже получаю удовольствие от его иллюзий, но в данный момент мне совершенно не хочется их наблюдать.

— Э-э... прямо сейчас?

— Да, сейчас.

Я вздыхаю.

— Это включает в себя твой пенис?

— Типа как я сделаю так, что он исчезнет в тебе?

Я улыбаюсь, хотя и закатываю глаза.

— Да.

— Нет, Нора, — говорит он сурово. — Это биология, а не магия. Зато это может объяснить, почему ты чуть не вылетела в прошлом году.

Я смеюсь.

— Замолчи.

Он опускается на колени у меня между ног и снимает свои боксеры, теперь мы оба полностью обнажены. Мы занимались этим уже несчетное количество раз, но лицезреть его широкие плечи, рельефные мышцы его груди и живота, и да, его член с каждым разом все приятнее.

Его взгляд проходит по каждому оголенному дюйму моего тела, оставляя за собой полосу охваченной мурашками кожи.

— Иди сюда, — я тяну его за руку. — Я хочу тебя.

— Я серьезно говорил о фокусе, — мурлычет он и позволяет притянуть себя для поцелуя, но задерживается у моего рта лишь на мгновение, прежде чем его пальцы переплетаются с моими, и он поднимает руки мне над головой. — Держи их там, — велит он, медленно оставляя дорожку из поцелуев вниз к моей шее, минует ключицу и спускается ниже. Готова поклясться, что он ощущает резкий удар моего сердца в момент, когда я осознаю, что он задумал сделать, и извиваюсь от волнения и возбуждения. В прошлом году у меня было два непримечательных опыта с этим, оба длились по ощущениям десять очень неудовлетворительных секунд.

— Знаешь, — говорит Кросби непринужденно, погружая свой язык в мой пупочек, прежде чем скользнуть еще ниже, — когда мы впервые занимались этим, ты сказала, что все было странно.

— Мы никогда этого не делали. — Отвечаю я, затаив дыхание, мои ноги разводятся сами собой по настоянию его больших рук.

— В смысле, сексом, — поясняет он. — В первый раз, когда я взглянул на тебя прямо сюда. — Он проводит пальцем прямо к моим складочкам, а затем ныряет внутрь.

Теперь я вспомнила. От этого все еще немного стыдно, но совсем другое, когда это кто-то знакомый. Кто-то тебе не безразличный и кому не безразлична ты.

— Все еще странно? — спрашивает он. Я ощущаю, как его дыхание касается чувствительной кожи, горячей, влажной и сжимающейся вокруг его нежно поглаживающего пальца.

— Поспешి.

Он смеется.

— Ответь.

— Только что это сделала. Поспеши.

— Что тебе нравится?

Я стону.

— Кросби.

— Что?

— Я не знаю. Просто сделай что-нибудь.

Проходит секунда, прежде чем до него доходит.

— Ты делала это раньше?

Я сглатываю и плююсь в потолок, гадая как бы получше сформулировать ответ. Едва ли мне хочется говорить о других парнях, когда голова Кросби склонена у меня между ног.

— Не особо успешно, — наконец выдаю я.

— Ах. Что ж, Нора, давай посмотрим, ждет ли меня успех там, где другие потерпели неудачу, ладно?

Я так сильно смеюсь, что задеваю его по подбородку.

— Ты такой дуралей.

Он отвечает тем, что вытягивает палец, разделяя мои складочки, зарывается языком прямо в сердцевину и кружит им вокруг моего клитора. Я сразу же перестаю смеяться.

— Что ты там говорила? — небрежно спрашивает он. — Поспешить? — Он ласкает меня языком быстро и с нажимом, а я извиваюсь, пока не достигаю момента, когда больше не могу этого терпеть и тогда отталкиваю его голову.

— Помедленнее, — выдыхаю я. — Теперь помедленнее.

— Хмм... — Он снова ласкает меня, на этот раз убийственно медленно. Ласкает везде. Внутри, снаружи и повсюду вокруг.

Я приподнимаю голову и наблюдаю, как он стоит на коленях, мои ноги закинута ему на плечи, а его взъерошенные волосы отливают темным, контрастируя с бледной кожей моего живота.

— Кросби, — шепчу я.

Он поднимает голову, его рот влажный, а глаза сверкают, когда встречаются с моими.

— Еще какие-нибудь пожелания?

Моя голова откидывается на подушку.

— Пожалуйста, больше не останавливайся.

Он посмеивается и целует меня, чуть прикусывая мою самую деликатную плоть.

— Хочу, чтобы ты кое-что сказала, — говорит он.

Я нарочито вздыхаю и тянусь, чтобы погладить его по плечу.

— Спасибо, что показал свой «фокус», — покорно произношу я.

Он опять смеется и вводит в меня два пальца, действуя ими на ощупь, пока не находит то, чего искал. Мои бедра непроизвольно дергаются, но он к этому готов, свободной рукой он давит на мой живот и удерживает на месте.

Я пишу.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? — молю я, извиваясь под его коварными пальцами.

— Скажи «Кросби, отведай мою киску».

Я вскидываю голову.

— Я не могу этого сказать!

— Почему нет? — Он удерживает мой взгляд, в то время как медленно ласкает языком мой клитор.

У меня в глазах мольба.

— Это... Это не...

— Это не то, чего ты хочешь? — Он останавливается, моргая с наигранным беспокойством.

— Ты знаешь, что это именно то, чего я хочу!

Он переводит взгляд на мою киску, его пальцы все еще терзают меня.

— Да, знаю. И хочу услышать это от тебя. Ну же, Нора. Это меня заводит.

Я приподнимаю ногу, чтобы слегка пнуть его по руке.

— Ты уже заведен.

— Хорошая попытка.

— Кросби. Пожалуйста...

— Еще три слова, — говорит он, перемежая каждое слово очередным мучительным поцелуем. — Ты очень близка. — Я настолько близка, что если бы он произнес шесть слов, то вероятнее всего бы кончила.

Я прикрываю глаза руками, чувствуя ладонями свою разгоряченную кожу.

— Отведай мою киску, — поспешно говорю я.

— Нора, — стонет он, вновь приступая к работе своим одаренным ртом. — С удовольствием.

* * *

— Так все серьезно? — спрашивает Марсела, когда мы делаем пончики в среду. — Вы влюблены?

— Что? — я сконцентрирована на том, чтобы опустить тесто в жаровню, не обрызгавшись при этом. — Нет, мы не влюблены. Прошел всего лишь месяц.

— Ты кажешься счастливой.

— Так и есть.

— И он тоже.

— Конечно, ведь он со мной.

Я устанавливаю таймер и разворачиваюсь к Марселе, которая пристроилась у дезинфектора, прихлебывая кофе со льдом.

— А что насчет тебя? — спрашиваю я.

— А что насчет меня?

— Как Келлан?

Она пожимает плечами.

— Хорошо.

— А Нэйт?

Она хмурится и прикусывает соломинку.

— Они с Селестией отправились срубить Рождественское дерево для ее квартиры. Поэтому он не работает.

— Они выбрали подходящий день. Уже и не припомню, когда последний раз мы видели солнце.

Она еще сильнее мрачнеет.

— Знаешь, чем мы занимались с Келланом прошлой ночью?

— Пожалуйста, не рассказывай.

— Два часа искали в Facebook незнакомцев, пытаюсь найти туристок, с которыми он перепихнулся этим летом.

— Это так романтично?

— Мне не нужна романтика.

— Тогда ты с нужным парнем.

— В прошлом году и тебе она не была нужна. Ты просто хотела веселиться и ни о чем не заморачиваться.

— Да. Но всему пришел конец, когда меня арестовали.

Она старается не рассмеяться, но безуспешно.

— Я знала, — произносит она через секунду.

Я начинаю вылавливать пончики и выкладывать их на металлический противень.

— Что меня арестуют?

— Что это был Нэйт.

— Ты о чем?

— В прошлом году. Тайный поклонник. Я сразу поняла, что это был он.

Я останавливаюсь и с удивлением смотрю на нее.

— Правда?

— Да. Я просто... не хотела этого. В смысле, это было мило, но никто не мечтает приехать в колледж и остепениться, понимаешь? А Нэйт именно такой парень. Он из тех парней, кто рубит собственное Рождественское дерево.

— Ты сказала, что *не хотела* этого, — говорю я спустя мгновение. — В прошедшем времени. А как насчет сейчас?

Она вздыхает и допивает свой напиток, затем убирает пустой стакан в раковину.

— А теперь уже слишком поздно.

— Для чего слишком поздно?

Мы обе резко разворачиваемся и видим Нэйта, стоящего у черного входа и одетого для рубки дерева в приталенное клетчатое пальто, тяжелые ботинки и узкие джинсы. Ну, наряд вполне подходящий для рубки деревьев. Он подходит к раковине и совершенно непринужденно начинает мыть руки.

Мы с Марселой переглядываемся, и я медленно качаю головой. Он не расслышал нас.

— Пончики, — в конце концов произносит Марсела. — Мы забыли о двух, и они подгорели.

— А-а, — Нэйт вытирает руки бумажным полотенцем и подходит проверить жаровню, в которой у меня на самом деле остались погибать два пончика. — Ну же, Нора, — упрекает он. — Еда стоит денег.

— Прости, босс. Что ты тут делаешь?

— Мы раздобыли дерево. Я просто заскочил прихватить напиток для Селестии.

Мы с Марселой обе закатываем глаза.

— Все не так уж и плохо, — протестует он, пока мы провожаем его взглядами в зал. В кафе никого, так что мы устраиваемся за стойкой, когда он начинает готовить пену из низкокалорийного молока.

— А почему она не зашла? — спрашиваю я. — Боится, что кто-то сопрет ваше дерево?

Его губы изгибаются в усмешке.

— Вряд ли.

— Тогда в чем проблема?

Он многозначительно смотрит на Марселу.

— Ты действительно хочешь знать?

Марсела скрещивает на груди руки, обидевшись.

— Из-за меня? Я любезна с ней!

— Никто никогда и ни за что не скажет, что ты «любезная» с Селестией, — отвечает он. — Едва сдерживаемое кипящее негодование — будет более точным определением.

— Она носит мех круглый год! Это подозрительно.

— Или, может... — Он аккуратно переливает напиток в стаканчик «на вынос». — Может, она хочет носить мех, поэтому просто его носит.

— В этом даже нет смысла.

Нэйт ничего не отвечает, проходит через вращающиеся двери в кухню, подняв руку в прощальном жесте.

Марсела разворачивается ко мне.

— Он все слышал.

— О чем ты?

— «Она просто его носит?» Это явно шпилька в мой адрес, ведь я не «ношу мех»!

— Тебе не кажется, что ты слегка преувеличиваешь, совсем чуть-чуть?

Центральная дверь распахивается и в зал wpłyвает та же группа моделей из каталога, которая зачастила в кофейню с тех пор, как Кросби стал проводить тут время. На них восхитительные полупальто пастельных тонов и крошечные шапочки с помпонами, а их мудреные заказы на напитки вгонят в краску даже Селестию. Уже и Марсела ворчит, приступая к работе.

— Здесь что-то тихо, — отмечает одна из девушек. У нее невероятно прямые волосы платинового цвета, которые буквально мерцают на фоне лимонно-желтого пальто.

— Спокойный день, — соглашаюсь я, передавая ей полусладкий молочный мокко с миндалем.

— Где Кросби?

Я отдаю ей сдачу, и она бросает доллар в банку с чаевыми.

— Не знаю.

— Хммм. — С мгновение она изучает меня, затем возвращается к своим подругам за столиком в углу.

— Что это было? — Марсела спрашивает себе под нос.

— Такое бывает, — отвечаю я, стараясь не звучать обеспокоенной.

— Что бывает?

— Люди. Даже после того как мы стали встречаться с Кросби в открытую, похоже, люди наблюдают за нами, сплетничают и все такое.

— А декан знает?

— У нас встреча на следующей неделе. Если у меня хорошие оценки и ни за что не арестовали, то проблем возникнуть не должно.

— Верно. До тех пор, пока он не продемонстрирует тебе фотографию твоего имени на стене в туалете здания Союза Студентов и не спросит, какую часть бесед о сексе ты не поняла.

У меня замирает сердце.

— Ты о чем? Мое имя...

— Эй, — она вскидывает руки, сдаваясь. — Это была шутка. Прости.

Я делаю глубокий вдох.

— Это неважно, — говорю я твердо. — Потому что это другое. У нас по-другому. Я не «Кросбаба».

Она гладит меня по предплечью.

— Я знаю.

Но мое отрицание звучит неубедительно даже для меня, и слова все еще крутятся в моей голове, когда в восемь часов мы закрываем кофейню и я обещаю себе, что покачу прямо домой, хотя и выбираю маршрут, который через полчаса приведет меня к зданию Союза Студентов.

Пристегнув свой велосипед, я быстрой походкой пересекаю практически пустой вестибюль, стараясь вести себя непринужденно. Пока поднимаюсь на лифте, пульс стучит у меня в висках, и я думаю только о том, что увижу свое имя в списке, чем по дурости гордилась бы в прошлом году и что ужасает меня сейчас. Потому что мое заявление было

правдой: я изменилась. У нас по-другому.

Толкнув дверь в туалет и никого там не обнаружив, я шмыгаю прямо в кабинку, в которой отслеживаются списки команды. Мои пламенные молитвы о том, чтобы стену покрасили, не были услышаны и стена предстает в том виде, какой я ее помню.

Я выдыхаю и через силу пробегаю взглядом по именам в списке Кросби, пока не дохожу до самого конца. Никакой Норы Кинкейд.

Затем я пересматриваю еще раз.

Может, моего имени там и нет, но в мое последнее посещение список Кросби насчитывал двадцать пять имен. А теперь в нем двадцать восемь. И все они совпадают с датами их недельной групповой поездки.

Я отшатываюсь, шокировано глядя на список. Часть меня считает, что он не мог бы такого сделать, а другая часть полагает, что определенно сделал бы. Особенно после моего эмоционального взрыва за два дня до его отъезда. Я мысленно возвращаюсь к ночи, когда он приехал и показал мне тот «фокус» — было ли это извинением?

У меня начинает дрожать нижняя губа, и я стараюсь сдержать слезы. «Он бы этого не сделал», говорю я себе, выбегая из туалета и несясь вниз по лестнице, слишком разгневанная и сбита с толку, чтобы дожидаться лифта. Я вспоминаю его реакцию в тот вечер, когда он пришел и увидел, как мы с Келланом садимся ужинать — он бы не сделал ничего такого, чтобы я чувствовала себя подобным образом. Не сделал. Мы не влюблены, но и не чужие друг другу.

Мы находимся, или находились, на пути к чему-то лучшему.

Мой мозг вновь пытается направить меня домой, но сердце и ноги несут прямо к дому братства. Я бросаю велик на лужайке перед зданием, несусь вверх по ступенькам и громко стучу. Без солнечного тепла ночи темные и холодные, я дрожу и переминаюсь с ноги на ногу, пока ожидаю. Наконец Дэйн открывает дверь и, увидев меня, расплывается в улыбке. Я никогда не ночевала тут, но бывала пару раз с тех пор, как мы с Кросби начали встречаться, и парней, похоже, скорее забавляли наши отношения, чем докучали.

— Хэй, Нора, — приветствует он.

— Привет, Дэйн. Он тут?

— Да. У себя.

— Спасибо, — коврик перед дверью, конечно же, отсутствует, так что я вытираю ноги, как могу, и спешу вверх по лестнице, стараясь успокоиться. Я буду рациональной. Буду терпеливой. И если он не изменил мне с тремя девчонками на прошлой неделе, то буду в полном порядке. Потому что в противном случае...

Тогда я ничего не понимаю.

Все двери на втором этаже затворены, и когда я дергаю дверную ручку в комнату Кросби, та заперта. Я слышу знакомый стрекот эллиптического тренажера и стучу громче, чтобы он мог услышать меня, даже если на нем наушники. Спустя мгновение шум прекращается и открывается дверь, он удивлен меня видеть. На нем старая, мокрая от пота футболка, зеленые баскетбольные шорты, и он босиком. Волосы торчат в разные стороны, будто он провел по ним руками, прежде чем открыть.

Вот идиотка, чувствую, что глаза начинают жечь от слез, и пару секунд я пялюсь на него, а в голове вертится куча бессвязных мыслей. Наконец я беру себя в руки.

— Почему?

Он вытирает рот тыльной стороной ладони.

— Что почему?

— Почему... — Я переступаю порог, когда он отходит в сторону и жестом приглашает войти. Закрываю дверь и перевожу дух. — Почему ты... Почему там... — я судорожно озираюсь в поисках слов или доказательств, или чего-нибудь, чего и сама не знаю. — В твоём списке три новых имени, — говорю я, стараясь звучать ровно, но выходит холодно, это даже лучше, чем если бы получилось пронзительно и отчаянно. — И все на прошлой неделе. Когда ты отправился в ту поездку.

Ему потребовалось целых десять секунд, после чего выражение его лица с недоумевающего становится шокированным.

— Ты говоришь о туалете в Союзе Студентов?

— Конечно.

— И *мой* список пополнился?

— Да.

— Чье там имя? Твое?

— Нет, Кросби, не мое, а девчонок, которых я не знаю. Трех.

Он приподнимает бровь.

— И о чем ты спрашиваешь у меня?

— Я спрашиваю *почему*.

Он приканчивает бутылку с водой и как обычно ставит ее на стол позади себя.

— Почему пополнился список? Я не знаю. Я же говорил тебе, что не лазаю туда с маркером и не вписываю имена.

— Тогда кто?

— Не знаю.

— Зачем им это делать?

— Я и этого не знаю.

— Это точно? — я провожу рукой по глазам, не позволяя себе расплакаться.

Его щеки теперь пунцовые, и это никак не связано с прерванной тренировкой. Не желая выказывать свой гнев, он так крепко хватается за край стола, что белеют костяшки.

— Ты серьезно спрашиваешь, не трахнул ли я трех девчонок во время поездки? Нет, Нора, я этого не делал. Я был занят и полагал, что у меня есть девушка.

Я трясую головой. Его открытое окно подпирает учебник, но в помещении все равно слишком жарко. Мою кожу покалывает, и я чувствую, словно мне не хватает воздуха. Словно моя единственная цель в этом году — *не облажаться* — только что провалилась невероятно обидным и болезненным образом.

— Скажи мне правду.

— Это и есть правда.

Он удерживает мой взгляд, но мне тяжело ответить на него, поэтому я бегаю глазами по комнате. Эллиптический тренажер, календарь со спортивной статистикой за каждый месяц, аккуратно организованный письменный стол, вечно неприбранная постель. А в центре всего этого — мужчина, который казался в прошлом году таким недостижимым, но на деле просто парень. С достоинствами и недостатками как у всех нас.

Он выдыхает и разжимает пальцы.

— Я не знаю, как это доказать, Нора. Ты же слышала, что в тот вечер сказал Келлан, я хотел тебя с первого дня, как увидел. Я бы не испоганил все, наконец добившись этого.

— А как же... — Чувствую себя круглой душой. Душой, если ошибаюсь, и душой, если я

права. — А как же тот раз, когда я взбесилась из-за списка Келлана?

Он пожимает плечами.

— И что?

— Может, ты пересмотрел свои взгляды.

— Из-за того, что девушку расстроил секс-список ее соседа, в котором у девчонок имена значатся как *Фиолетовые волосы* и *Пахнет как картошка фри*? Нет, я это понимаю. А также я понимаю Келлана. Порой ты трахаешься напропалую, и это ничего не значит, лишь развлечение на час или два, а потом ты просто об этом забываешь. Но порой... — Он подходит ближе, но недостаточно, чтобы прикоснуться. — Порой ты мутишь с кем-то и не можешь перестать об этом думать. А после оказывается, что ты вовсе не мутишь. — Он подхватывает мой подбородок пальцами и заставляет посмотреть в глаза. — Мы не просто мутим, Нора. По крайней мере, не я. И я не сплю с кем попало. С тех пор как увидел тебя и до сегодняшнего дня — никакой другой не было. Я не могу выразиться лучше.

Полагаю, он вообще не обязан был это говорить. Он мог просто открыть дверь и выставить меня, шлепнув по заднице и поблагодарив за приятные воспоминания. Но он этого не делает. Он не срывается на меня за то, что вот так заявила и обвиняю его, не особо протестует и не оправдывается, он ничего не делает, разве что остается парнем, которого я узнала за прошедшие три месяца. Он настоящий и он старается.

— Прости, — жалобно бормочу я. — Я просто...

Он ждет, но когда я не заканчиваю фразы, спрашивает:

— Зачем вообще ты туда ходила? Что искала?

Я неловко кошусь на потолок.

— Свое имя.

— И?

— Его там не было. Но порой люди пялятся на меня или перешептываются, и я начинаю беспокоиться, что декан снова заведет беседу о сексе или просто... — перевожу дыхание. — Думаю, в прошлом году мне было бы плевать, если бы оказалась в том списке, я была бы просто счастлива, что меня заметили. А теперь меня это волнует. Я сказала, что изменюсь в этом году, и на самом деле даже не полагала, что у меня особо получается, однако это так.

— Я знаю, что ты не хочешь быть «Кроссбабой». Я тоже этого не хочу. Мне не нравится это прозвище, и я им не пользуюсь, хотел бы даже чтобы его вообще не существовало. Но я не могу стереть прошлый год, впрочем, как и ты, как бы сильно ни старался. Я просто фокусируюсь на том, чтобы в этом году все делать лучше. И полагал, что мне это удавалось.

Я встречаюсь с ним взглядом.

— Так и есть. Прости меня.

С мгновение он молчит, а затем кивает.

— Хорошо. Побудь тут чуток. Мне надо принять душ, а потом нужно, чтобы ты погоняла меня по экзаменационным вопросам по химии.

— Я думала, его не будет в ближайшие две недели.

— Верно, но это самый паршивый предмет, что я когда-либо выбирал, и мне нужно включить голову. — Он подхватывает полотенце и сменную одежду, после чего открывает входную дверь. — Никуда не уходи. Буду через пять минут.

— Ладно.

Я делаю вдох и медленно выдыхаю, заставляя себя расслабиться. Все могло пройти и лучше, но могло быть и гораздо, гораздо хуже. Хотя вроде как унижительно сознавать, что

мне преподает уроки зрелости парень, чье представление о сокрытии порядком зачитанного экземпляра «Хастлера»¹⁸ — это сунуть его в собственную наволочку.

Я прибираю постель, усаживаюсь у стены и в ожидании играю игру на своем телефоне. Когда пару минут спустя возвращается Кросби, его волосы еще мокрые после душа, и он переоделся в спортивные штаны и футболку. От него пахнет мылом.

— Тебе не холодно от открытого окна? — спрашивает он, бросая полотенце в направлении своей бельевой корзины и кивая в сторону окна.

— Нет, все в порядке.

— Ладно. — Он берет с эллиптического тренажера свой учебник по химии и присоединяется ко мне, скидывая в сторону недавно взбитые подушки и садясь у изголовья кровати.

— Откуда хочешь начать? — спрашиваю я, листая страницы, которые он отметил неоновыми-зелеными закладками. — Без разницы?

— Конечно.

— Хорошо. Давай начнем с чего-то полегче. Назови десять самых распространенных элементов во Вселенной.

— Э-э, гелий, водород, кислород... азот... углерод... — Он дергает заусенец. — Кальций?

— Нет.

— Гелий я уже называл?

— Хम्म.

— Подскажи.

Я указываю жестом на лежащие в углу гантели.

— Ты любишь тягать...

— Железо.

Я отклеиваю одну из закладок в книге.

— Какого она цвета?

— Зеленая.

— Более конкретно.

Он насупил брови.

— Ярко-зеленая.

— Я подразумевала неоновая.

— Напомни, что такое неон, черт бы его побрал?

— Благородный газ. — Сейчас у меня нет уроков химии, но она мне очень нравилась в старшей школе, я выбрала тогда усиленный класс по этому предмету просто так. — А ты в курсе, что тот, кто составил периодическую таблицу, отрицал существование благородных газов...

Я прерываюсь, когда вижу, как Кросби зажимает себе переносицу, будто ему больно.

— Ты в порядке? — спрашиваю я и тянусь, чтобы прикоснуться к его ноге. — Химия не такая уж сложная. А эта история довольно занимательная.

— Знаешь, во что мне не верится? — он отводит ногу, и теперь я не могу до нее дотянуться, с мгновение я просто таращусь на опустевшее место на одеяле.

— Что?

— Когда ты пришла сюда в первый раз и гоняла меня по предмету, я поклялся, что в следующее твое появление здесь мы займемся далеко не «вопросником». И вот она ты, моя

девушка, на моей кровати, а я просто...

Я закусываю губу.

— Взбешен?

— Да, Нора! — Он хлопает рукой по подушке, и мы оба притворяемся, что не слышим шорох журнала внутри. — Какого черта?

Я дергаю нитку на подоле моей майки.

— Я же попросила прощения.

— Ну, тебе и следовало. Открыть дверь и увидеть тебя за ней это сродни пробуждению в рождественское утро, когда под елкой находишь огромный подарок, а после ты открываешь его и там просто... банан.

Я очень стараюсь не рассмеяться.

— Банан?

— Да, банан. Разочарование.

Я ахаю. Конечно мои обвинения по поводу того, что он спал направо и налево во время поездки не были лучшей частью его дня, но называть меня разочарованием? Я наслушалась этого определения в прошлом мае столько, что хватит мне до конца жизни.

— Кросби, — произношу я с нажимом. — Я сожалею. Я старалась быть цивилизной, когда пришла сюда, ну а что мне еще было делать? Надпись на стене говорила сама за себя, и нравится тебе твоя репутация или нет, но нельзя сказать, что ты ее не заслужил.

— Ты шутишь? — он сдвигается и садится на колени, будто стена не может выдержать веса его раздражения. — Во-первых, я даже не знаю, чьи имена находятся в том списке, но в любом случае никто из них не был моей девушкой. Знаешь, откуда мне это известно? Потому что у меня не было девушки. Может, список на стене и «говорит за себя», но я ничего плохого не делал. Я никогда никому не лгал и не обманывал тебя.

— Я же сказала, что сожалею!

— Кто это был? — резко спрашивает он.

Я замираю в замешательстве.

— Кто был?

— Парень. Ты сказала, что в прошлом году был какой-то парень. Он явно сделал что-то, отчего ты такая.

Я таращусь на него, разинув рот. *Такая?* Какая именно *такая*? Такая кто видит, что ее парень якобы переспал с тремя девушками и осмеливается спросить его об этом? Вот такая? Я швыряю в него книгой и опускаю ноги на пол, но меня удерживает его хватка на моей руке.

— Серьезно? — вопрошает он. — Собираешься смыться? После того как сначала примчалась сюда? Разве только ты можешь задавать личные вопросы?

— Никто не «сделал меня» такой, — говорю я сквозь сжатые зубы, вырывая руку и вставая. — Это мой выбор. Я сама решаю спросить, изменял ли ты мне. Сама решаю, верите ли тебе, когда ты ответил, что не делал этого.

Он тяжело дышит, его грудь вздымается и опадает под футболкой, наконец он вскакивает на ноги.

— Знаешь что? — раздраженно произносит он. — Ладно. Пошли.

— Куда?

— Избавимся от списка раз и навсегда. У нас тут где-то было немного краски. Может, список Келлана и сослужил службу, но мой уж точно нет.

Я смотрю, как он надевает кроссовки и хватая куртку с кресла, протягивая мне мою. Не веря, что мы и впрямь это делаем, я следую за ним вниз по лестнице, и жду, пока он беседует в гостиной с Дэйном, выясняя, где у них лежит краска. Понятия не имею, зачем она им, но на минуту он исчезает в подвале и возвращается с двумя кистями и старой банкой с голубой краской.

— Ну все, — изрекает он, хватая шерстяную шапку с логотипом хоккейной команды и натягивая себе на голову. — Пошли.

— Пошли, — эхом вторю я. — В здание Союза Студентов.

— Угу.

Он начинает шагать вниз по дорожке к улице, но передумывает, когда замечает на траве мой велик. Вместо этого он поднимает его и жестом подзывает сесть сзади.

— Кросби...

— Ты идешь или нет, Нора?

Я вздыхаю и перекидываю ногу на сиденье. Это даже отдаленно не комфортная езда и в первое время мне кажется, что мы опрокинемся в неуклюжий клубок ушибленных конечностей. Но наконец Кросби удается удержать равновесие, и он крутит педали в сторону кампуса, банка с краской свисает с рукоятки руля и бьется о его колено.

— Нам не обязательно это делать, — говорю я, когда мы останавливаемся у здания и несуразно слезаем с велосипеда. Размалевывание школьной собственности кажется довольно верным способом вновь вляпаться в неприятности, а Кросби даже не пытается скрыть улики нашего плохо продуманного плана. К счастью, вестибюль еще более пуст, чем когда я была тут ранее, и охранников не видеть. Кросби тяжело дышит от напряжения, а я дрожу от холода и то, что в помещении тепло, не имеет для меня никакого существенного значения.

Однако я должна вести себя хорошо.

— Кросби, — шиплю я, вырывая руку из его, пока он нажимает кнопку вызова лифта. — Это похоже на нечто, что явно противоречит правилам.

— Это мое имя, — говорит он упрямо, подталкивая меня в прибывший лифт. — И я хочу его удалить. Если они его не закрасят, то это сделаю я.

Остаток пути мы не произносим ни слова, также молча заходим в женский туалет. Кросби снимает свою куртку, чтобы не вымазать ее в краске и, поколебавшись секунду, я поступаю также.

— Похоже, ты чувствуешь себя здесь вполне комфортно, — комментирую я и заслуживаю убийственный взгляд, а мне в руку не слишком нежно шлепается кисть.

Он встряхивает банку и открывает крышку, сбросив ее в одну из раковин.

— Которая кабинка? — спрашивает он.

Я вздыхаю и указываю на нужную, провожая его взглядом самого несчастного сообщника в мире. Он просматривает стену, пока не замечает своего имени, и я верю, что он никогда его раньше не видел. По тому, как округлились его глаза, не думаю, что он вообще видел какой-нибудь из этих списков.

— Ты никогда здесь не бывал? — утверждаю я. Знаю, что списки дублируются и в туалете у парней, так что он мог их видеть.

Он рассеяно качает головой и проводит пальцем по своему списку, чтобы узнать три последних записи. Они кажутся настоящими, аккуратно указаны даты, фамилии и имена.

— Я их не знаю, — произносит он, глядя на меня. — В отличие от плохого примера Келлана, я спрашиваю имена.

— Ладно, Кросби.

Он макает свою кисть в краску и прокручивает ее, после чего аккуратно проводит по своему имени. Видеть, как оно исчезает неожиданно печально и вместе с тем приятно.

Я завидую. Хотелось бы мне, чтобы можно было так же легко стереть мои ошибки. Куча проваленных предметов? Исчезли. Арест? Никогда не производился. Перепих с лучшим другом твоего будущего парня? Точно не было.

Я уже максимально стараюсь устранить свои ошибки, так что наклоняюсь, макаю свою кисточку в банку и помогаю Кросби избавиться от его. Все занимает не больше пары минут, но вызывает неожиданную радость, и вскоре мы перемещаемся в мужской туалет и проделываем аналогичное там. Здесь список идентичный, за исключением того, что в нем двадцать пять позиций, имена трех таинственных женщин тут явно отсутствуют. Хотя он никак это не комментирует, и мы молча красим, пока список вконец не исчезает под бледно-голубым квадратом на испещренной граффити стене.

Некоторое время мы просто таращимся на опустевшее место, и я задаюсь вопросом, не сожалеет ли он об этом. Был ли этот список как бы визуальным поводом для своего рода гордости, явным подтверждением того, какой он жеребец.

— О чем ты думаешь? — в конце концов спрашиваю я.

С мгновение он молчит.

— Мне нравится.

— Да?

Он переводит взгляд на меня.

— Да.

Мы выходим из кабинки и промываем кисточки, затем надеваем куртки и спускаемся в вестибюль. Чуть избавившись от гнева, Кросби прикладывает больше усилий, чтобы скрыть банку с краской, хотя теперь уже охранник оказывается на своем посту и с подозрением наблюдает за нами.

— Добрый вечер, — приветствует он.

— Добрый вечер, — отвечаем мы, спеша прочь. Одна из кистей выпадает из кармана Кросби, оставляя мокрый след на отполированном полу, и я быстро ее подхватываю.

— Что вы делали наверху? — спрашивает охранник, вставая. Он здоровяк, вооружен лишь фонариком и рацией, и не является для нас угрозой, когда мы выбегаем в двери и заскакиваем на мой велосипед.

Охранник не гонится за нами, но Кросби все равно жмет на педали как сумасшедший. Я цепляюсь за его торс, ощущая, как банка с краской прижимается к его животу, а его грудная клетка расширяется после каждого вдоха. От прохладного воздуха пощипывает кожу, и, прикрыв глаза, я зарываюсь лицом в его дутую куртку. Прежде чем сама это осознаю, я начинаю смеяться. Я так сильно смеюсь, что весь велик трясется, и Кросби бросает на меня взгляд через плечо, пытаюсь понять, что происходит.

— Нора! — восклицает он, слова растворяются в ледяном ветру. — Что ты делаешь?

— Ничего, — бормочу я в ткань, понимая, что он не может услышать. — Не останавливайся.

Хотя он и не может разобрать моих слов, но не останавливается, пока мы не возвращаемся к дому братства и не тормозим на лужайке.

— Ты смеешься или плачешь? — уточняет он, позволяя банке с краской выпасть из его куртки и подскочить на замерзшей земле. — Я не могу понять.

— Смеюсь, — признаюсь я. — Сама не знаю почему.

На улице слишком темно, чтобы я могла различить блеск, который обычно появляется в его глазах в такой ситуации, но я не останавливаю его, когда он прижимает меня спиной к стволу древнего дуба и накрывает мой рот своим. Его пальцы зарываются в мои волосы и тянут почти до боли, но и тут я его не останавливаю. Просто целую в ответ со всей злостью, облегчением, радостью и скорее с неожиданной горячностью, чем холодностью.

— В доме, — выдыхаю я, отстраняясь, чтобы перевести дух.

— Здесь? — спрашивает он. — Ты уверена?

Я толкаю его к зданию.

— Да.

Он хватается за руку и тащит вверх по лестнице. Я слышу парочку мяуканий из гостиной, но не обращаю на них внимания, расстегиваю свою куртку и слеую за Кросби в его комнату. Мы целуемся, обжимаемся и раздеваемся, но когда мы уже наполовину лишаемся одежды, он вдруг останавливается и отстраняется на шаг.

— Черт, — бормочет он. — Нора, у меня нет презервативов.

Несколько секунд мой рот лишь беззвучно открывается и закрывается.

— А ты не можешь... одолжить парочку?

— Могу, но ты правда хочешь, чтобы я спустился и попросил их? В смысле, они наверняка уже обо всем догадываются, но я знаю, как ты относишься к тому, что треплют твое имя.

По идее этого не должно было произойти, однако эти слова сбили весь настрой. Моя рубашка распахнута до пупка, и я медленно застегиваю ее, чтобы скрыть кружевной розовый бра. Кросби стонет и подхватывает свою футболку с пола.

У меня все внутри сжимается, когда я замечаю, как от эрекции у него топорщатся спортивные штаны. Он прослеживает мой взгляд и отмахивается от моих немых извинений.

— Это не твоя вина, — говорит он. — Я вкладывал их в свой бумажник, чтобы принести к тебе в квартиру и забыл пополнить запасы.

— Мне нужно было прикупить для своей комнаты, чтобы ты был не единственным, кто вечно их приносит.

— Ты права. Это все твоя вина.

Я улыбаюсь его попытке ослабить возникшее между нами напряжение. Это уже не совсем гнев, но тем не менее не похоже, что все уже закончилось.

— Знаешь... — начинаю я, кладя ладонь ему на грудь и толкая его на кровать. — Прощлый раз ты продемонстрировал свой «фокус», а я свой — нет.

Его брови взлетают до комичного высоко. Я никогда не делала ему минета и, хотя в первую нашу совместную ночь предлагала ему, а он сказал «не в этот раз», однако ни разу не пытался заставить меня это сделать. Но теперь я сама хочу. Мой опыт в этом вопросе довольно ограничен и неприятен, но также было и с получением подобных ласк самой, а на деле это оказалось очень приятным занятием.

Он останавливается, когда касается кровати подколенной ямкой, но не присаживается. Тяжело выдыхает, когда я опускаю руку и глажу его, твердого и горячего, через хлопчатобумажную ткань.

— Это я тоже не часто делала, — шепчу ему на ухо, держа лицо так, чтобы он не мог видеть, как меня смутило это признание. — Поэтому скажи, что тебе нравится.

— Нора, — выдыхает он хрипло и страдальчески, и это так заводит.

Я начинаю опускаться на колени, но он останавливает меня.

— Ты не обязана, — говорит он, часто моргая. — Если ты думаешь, что должна в качестве извинения, то не нужно. Все в порядке.

— Я не пытаюсь таким образом извиниться.

— Сделай это только если на самом деле, действительно этого хочешь.

Я удерживаю его взгляд, и мы одновременно разрываем его, ухмылки превращаются в широкие улыбки.

— Я хочу этого, Кросби. Я испытываю такую потребность.

— Хорошо, ты меня убедила, — скороговоркой изрекает он.

Я опускаюсь на колени и параллельно стягиваю с него спортивные штаны и боксеры, побуждая присесть, а затем медленно развожу его колени в стороны, надеюсь, что не выгляжу при этом так же нервно, как себя чувствую. Я тоже возбуждена, но вернувшись только что с замалевывания двадцати пяти имен девушек, которые, возможно, преуспели в этом деле, я не могу избавиться от беспокойства.

— Ты в порядке? — спрашивает он, заправляя мне за ухо выбившийся локон.

— Да, — тихо отвечаю я, склоняясь, чтобы взять его в рот. Мое действие мгновенно вознаграждается резким стоном и напряжением в его бедрах у моих плеч. Он поглаживает мне волосы и мурлычет мое имя наряду с кучей других бессвязных слов, и хотя я знаю, что делаю все неидеально, ему похоже нравится. Хвала у него в равной мере чередуется с мольбами, и прежде чем дойти до грани, он дотягивается до лежащей поблизости коробки с салфетками и кончает себе в руку.

Его голова падает на грудь, и он вздыхает, а затем вяло тянется и подтягивает вверх свои штаны. Я тихонько сижу рядом с ним на кровати и поднимаю глаза, лишь когда чувствую, что он развернулся ко мне. Он слабо улыбается и проводит ладонью по моей щеке, а когда отводит назад руку, то между его большим и указательным пальцами оказывается зажат четвертак.

— Та-дам.

— Ты мастер-волшебник.

Он склоняется и целует меня.

— Спасибо.

— Я больше этого не скажу, так что наслаждайся.

Он смеется.

— Не за комплимент, Нора.

Я закусываю губу, польщенная, но вместе с тем все еще немного смущенная.

— Нет проблем.

Он улыбается и утягивает меня на постель, ловко расстегивая пуговицы на моей рубашке.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, останавливая его руку.

— Ты же сама сказала, — отвечает он, высвобождая свою руку и возобновляя прерванное занятие. — Я мастер. И сейчас я собираюсь показать тебе парочку других фокусов.

— Я сказала, что ты мастер-волшебник.

— А еще ты сказала, что больше этого не скажешь, так что верить тебе нельзя.

Я смеюсь, а он тем временем скользит своей грубой рукой по моему животу и ныряет под пояс моих джинсов прямо мне в трусики.

— Кросби, — выдыхаю я.
— Мастер, — исправляет он.
Я фыркаю от смеха.
— Отстань.
Он снова меня целует.
— Всему свое время.

Глава восемнадцатая

В субботу днем я сижу дома, занимаясь на диване с Кросби, чтобы наверстать материал, который мы забросили прошлым вечером. Келлан вовсю готовит на кухне, потенциально опасную еду, тестируя рецепты для субботнего пред рождественского постблагодареньевского званого ужина. Мероприятие, которое мне не удалось сорвать.

— Ладно, — говорит он, держа ложку с поднимающимся от ее содержимого паром. — Чья очередь пробовать?

Кросби косит на меня взгляд.
— Твоя, — говорит он вполголоса.
— Я пробовала в прошлый раз!
— У меня все еще горит язык!
— Лишний повод тебе попробовать!
— Просто иди туда, Нора!
— Нет! Ты иди.

— Вы задеваете мои чувства, — изрекает Келлан. — Я вас слышу, стою ведь не так далеко.

— Сколько вообще вариантов подливки может быть? — стону я, вставая на ноги. — Самой не верится, что говорю это, но сомневаюсь, что мне когда-либо еще захочется подливки.

— Расслабься, — Келлан протягивает мне ложку на пробу. — Это последняя попытка.
— Слава Богу.
— На очереди начинка.

Кросби издает стон с дивана.
— Не могу поверить, что тебе пришла мысль с этим званым ужином, Нора.
— Это Марселе она пришла, — напоминаю я, — и вы ее подхватили.

Он захлопывает учебник и присоединяется к нам на кухне.

— Кстати об этом, а почему Марсела сама здесь не страдает? То есть, не разделяет с нами все веселье?

Келлан бросает на него взгляд.

— У нее планы.
— У твоей девушки, похоже, чертова куча планов, которые не включают тебя.
— Вы оба знаете, что она не моя девушка, скорее «борода»¹⁹, с единственной разницей, что я не гей.

Наступает момент потрясенной тишины, затем мы с Кросби взрываемся смехом.

— Что? — восклицаю я.

Келлан фыркает.

— Послушайте, в октябре я начал странно себя чувствовать, но откладывал поход к

врачу. Я знал, что новости будут не из хороших, поэтому перестал трахаться.

— Так поэтому ты не переспал с Мисс Луизианой на Хэллоуин! — ликует Кросби. — Я знал, что это не из гуманных соображений, связанных со мной.

— Это из гуманных соображений, связанных с тобой, — огрызается Келлан. — И Мисс Луизианой.

— Ты настоящий джентльмен.

— Как бы там ни было, мне нужно поддерживать репутацию, и я не хотел, чтобы люди сплетничали, а Марсела хотела заставить ревновать того парня, с которым вы работаете...

— Нэйта.

— Суть в том, что мы помогаем друг другу.

Лицо Кросби покраснело от веселья.

— Так она твоя гонорейная «борода»?

Келлан шлепает его по руке.

— Звучит вульгарно, когда ты произносишь это вслух.

Я хихикаю.

— Поверь, это вульгарно даже просто в мыслях.

— А ну оба заткнитесь и попробуйте подливку.

Мы с Кросби вздыхаем и осторожно пробуем. Если быть честной, сегодня у Келлана было больше попаданий, чем промахов, но я просто уже устала быть подопытным кроликом.

— Неплохо, — говорю я, вытирая уголок рта. — Но, кажется, чего-то не хватает.

— Да, — соглашается Кросби. — Хотя пока что эта самая вкусная.

Келлан задумчиво облизывает ложку.

— Вы правы. Кажется, я знаю, как это исправить. На этом благорожественском ужине вам доведется отведать самую лучшую подливку из тех, что вы когда-либо пробовали.

— Благорожественском?

— День Благодарения плюс Рождество, — объясняет он.

Кросби качает головой.

— Всех это собьет с толку.

— Вовсе нет, все же кристально понятно. — Он уже не обращает на нас внимания, беря специи с полки.

Мы с Кросби обмениваемся беспомощными взглядами и возвращаемся на диван.

— К слову об обязанностях подружки, — говорит он, кладя учебник по химии мне на колени. — Перестань стараться переспать со мной и помоги с учебой.

— Я пыталась помочь с учебой, — напоминаю я, — а ты решил, что «зеленый» — это химический элемент.

Келлан фыркает из кухни, и Кросби оборачивается, чтобы хмуро на него глянуть.

— Все потому что химия самый ужасный предмет, — говорит он, возвращая сердитый взгляд на меня.

— Тогда зачем выбирал его?

— Не знаю. Для широкого кругозора?

Я смеюсь и открываю учебник.

— Ты очень широкий, Кросби.

— Ты называешь меня толстым? Я так и знал, что подливки было слишком много. Черт подери, Келлан!

— Перестань увливать и сконцентрируйся, — говорю я, пиная его в коленку. — И так,

на чем мы остановились? Ах, да, точно. Все еще на первом вопросе. Какие десять самых распространенных элементов во Вселенной?

Он удрученно вздыхает.

— Водород, кислород, неон, гелий, азот... э-э... железо, углевод, кремний, магний и... зеленый.

Даю ему «пять».

— Ты готов.

Он смеется.

— Сера.

— Даже более чем. Слушай, это не должно быть так уж сложно. Химия — это круто. А периодическая таблица на самом деле очень интересная.

— Это куча тарабарщины.

— Элементы расположены согласно их атомным номерам, которые определяются количеством у них протонов. Все элементы в этой части... — я указываю на правую сторону таблицы, — стабильные, в то время как элементы в левой части — нестабильные. Как еще можно назвать стабильные?

— Прошу, пристрели меня.

— Ответ — инертные.

— А есть такое слово «инертные»?

— Есть такое слово «неуд», ты его добиваешься?

— Мне впору добиваться нового репетитора. Келлан?

— Я занят.

Я продолжаю развивать тему.

— Когда периодическую таблицу только создали, то было известно лишь около шестидесяти элементов. Но исходя из принципа, по которому она была составлена, они смогли предсказать существование ранее неизвестных элементов и их свойства. Если призадуматься, это отчасти похоже на волшебство. И если разделить ее пополам...

Келлан вдруг раздражается кашлем, у него начинает течь из носа, а глаза слезятся.

— Ты в порядке? — уточняю я.

— Переборщил с перцем, — задыхается он, включает кран и рукой плещет в рот воды. — Явно перебор.

Таймер на духовке звенит, и он достает из нее противень с маффинами, каждый из которых приготовлен с различными начинками по его собственным рецептам.

Кросби скулит.

— Тебе нужен подопытный кролик? В смысле добровольная жертва?

— Нет, — Келлан вытирает глаза и, даже не взглянув больше в нашу сторону, срывает с себя фартук и бросает его на столешницу. — Мне нужно вздремнуть.

Кросби хмурится.

— В три часа дня?

— Чувак, готовка изнурительное занятие. Хотя тебе это вряд ли известно. — Не оглядываясь, он шагает в свою комнату и закрывает за собой дверь. Изо всех сил.

* * *

Обычно, когда звонит телефон, то это либо Кросби, либо Марсела, так что единственным моим оправданием того, что я ответила, даже не взглянув на экран, является моя абсолютная уверенность, что это один из них. Но я ошиблась. Это гораздо хуже.

— Привет, пап, — я стараюсь не зевнуть прямо в трубку. Сейчас семь утра четверга и мой будильник прозвенел лишь четыре минуты назад. И вот что я получила за то, что не подскочила с постели как ошпаренная.

— Привет, милая. Как ты?

— Все хорошо. Очень занята. Мне на работу через...

— Здорово. Это замечательно. Послушай, я звоню, чтобы поговорить о Рождестве.

Я воспрянула духом.

— Да? Вы куда-то уезжаете?

— Что? Нет. Я хотел удостовериться, что ты приедешь.

Мое сердце ухает вниз.

— А, да. Приеду.

Мои родители поступили также и в прошлом году. Каждый пытается в обход другого звонить все раньше и раньше, стараясь выяснить, на чьей стороне дома я остановлюсь, где проснусь в рождественское утро. Это телефонное перетягивание каната, и если бы не было так холодно, то я бы устроилась в палатке на нейтральной лужайке перед домом.

— Что ж, твоя комната готова. Помнишь то одеяло, что ты заметила в прошлом году? Ну, то, со звездами? Я его купил!

Я совсем не помню, о каком одеяле речь. Или вообще о перине.

— Спасибо, — надеюсь, в моем голосе прозвучала благодарность. — Послушай, мне...

Он прерывает.

— И дорогая, хотел тебе сообщить, что говорил с Филом, деканом Рипли, и он заверил, что у тебя все отлично. Я так рад, что ты избавилась от того дикого прошлогоднего поведения.

Я плюхаюсь на кровать и накручиваю локон на палец.

— Все прошло.

— Что ж, — произносит он, наконец заметив, что, возможно, я не в таком восторге от этого разговора, как он, — это не значит, что ты не можешь больше вообще развлекаться. Ты наслаждаешься жизнью?

Тьфу ты ну ты.

— Да, все нормально. Очень занята работой и учебой. Вообще-то, мне пора бежать на работу...

— Завела новых друзей? Бойфрендов?

Он задает одни и те же вопросы каждый свой звонок раз в месяц, и я всегда отвечаю «нет». Моим родителям известно лишь то, что я живу с таким же старательным соседом и других друзей у нас нет. На самом деле мы едва ли сейчас дружим. Так как Кросби в настоящее время определенно подпадает под категорию «бойфренда», то у меня есть неплохая возможность объяснить, что я встречаюсь с кое-кем и у нас все хорошо и можно ли мне, наконец, пожалуйста, повесить трубку. Но стоит мне открыть рот, чтобы ответить утвердительно, с моих губ слетает простое и довольно убедительное «нет».

Я закрываю глаза и стараюсь не представлять себе стоящий в гостиной мольберт. Еще одна ложь в мой собственный список. Но разве это так уж неправильно, если я всего лишь пытаюсь избежать ненужной нервотрепки?

— Ладно, — говорит он. — Мы с нетерпением ждем встречи. У нас пройдет одна из тех загадочных убийственных новогодних вечеринок, и я уже выбрал для тебя роль. Ты будешь Люси Лу...

Я хмурюсь, думая об актрисе.

— ...владелицей высококлассного магазина сантехники, которая немного просрочила оплату своих счетов, что дает ей идеальный мотив для...

— Пап?

Наконец он замолкает.

— Прости, что перебиваю, но мне правда нужно на работу.

— Ах, да конечно, дорогая. Ты по-прежнему работаешь в той кофейне?

— Да. Спасибо за звонок.

— Ладно. Мы скоро увидимся.

Я вешаю трубку и выдыхаю. Эта часть разговора не была ложью, мне на самом деле надо быть на работе через сорок пять минут, а я все еще в пижаме. Скатываюсь с кровати, натягиваю джинсы и облегающий свитер, после чего направляюсь в ванную умыться.

Входная дверь открывается и закрывается, а на лестнице раздаются шаги. Я высовываю голову в коридор и машу вернувшемуся с пробежки Келлану.

— Хэй.

— Хэй, — кивает он в ответ.

Я быстренько умываюсь и вытираю лицо, а убрав полотенце, обнаруживаю стоящего в дверном проеме Келлана.

— Господи! — я вешаю полотенце у раковины и беру в руки увлажняющий крем. — Ты меня напугал.

— Прости, — он изучает свои пальцы в носках и выглядит так, будто ему неловко, из-за чего и у меня возникает аналогичное чувство.

— Что происходит? — спрашиваю я, втирая лосьон в кожу. — Прошу, только не говори, что нужно еще пробовать подливку.

Он любезно улыбается на мою глупую шутку и наконец поднимает глаза, чтобы встретиться с моим взглядом в зеркале.

— Это ты, — произносит он.

Я смотрю на свое отражение.

— Ну да.

Он долго удерживает мой взгляд, прежде чем изречь:

— Красный Корсет.

Эти слова произносятся так тихо, что на секунду мне удается убедить себя, что я их не расслышала.

— Я... Ч-что? — запинаясь я. Рука, держащая кисточку от туши, вдруг начинает так сильно трястись, что я вынуждена опустить ее на умывальник или рискую потерять глаз.

— На вечеринке, — говорит он. — В чулане. В корсете. Это была ты.

— Как ты...

— Ты говорила о периодической таблице, Нора. Уверен, никто другой никогда не использовал это раньше в качестве прелюдии.

Боже мой. Почему я не подумала об этом, прежде чем трещать вчера как самая глупая в мире всезнайка?

— Келлан, я...

— Ты знала? — спрашивает он, наклонив в сторону голову. — Знаю, что мы много выпили в тот вечер, но ты что-то помнишь о той ночи?

Я едва держусь на ногах. Ноги подкосились, и я вцепилась в умывальник, словно он

может телепортировать меня отсюда. Мне бы хотелось солгать и заверить его, что он ошибся, черт, хотелось бы мне, чтобы это было правдой, но я не могу этого сделать. Теперь я произношу шепотом:

— Я знала.

Его лицо лишь на секунду искажает гримаса.

— *Нора.*

— Прости.

— Ты просишь прощения? Это я ничего не помню. Я поместил твое имя на тот чертов мольберт и сказал... то, что сказал.

Я слабо пожимаю плечами.

— Ты же не знал.

— Когда ты появилась тут впервые, ты уже тогда знала?

— Я не знала, что это будешь ты. Ты сказал, что тебя зовут Мэтью.

— Но ты меня помнила? С тех пор?

Я виновато кивнула.

— Клянусь, я не собиралась переезжать, когда поняла, что это был ты, но ты явно забыл о случившемся, к тому же все эти льготы с оплатой и я... я просто...

— Господи.

— Пожалуйста, не... — я быстро моргаю, стараясь не расплакаться как идиотка. —
Пожалуйста, не...

— Говорить Кросби?

Я киваю, зная, как сильно это разобьет ему сердце. Как ужасно для него будет узнать, что он по-прежнему пришел вторым, даже в этом.

— Конечно же, не скажу. Я никому не собираюсь говорить.

Я так тяжело выдыхаю, что чуть не падаю.

— Спасибо.

— Я просто скажу, что вычислил Красный Корсет и это не она. — Он делает паузу. —
Ведь это не ты меня заразила, верно?

— Нет. Честно. Я проверилась.

Он вздыхает.

— В любом случае, думаю, я знаю, кто это был. Мне наконец удалось связаться с одной из туристок, и она сказала, что уверена, ее подруга поняла, что чем-то больна, когда они вернулись домой, так что...

— Значит расследование завершено.

— Почти.

— Это хорошо.

Он качает головой.

— Ничего в этом нет хорошего. Все это, черт побери, смехотворно. В смысле, ты когда-нибудь выкапывала для себя такую глубокую яму, что уже не думала, что выберешься? А ведь в прошлом году я сделал именно это. Так много кутил, расслаблялся, думал, что выше всего этого и чуть не вылетел из команды. Именно поэтому так напился в ту ночь, когда мы... Я... Ну, ты поняла.

— У каждого из нас были свои причины там находиться.

Наступает ужасно неловкий момент молчания. И затягивается.

— Прости, — одновременно выдаем мы.

Он грустно смеется и качает головой.

— Этого больше не повторится.

Я хмурюсь.

— Я и не ждала...

— Я имею в виду, что больше не буду валять дурака, как делал в прошлом году. У меня было такое представление относительно пребывания в колледже, и я облажался по полной.

— Я тебя понимаю.

Мы долгую минуту смотрим друг на друга.

— Окей, — наконец произносит он. — Ладно.

Я облизываю пересохшие губы.

— Ладно.

— Так у нас все... хорошо?

Меня все еще трясет, шок от того что тебя вычислили чуть ли не хуже страха перед этим.

— У нас все хорошо.

— И это навсегда останется лишь между нами?

— Несомненно.

— Может, нам нужно поклясться на крови.

— Выметайся из ванной.

Он ухмыляется.

— Знаю кое-что получше кровной клятвы.

— Что-то мне с трудом в это верится.

Он уходит и вскоре возвращается с мольбертом в охапку и стиснутой в зубах зажигалкой. После чего, как мне кажется, говорит:

— Давай сожжем это.

— Сожжем всю квартиру? Конечно, почему бы и нет.

— Ха-ха. Сожжем список в ванне.

— Это ужасная идея. — Но говоря это, я уже сгребаю занавески у ванной и перекидываю их через штангу, а затем помогаю ему отодрать большие куски бумаги с первой партией имен.

— Я пока не могу уничтожить вторую партию, — говорит он. — Но как только получу подтверждение, что *Парочка туристок*, прости, Жанна — именно та самая, мы сожжем остальное.

— Жду не дождусь.

Я держу головку душа, готовая в любой момент затушить пламя, пока он аккуратно поджигает один из смятых клочков бумаги. Спустя секунду бумага вспыхивает и начинает морщиться и темнеть, сворачиваясь, поглощая все его грехи и наш общий секрет.

Огонь не выходит из-под контроля, просто перекидывается на следующий клочок, а затем следующий, превращаясь по мере сгорания в крошечную кучку пепла, которую в итоге я просто смываю в слив. Это так же легко, как закрашивать имя Кросби на стене в туалете: все уничтожено, безоглядно и наверняка. Все закончилось.

Мы в безопасности.

Глава девятнадцатая

Благорождение приходится на воскресенье, семнадцатое декабря, как раз на середину периода выпускных экзаменов. Официально последний день занятий в эту среду, но некоторые, вроде Кросби, уже сдали все свои экзамены и готовы праздновать. Однако людям вроде меня нужно сдавать тесты и сегодня, и в среду, и им бы очень хотелось, чтобы в их квартире не проводили торжественный Благорождественский ужин.

— Пахнет вкусно! — заявляет Кросби, зайдя в дом. Он снимает куртку и направляется напрямиком на кухню, в которой Келлан и Марсела в одинаковых фартуках занимаются тем, что заглядывают в духовку и потягивают вино. Я сижу на диване, судорожно перечитывая совсем недавно просмотренные заметки по английской литературе и задаваясь вопросом, почему мой мозг превратился в решето.

Полный страданий крик Кросби вынуждает меня оторваться от конспектов как раз вовремя, чтобы заметить, как он сжимает свою руку, в то время как рядом стоит хмурый Келлан с деревянной ложкой наперевес.

— Не тронь картофель! — приказывает он. — Брысь с кухни!

— А на этой вечеринке нет закусок? Благорождение — отстой.

— Благорождение — это замечательно, дурачина.

— С чертовым Рождеством.

Они, улыбаясь, обмениваются неприличными жестами, а мы с Марселей обе закатываем глаза. Кросби выхватывает у Келлана из рук бокал с вином, прежде чем присоединиться ко мне на диване. Согласно строгому дресс-коду сегодняшнего вечера на нем белая рубашка, бледно-зеленый галстук и темно-коричневые брюки. На мне приталенное серое вязаное платье и тонкие каблукы, а под своими фартуками Марсела и Келлан также в одинаковых нарядах.

— Хорошо выглядишь, — говорит Кросби, закрывая мой ноутбук и перекладывая его на кофейный столик. — А время учебы закончилось. Выпей немного вина.

— Вообще-то, я читала.

— Прочти по моим губам: сегодня Благорождение. Время для вечеринки, хоть это и липовый праздник.

Я улыбаюсь про себя. Мой живот скручивает в узел уже несколько дней. В прошлом году в это время я тусовалась до потери пульса, не утруждаясь раскрыть книгу и думая, что на тех нескольких лекциях, которые посетила, узнала достаточно информации, чтобы получить проходной балл. Я ошибалась. Но не так сильно, как пару месяцев спустя, когда применила ту же стратегию обучения и закончила с двумя неудами в качестве свидетельства моего антистарания.

Кросби целует меня в щеку.

— Ты в порядке?

— Просто нервничаю из-за экзаменов.

— Ты справишься. Если я смог сдать, то и ты сможешь.

— Ты еще сам не знаешь, что сдал.

— Именно этот дух поддержки я узнаю и люблю.

Я смеюсь и делаю глоток вина из его бокала.

— Прости.

— Без проблем. Здесь здорово. Кто украшал?

— Угадай.

— Мистер Благорождение?

— Ммм.

Справедливости ради, тут и правда мило. Может, немного перебор, но красиво. У нас есть все за исключением Рождественской ели, хотя Келлан нарисовал ее на мольберте, украсив раму лампочками и гирляндами, и засунул под нее подарки. На окнах лежит искусственный снег из баллончика, гирлянда из лампочек обрамляет по периметру всю квартиру, а вдоль телевизионной консоли свисают вечнозеленые веточки. Он раздвинул обеденный стол и теперь за ним поместятся шестеро, мы одолжили стулья у соседей, чтобы можно было сесть всем вместе, а не по очереди, скатертью вновь послужила белая простыня, хотя на этот раз свечей, к счастью, нет.

Старые рождественские колядки тихо доносятся из проигрывателя, а с витающими в воздухе ароматами индейки и хвои, действительно ощущается Благорождение.

— Ты ждешь завтрашней поездки домой?

Кросби пожимает плечами.

— Да. Будет приятно повидаться с семьей. Однако не очень приятно не видеться с тобой до Нового года.

— Для этого есть скайп.

— А я думал для этого есть порно.

Я смеюсь и отпиваю еще вина.

— Без разницы что, лишь бы сработало, приятель.

Раздается звонок в дверь, и мы с Марселой мгновенно переглядываемся.

— Я открою, — заявляю я, вставая и спеша вниз по лестнице.

Несмотря на меховое пальто, Селестия дрожит на крыльце. Нэйт недалеко от нее ушел, держа над ними зонтик, чтобы спастись от не то снега, не то дождя, который сыпет весь день, превращая улицы в скользкую, коварную «кашу».

— Входите, входите, — тороплю я, отходя в сторону. — Добро пожаловать.

Нэйт протягивает мне бутылку вина.

— Самое лучшее в Бернеме.

— Спасибо. Привет, Селестия.

— Привет, Нора. Здесь замечательно пахнет.

— А минут через десять и на вкус будет замечательно, — произносит Келлан с верхней части лестницы, выглядя как кинозвезда. — Рад, ребята, что вы смогли прийти.

Челюсть Нэйта напрягается.

— Рад быть тут.

— Тройное свидание, — задумчиво подмечает Келлан. — Большая редкость.

Я строю ему мину, и он ретируется, в то время как я провожаю Нэйта и Селестию в гостиную.

— Выпьете чего-нибудь? — предлагаю я. — Есть уже открытая бутылка белого вина, или мы можем открыть эту. Еще есть пиво.

— А какого сорта белое вино? — спрашивает Селестия.

Запомнявав, я разворачиваюсь, чтобы прочесть название на бутылке, которую мне протягивает Марсела.

— Скажи ей, что это не содержащий жира, полу-кофеиновый нектар изготовленный в джунглях Папуа-Новой Гвинеи, — шепчет она.

— Шардонне, — вместо этого говорю я, протягивая бутылку.

Селестия изучает ее и поджимает губы.

— Наверно, я просто выпью перрье²⁰.

Мы все замираем.

— У нас есть водопроводная вода, — нерешительно предлагает Келлан. — Со льдом?

Марсела мечет взглядом молнии в Нэйта, будто он виноват, что его девушка любит в жизни лучшее. В ответ Нэйт смотрит на нее, не спуская глаз с их надетых для показухи одинаковых фартуков.

— Тогда может пиво, — говорит Селестия. — Любое подойдет.

— Я буду тоже самое, — добавляет Нэйт.

Я достаю из холодильника две бутылки и передаю им.

— Очень празднично, — отмечает Нэйт, кивая на мольберт. — Твоя работа, Нора?

Я немного давлюсь вином.

— Ах, нет. Это Келлан нарисовал. И насобирал ветки, — указываю на украшенную хвоей телевизионную консоль, отчаянно желая отвлечь внимание от мольберта, хотя он в буквальном смысле светится как Рождественская елка. Потому что под ней на верхней части страницы оставшаяся часть секс-списка. Келлан зачеркнул *Красный Корсет*, как делал с остальными именами, оставив только туристок, но отказавшись уничтожить список, пока официально не получит от них подтверждения.

— Это сосновые ветки, — произносит Келлан, устраиваясь на одном из обеденных стульев и указывая на консоль. — Мне нравится запах.

— Здесь и впрямь пахнет изумительно, — соглашается Селестия.

Марсела садится на стул и закидывает ногу на ногу, открывая взору километры обнаженной кожи под мини-юбкой.

— Ты это уже говорила.

— Правда?

— Это настоящие подарки или ты просто обернул коробки с хлопьями? — спрашивает Кросби, меняя тему и заслуживая тем самым очень благодарное пожатие ладони.

— Липовые, — отвечает Келлан. — Сейчас слишком рано для начала покупок.

— До Рождества осталась неделя.

Нэйт выглядит заинтригованным.

— Вы двое без сомнения уже обменялись подарками, — говорит он, переводя взгляд с Марселы на Келлана. — Что вы друг другу подарили?

— Ты же его слышал, — огрызается Марсела. — Пока слишком рано.

— Я подарила Нэйту наушники, — встречается Селестия. — Они оторочены мехом.

Я слегка обмираю.

Лицо Марселы становится пунцовым.

— Еда, должно быть, уже готова! — восклицаю я, подскакивая на ноги. — Почему мы не едим? Я умираю с голода.

Именно в этот момент раздается сигнал таймера и Келлан улыбается.

— Как раз вовремя. Пойдем, принесем блюда, сладкая.

Он гладит Марселу по волосам и одаривает ее своей великолепной улыбкой. Она до ужаса фальшивая, и я чувствую тошноту.

— Если бы не был так голоден, то притворился бы больным и ушел, — бормочет Кросби.

— Не смей бросать меня, — шепчу я в ответ.

Чтобы удержать Селестию и Нэйта подальше от Марселы, Кросби и я садимся по

разные стороны от стола, Селестия рядом со мной, а Нэйт рядом с Кросби. Отчего Келлану и Марселе достаются места на противоположной стороне стола и, поставив перед нами индейку, картофель, клюквенный соус, булочки и идеальную подливку, они устраиваются на своих стульях. Кросби и я оказываемся буфером между Марселой, Нэйтом и Селестией, а Келлан, как мне кажется, может постоять за себя, так как держит в руках вилку для мяса и нарезает индейку как профессионал.

— Ты в этом хорош, — отмечает Селестия. — А индейка выглядит идеально.

Сказать по правде, она на самом деле выглядит довольно хорошо. Для той, кому за последние пятнадцать лет удалось лишь дважды поесть запеченную индейку, факт наличия хоть какой-то индейки уже бесценен.

— Темное мясо или белое? — спрашивает Келлан.

— Ой, я вегетарианка, — отвечает Селестия.

Марсела бормочет что-то похожее на *«ты, блин, прикалываешься что ли»*.

— Но я принесла с собой немного ненастоящей индейки, — продолжает она, доставая из сумочки маленький завернутый в целлофан комок и кладя его на тарелку. — Она такая же замечательная!

Келлан выглядит на взводе, но Кросби быстро вскакивает и протягивает свою тарелку.

— Мне без разницы белое или темное, — говорит он. — Я съем любое.

— Я тоже, — говорю я, поступая аналогично.

Мы наполняем тарелки в еще более гнетущей тишине, нарушаемой лишь звуком того, как Селестия пилит нечто, что может оказаться лишь куском серой шпаклевки. Помимо этого, на ее тарелке лежит только половинка булочки и клюквенный соус.

Марсела, похоже, готова разразиться истерическим припадком, и стоит мне заметить, как она открывает рот, чтобы выдать какой-нибудь обидный комментарий, я выпаливаю:

— Так, Нэйт. Наушники. В такие-то дни они, наверно, очень выручают!

У него полный рот еды, так что он смотрит по сторонам, стараясь тем временем как можно быстрее прожевать.

— Очень теплые, — соглашается он, не успевая до конца все проглотить.

— Они оторочены мехом, — напоминает нам Селестия.

— А разве это не странно? — спрашивает Келлан. — Быть вегетарианкой и при этом носить мех?

Она таращится на него.

— С чего ты решил?

— А что ты подарил Селестии? — спрашиваю Нэйта, почувствовав, как Марсела снова заводится.

— Ангела, — бурчит он. — Для ее дерева.

— Ой, как это мило.

— Он сказал, что тот похож на меня, — добавляет Селестия. — Прекрасный подарок.

Наступает продолжительная, тягостная тишина.

— А что вы подарите друг другу? — в конце концов спрашивает Келлан, ножом указывая на меня и Кросби, при этом чуть не лишая Нэйта глаза.

Мы с Кросби замираем. Вообще-то, мы не говорили о подарках, хотя в тайне я приготовила ему кое-что и положила под пассажирское сиденье в его машине, решив, что в рождественское утро отправлю ему сообщение с указанием, где это найти.

— Это сюрприз, — говорит Кросби, делая глоток вина. — Чтобы преподнести... позже.

— Да, — вторю я, будто тоже не купила подарка. — Позже.

— Надо же.

— А ты? — спрашивает Селестия. — Что ты купил Марселе?

— Нижнее белье, — быстро отвечает Келлан.

— Оно сейчас на мне, — добавляет Марсела.

Селестия выглядит озадаченно.

— Ой. Как... интимно.

— А что насчет тебя, Марсела? — спрашивает Нэйт. — Что ты подарила Келлану?

— Видеоигру, — врет она. Я знаю, что они ничего друг другу не дарили, так как фактически не состоят в отношениях, а этот фарс продолжается так долго, только потому, что им не приходится тратить деньги.

— О, — произносит Нэйт язвительно, великолепно подражая выражению лица Селестии. — Как... интимно.

Марсела свирепо смотрит на него.

— Келлан, подливка восхитительная, — говорю я, наливая на свой картофель чуть больше, чем следует. — Стоило всех проб.

— Это белый перец, — отвечает он. — Кто бы знал?

Нэйт приканчивает свое пиво.

— Действительно, кто?

Селестия отодвигает от себя тарелку, на которой половина порции так и остается нетронутой.

— Я объелась, — заявляет она, — У вас есть перрье?

— По-прежнему нет, — огрызается Марсела.

Когда Селестия просто сидит вот так и спокойно за нами наблюдает, звук всеобщего жевания вдруг кажется невероятно громким. А так как мы все его слышим, то начинаем жевать усиленнее, чтобы побыстрее закончить.

— А почему бы не сыграть в твою новую видеоигру? — спрашивает Кросби, когда напряжение достигает астрономических пределов.

Лицо Келлана комически вытягивается.

— Она... не тут.

— А где?

— У меня дома, — подхватывает Марсела. — Я купила приставку, чтобы Келлан мог оставаться там все время.

Нэйт фыркает.

Кросби пожимает плечами.

— Пофиг. Тогда, давайте сыграем во что-нибудь другое.

— Давайте, — говорю я. — А мы с Марселой все приберем.

— Я готовила! — протестует Марсела.

Теперь фыркаю я. Марсела не может приготовить и тоста. Она просто надела фартук и стояла рядом с Келланом несколько часов.

Мы все встаем из-за стола, парни перемещаются на диван, чтобы что-то повзрывать, а мы с Марселой ополаскиваем тарелки и загружаем посудомоечную машину. Селестия достает свой телефон и начинает переписываться, Нэйт же бродит по комнате, рассматривая декорации.

— Что это? — спрашивает он.

Я разворачиваюсь взглянуть, о чем он, и замираю. Он поднял лист с Рождественской елкой и просматривает список с зачеркнутыми именами.

— Это... список, — говорит Келлан.

Кросби ставит игру на паузу.

— Келлан пытался... — он осекается, закашлявшись, когда Келлан тыкает его локтем под ребра. Мое сердце колотится, пока, вцепившись в полотенце, я спешу в гостиную.

— Пытался найти старого друга, — заканчиваю я. — Чтобы поздороваться.

Нэйт хмурится, глядя на список.

— А почему ты не помнишь имен своих друзей?

— Это было очень давно.

Селестия встает и присоединяется к Нэйту, хмурясь на мольберт.

— *Пахнет как картофель фри?*

Келлан ошалело смотрит на меня.

— У меня плохая память.

— *Туристка № 1 — с веснушками?*

— Э-э, да, она была милой.

— А где десерт? — в отчаянии спрашиваю я. — Разве мы не покупали чизкейк?

— Точно покупали! — отвечает Келлан, вскакивая на ноги. — Кто готов к десерту?

— Мы же только что поели, — говорит Кросби. — Давайте немного подождем.

Но Келлан уже спешит на кухню.

— Благородение никого не ждет.

Нэйт похоже в замешательстве.

— Кто?

— Это шоколадный чизкейк, — делаю попытку я. — Он вам понравится.

Селестия морщится.

— Ой, в составе есть молоко? Я не ем молочные продукты.

Марсела прерывает сервировку стола, чтобы засунуть в горло палец, изображая рвотные позывы.

— Выпей еще вина, — говорю я. — Или пива. Или водопроводной воды. Давайте просто все срочно вернемся за стол.

Селестия пожимает плечами и разворачивается, чтобы сесть, Кросби следует ее примеру. Я уже на полпути к ним, когда Нэйт произносит:

— *Красный Корсет?*

Неожиданно я останавливаюсь статуей, одна нога в воздухе, руки замирают при ходьбе. Готова поклясться, что вся комната слышит перезвон колокольчиков и появившиеся в воздухе, указывающие на меня стрелочки с ярко переливающейся на концах надписью: «Виновна, виновна, виновна!».

— Она была актрисой, — бесстрастно лжет Келлан, подходя, чтобы опустить на место картинку Рождественской елки и тем самым прекратить расспросы относительно списка. — Это была одна из тех исторических пьес, в которых женщины носят корсеты.

— Хмм, — Нэйт садится на свое место и берет кусочек чизкейка. Я смотрю на свой, будто это комок грязи, и гадаю, как, черт побери, мне удастся его проглотить. — А разве у тебя нет красного корсета, Нора?

Теперь я точно уверена, что они слышат тревожные колокольчики, потому что на целых десять секунд в комнате наступает мертвая тишина. Кросби с удивлением смотрит на меня,

и я открываю рот, чтобы что-то сказать, хоть что-нибудь, когда Келлан успеваает вклинить.

— Нора? — смеется он. — В корсете? Не могу себе представить.

— Ты хоть когда-нибудь вообще бывала на сцене? — спрашивает Марсела, помогая мне, когда становится ясно, что я слишком отупела, чтобы справиться в одиночку. — Хотя бы мечтала стать актрисой?

— Нет, — удается выдавать из себя. — Никогда.

— Не та девушка, — беспечно произносит Марсела. — Ты что-то выдумываешь.

Нэйт пожимает плечами:

— Да. Ну ладно.

Я возвращаюсь к моему десерту, но отсутствия у меня аппетита никто не замечает, так как все едят очень медленно, всё еще сытые от переедания за ужином.

Селестия продолжает печатать в телефоне, а спустя минуту Нэйт откладывает свою вилку в сторону и достает телефон, я гадаю какое сообщение она ему посылает. «*Уведи меня отсюда? Думаешь, у них есть перрье?*».

Но все оказывается вовсе не так.

— Аха! — счастливо восклицает Нэйт. — Вот оно. — Он показывает свой телефон Кросби, который вежливо бросает взгляд на экран, а затем замирает не дожевывая. Понятия не имею, что он видит, но от его лица отливает вся кровь, и вдруг он сжимает вилку до побелевших костяшек.

— Что там? — спрашивает Келлан.

Я тянусь взять его за руку, но Кросби одергивает ее.

— Ты в порядке? — делаю я попытку, но он даже не смотрит на меня. Он ни на кого не смотрит.

— Я знал, что у тебя был красный корсет, — говорит Нэйт, ничего не замечая. — Марсела прислала мне это после вечеринки «Майское Сумасшествие». Помнишь, когда вы пошли туда, чтобы выпить после того, как ты узнала о своих плохих оценках? Тогда вы еще сказали, что вечеринка была беспонтовой, поэтому вы ушли, чтобы отправиться заняться стрикингом на Мэйн-Стрит?

Я едва могу дышать.

— Что ты делаешь?

— Она рассказала мне, чем вы занимаетесь, но я ей не поверил, поэтому она прислала мне подтверждение, — продолжает он, развернув телефон так, что я могу видеть весь причиненный урон. И он ужасен. Невероятно ужасен.

На ней фотография нашей смятой одежды, сброшенной на тротуар, а сверху поблескивает корсет как светоч моей вины. Словно закладывая последний блок в очень шаткую башню, какую-то долю секунды она стоит, заявляя о своем существовании, прежде чем полностью обрушивается.

Кросби тяжело дышит.

— Это правда? — спрашивает он.

— Да, — отвечает Нэйт, не обращая внимания. — Ее арестовали и все такое. Вы не знали?

Кросби игнорирует его, полностью сосредоточивая взгляд на мне.

— *Красный Корсет*, — произносит он. — Это ты?

Я не могу выдавить из себя ни слова в свою защиту. Не хочу это признавать, но больше не хочу и лгать. В моем случае даже особо не важно, что я сделаю, потому что он знает

правду, даже если не может в нее поверить.

— Ты знал? — он разворачивается к Келлану. Его взгляд умоляет, молит друга признаться, что он не знал, что не предавал его. — Ты знал, что это была она?

Келлан беспомощно кивает.

— Я просто... Я не помнил...

Я окаменела. Каждая частичка меня. Я даже не чувствую слез, лишь вижу, как они капают на мою тарелку, на нетронутый торт, на всё разрушенное.

— Что я пропустила? — спрашивает Селестия, рассеивая чары.

Но уже слишком поздно, потому что, когда я наконец поднимаю взгляд на Кросби, его место пусто, куртки нет, а входная дверь хлопает, закрываясь.

— Нет! — слово звучит сдавленно, в то время как я подскакиваю со своего стула, чтобы последовать за ним. Спотыкаясь, оббегаю стол и несусь вниз по лестнице, распахиваю входную дверь, и мне в лицо ударяет ледяной дождь. Ноги скользят на мокром камне, когда я сбегая на тротуар, но его не видать. За секунду мои волосы намокают и прилипают к лицу, зубы выстукивают дробь, а виски ломит от холода. Улицы погружены в темноту, совершенно пустые в такую неприглядную ночь, и когда я выкрикиваю его имя, единственным ответом мне служит звук заводящегося двигателя где-то вне поля моего зрения, визг колес по покрытой слякотью и льдом дороге и утихающий рев его удаляющейся от меня машины.

Глава двадцатая

Я ковыляю обратно в дом и, закрывая за собой дверь, прижимаюсь к ней спиной, когда мне становится невыносима мысль о том, что нужно подняться обратно и предстать перед всеми. Я очоченела от холода и от шока из-за произошедшего. Конечно он бы узнал об этом. Конечно он бы узнал обо всем. Безусловно. В конце концов, правда всегда всплывает.

— Нора.

Я сама не поняла, что закрыла глаза, но теперь открыв их, обнаруживаю стоящего у подножья лестницы Келлана с полотенцем в руках и с точно таким же несчастным выражением лица, как у меня.

— Он ушел, — шепчу я, беря в руки полотенце. Не могу перестать дрожать, даже пытаюсь поступить ответственно и выжать ледяную воду с волос.

— Я сожалею, — говорит он.

— Это не твоя вина. — Слова слетают с губ автоматически, но стоит мне их услышать, как хочется забрать сказанное назад. Конечно же это его вина. Его вина, что притворился Мэтью, ведь я бы никогда не появилась тут в первый день, если бы знала, что это квартира Келлана МакВи. Его вина, что предложил мне бесплатную аренду, ведь я никогда бы не переехала сюда, если бы мне нужно было платить. Его вина, что сохранил этот дурацкий список, ведь Нэйт никогда бы не увидел его, если бы мы сожгли эту часть вместе с остальным.

Но даже если очень сильно постараться разозлиться на него, я не могу. Поумневшая и повзрослевшая Нора понимает чья это вина, и к несчастью она лежит на моих мокрых, ссутуленных плечах.

— Мне следовало ему сказать, — мямлю я, понуро опускаясь на ступеньки. Келлан с мгновение колеблется, прежде чем присоединиться ко мне, и, хотя между нами около фута, расстояние быстро покрывается лужей воды, стекающей с моего насквозь промокшего

шерстяного платья.

— Когда? — невесело произносит Келлан. — Когда было бы подходящее время рассказать ему нечто подобное?

Я пожимаю плечами и задумываюсь об этом. Когда именно? Когда мы впервые встретились на этом крыльце? Когда не было никакой причины полагать, что он вообще захочет знать или что ему не все равно? Следовало ли мне рассказать, когда я начала осознавать, что между нами пробежала искра, даже несмотря на то, что скорее всего это погасило бы любое потенциальное пламя? Следовало ли мне сообщить ему, когда между нами все стало более серьезно, и это известие причинило бы гораздо больше боли?

— Не знаю, — в итоге отвечаю я. — Я не знаю. Но уверена, что хуже, чем сейчас, не было бы.

— Наше первое и последнее Благорождение, — со вздохом говорит Келлан.

Сказать нечего, но тишина длится лишь четыре секунды, прежде чем из гостиной начинают просачиваться рассерженные голоса.

— ...одержимый! — кричит Марсела. — Почему ты не мог просто замолчать? Почему ты вообще здесь?

— Меня пригласили!

— *Нас* пригласили, — поправляет Селестия.

— Кто приносит собственную еду на званый ужин? — вопрошает Марсела. — И кто моложе девяноста лет *носит шубы*?

— Что ты никак не отцепишься от шуб? — на этот раз Нэйт. — Ты никогда не давала ей и шанса. Ты как ребенок, который сам не хочет игрушку, но и не желает, чтобы она досталась кому-то еще. Пора двигаться дальше, Марсела.

— Двигаться дальше? — возмущенно визжит Марсела. — Отчего именно двигаться дальше?

— От этой безответной любви между вами, — спокойно отвечает Селестия.

Потрясенная пауза, а затем Нэйт и Марсела одновременно начинают лопотать.

— Мы не... Между нами нет... Нет никакой...

— Хватит обманывать себя, — прерывает она. — Потому что всех остальных вы точно не одурачите. Счастливой тебе жизни, Нэйт.

— Сеси... ты не...

— Ты зовешь ее Сеси?

— Почему бы тебе не *заткнуться*?

Келлан и я неловко встаем, когда Селестия спускается вниз, снимает свою шубу с вешалки и натягивает сапоги.

— Спасибо за ужин, — произносит она, открывая дверь и хмурясь, выглядывая на улицу. — И счастливого Благорождения.

— Счастливого Благорождения, — неуверенно вторим мы, глядя, как она уходит в бурю, вероятно, чтобы отправиться куда-то пешком.

— О, боже мой, боже мой, — бормочет Нэйт, спеша вниз по лестнице. Он хватается за куртку, сует ноги в кроссовки, не заморачиваясь со шнурками. — Нора, — начинает он, взявшись за дверную ручку. — Мне очень жаль. Сам не знаю, почему я... Мне нужно догнать... Я просто...

Я отмахиваюсь:

— Просто иди.

Он с болью во взгляде переводит глаза с меня на Келлана.

— Я понятия не имел.

Я пожимаю плечами:

— Не ты один.

Келлан морщится от напоминания, и мы оба дрожим от ледяного ветра, который врывается в помещение, когда Нэйт уходит.

Спустя мгновение мы разворачиваемся к Марселе, переминающейся на вершине лестницы.

— Наверно, я пойду, — смущенно говорит она. — Если только вам не нужно...

— Думаю, мы справимся, — отвечаю я.

— Верно.

Мы неловко топчемся, пока она одевается и достает из кармана ключи от своей машины.

— Сожалею о Кросби, — произносит она.

— Сожалею о Нэйте, — отвечаю я.

— Сожалею о Благорождении, — добавляет Келлан, просто чтобы что-то сказать.

Марсела уходит, и остаемся только мы с Келланом. Мы смотрим друг на друга, пока мои зубы не начинают стучать.

— Думаешь, есть смысл поехать в дом братства? — спрашиваю я, сильнее закутываясь в полотенце. Отчего у меня возникают ассоциации с плащом Супермена в наряде Кросби, который напоминает мне о том, как он снимал его, а я наблюдала за ним в первую ночь, когда мы переспали, и от этого мне становится невыразимо грустно. Я самый худший супергерой в мире, антигерой этой ужасной истории. Самый отстойный злодей.

Келлан качает головой.

— Мы можем попытаться, но он знает, что мы, возможно, туда поедem. Он собирался утром отправиться к своим родителям. Вероятнее всего, он уже направляется туда прямо сейчас.

— Ты знаешь адрес?

— Нет, только то, что это в Чаттерлей. Я никогда там не был.

— Я тоже.

Невероятно неловкая тишина нарушается лишь дробью моих зубов.

— Пойди, прими душ, — говорит Келлан, кладя ладонь мне на спину и подталкивая вверх по лестнице. — Согрейся. Я уверен... То есть, все это... Он знает тебя... Мы... Я...

— Он знает все, — говорю я. — Слишком много, слишком поздно.

Мы останавливаемся в гостиной и пялимся на этот дурацкий мольберт, мигающие огоньки, дурацкую Рождественскую ель, секрет, который мы пытались скрыть.

— Нужно было сделать это в прошлый раз, — говорит Келлан, подходя и срывая страницу с именами. — Но лучше поздно, чем никогда.

— Уже слишком поздно, — говорю я, следуя за ним, когда он берет зажигалку с телевизионной консоли и направляется в ванную. — И ничем не лучше.

Он не отвечает, просто рвет лист на четыре части, сминая каждый кусок и бросает в ванну. Мы оба молчим, пока он поджигает их, и охваченные огнем страницы начинают потрескивать. Они быстро сгорают, превращаясь в мрачный черный пепел на фоне белого фарфора.

Когда огонь тухнет, мы с Келланом переглядываемся, и я понимаю, что плачу, только

потому, что слезы образуют теплые дорожки на моей замерзшей коже.

— Прости, — говорит он, будто мои слезы послужили ему напоминанием. — За все.

— И ты меня.

Он печально улыбается, после чего разворачивается и выходит за дверь, прикрывая ее за собой. Я выскальзываю из мокрого платья и выжимаю его над раковиной, затем забираюсь в душ и включаю воду. Мне так холодно, что даже теплая вода ощущается на коже кипятком, и я наблюдаю за пеплом, кружащимся в водовороте у моих ног, в то время как струи бьют по моим плечам, каждой каплей отдавая болью.

Я полагала, что все закончилось, когда мы сделали это в прошлый раз, но я ошибалась. Закончилось все лишь теперь.

* * *

Завтрак следующим утром становится мучительно неловким делом. У каждого из нас сегодня экзамены, которые начинаются в час, поэтому мы оба остаемся дома заниматься. Когда вскоре после восьми я выбираюсь из своей комнаты, Келлан уже сидит с миской хлопьев. Я бы предпочла заползти обратно в постель и спрятаться под одеялом, но не могу позволить себе ничего из того, что мне на самом деле хочется сделать, поэтому засовываю в тостер немного замороженных вафель и стоя их поедаю.

Долгое время единственными раздающимися звуками являются скрежет ложки Келлана по миске и хруст моих вафель.

— Хорошо спала? — в конце концов спрашивает он.

— Я написала Кросби дюжину раз, все без ответа. Звонила, тоже безрезультатно.

Келлан роется в хлопьях, пока не находит голубой маршмеллоу.

— Я тоже.

— Ты правда думаешь, что он отправился домой? В Чаттерлей? В бурю? — погода сегодня обманчиво спокойная и ясная, светит солнце, тротуары сухие, будто прошлой ночью не было ненастья. Будто все прекрасно.

— Думаю, да, — отвечает Келлан. — Разве ты бы не поступила также?

Я задумываюсь о своих родителях, живущих вместе, но в то же время врозь, делая всех несчастными.

— Нет, — я сгрызаю вторую вафлю и вытираю пальцы о шорты, после чего смотрю на часы на микроволновке.

— Ты собираешься проверить? — Келлан приканчивает хлопья и встает. И, похоже, читает мысли.

— Я должна попытаться. В смысле, конечно, это известие шокировало, но все случилось в прошлом году. Мы тогда даже не были знакомы. Может, утро вечера мудренее, и он... все просто...

Келлан похоже сомневается, но все равно пожимает плечами.

— Я поеду с тобой.

— Не думаю, что, когда он увидит нас вместе, это поможет делу.

Слова тонут в затяжной тишине.

Келлан неловко прокашливается.

— Ты права.

— Мне лучше поехать одной. Я заеду туда на велике, а после отправлюсь в библиотеку, чтобы позаниматься перед экзаменом. Если он в доме братства, я тебе напишу.

Он кивает.
— Хорошо.

* * *

Конечно его там нет. Мой стук будит Дейна, который по какой-то причине спит в гамаке у подножья лестницы, и тот подтверждает, что прошлой ночью Кросби не возвращался. Он немного недоумеваает, узнав, что я не знаю где мой парень, но я спешу побыстрее уйти, пока он не проснулся достаточно, чтобы задавать вопросы.

Прошлой весной я чуть не вылетела с Бернема, занималась в чулане сексом с Келланом, бегала голой по центральной улице и была арестована. Если я что и вынесла из всего этого, так это как не усугублять свои ошибки. Поэтому даже если на самом деле мне бы хотелось сейчас оплакивать себя до потери сил и нестись на велике всю дорогу до Чаттерлей, ревя белугой «Кросби, поговори со мной!», все что я в действительности делаю, так это направляюсь в библиотеку, раскрываю книги и контролирую единственное, что в данный момент мне подвластно.

Когда вечером возвращаюсь домой, в квартире пахнет жареным цыпленком — вторым любимым блюдом Келлана.

— Хэй, — приветствую я, обнаруживая его в гостиной, он ест прямо из ведерка и смотрит хоккей.

— Хэй.

— Как прошел твой экзамен?

— Думаю неплохо. А твой?

— Довольно хорошо.

Я достаю из морозилки ужин для микроволновки и разогреваю его в течение двух минут, после чего сажусь есть за обеденный стол.

— Полагаю, ты не нашла утром Кросби, — отмечает Келлан в перерыве на рекламу.

— Дейн сказал, что он не возвращался прошлой ночью.

— Понятно.

— Ты что-нибудь слышал от него?

— Нет. Ты?

Я качаю головой.

— Ни слова.

Келлан глубоко вздыхает и кладет ведерко на кофейный столик. Я наблюдаю, как он поворачивается и с очень серьезным выражением подпирает пальцами подбородок.

— Нам нужно поговорить.

— Мы уже говорим.

— Об этом. — Он обводит рукой комнату.

Я прослеживаю за его жестом и вижу лишь квартиру.

— Ладно.

Он тяжело вздыхает.

— Ты правда мне нравишься, Нора. Ты хорошая соседка и приятный человек и... да.

Следует пауза, словно я должна как-то ответить и вернуть комплимент, но я не собираюсь что-либо говорить, зная, что последует «но».

— Но, — продолжает Келлан, когда я не включаюсь в разговор, — Кросби мой лучший друг. Я не знаю, что будет дальше, но единственное, что мне известно, он никоим образом

не останется моим лучшим другом, если ты продолжишь здесь жить.

Мои брови взлетают вверх, и не только от удивления, что меня выселяют. Впервые Келлан на самом деле принимает хорошее решение, и я немного встревожена, что не первая об этом подумала. Я открываю рот, чтобы ответить, но он продолжает.

— Просто это будет странно, — добавляет он. — И неловко для всех. И хотя я надеюсь, что мы с тобой останемся друзьями, мне нужно сделать все возможное, чтобы помириться с Кросби. Бро превыше шлюшек. Кхм. Соседей по комнате.

И в этом весь Келлан, которого мы знаем и любим.

— Хорошо, — говорю я, хотя и задаюсь вопросом, куда черт подери мне податься. Рождество не сезон для поиска квартиры. — Я присмотрю что-нибудь другое.

Он выглядит успокоившимся, словно была вероятность, что я закачу истерику.

— Замечательно. Окей. Хорошо.

Я доедаю последний вялый кусочек пасты из картонного контейнера.

— Замечательно.

— Прости, Нора, — добавляет он, когда я встаю, чтобы выбросить мусор и направиться к себе в комнату. — За все.

— Ты тоже, — отвечаю я.

* * *

— Он тебя выгнал? — Марсела выглядит так, будто совершенно сбита с толку этой новостью.

— Не совсем «выгнал», — уточняю я, протирая стол. — Но на «чем быстрее, тем лучше» было сделано особое ударение. Однако ужаснее всего, что по сути именно я должна была выступить инициатором данного разговора. Очевидно, что мне следует уехать. Мне вообще не нужно было туда переезжать.

— Ты не могла предугадать, как все обернется, — отмечает она. — Было ли отличной идеей переехать в одну квартиру с Келланом МакВи? Конечно же нет. Но откуда тебе было знать, что ты влюбишься в Кросби и что эта дурацкая маленькая ошибка «Майского Сумасшествия» всплывет, чтобы укусить тебя за зад?

Я пожимаю плечами.

— Жизнь несправедлива. — И это действительно так. Как получилось, что я переспала с пятью парнями и один из них оказывается лучшим другом моего будущего бойфренда, а я в итоге предстаю злодейкой? Как получается, что Келлан умудряется перетрахать шестьдесят две женщины, словить ИППП и за неделю приема антибиотиков исцелиться от своей напасти? Кросби в буквальном смысле прикрыл свои сожаления слоем голубой краски, а я постаралась держать свои в секрете, но все раскрылось фееричным образом. Опять же, главное находить в этом баланс. В стремлении исправить свою неприметность в старшей школе я превратилась из Норы-Боры в диаметрально ей противоположный Красный Корсет. И на фоне всех моих проблем и попыток быть приметной, единственным человеком, который действительно заметил меня в течение прошлого года, был немолодой полицейский с фонариком и хмурым выражением лица.

— Хватит обо мне, — категорично заявляю я. — Что происходит у тебя с Нэйтотом?

Вместо своих обычных пикировок они весь день старательно игнорируют друг друга, а Селестия пока не появляется.

Марсела рассматривает ногти, окрашенные под облака.

— Ничего.

— Ничего? — я прищуриваю глаза.

Она раздраженно поднимает руки.

— Ничего, клянусь. Но...

Я жду продолжения.

— Но хочу кое-что прояснить, — поспешно добавляет она. — Все эти дела с тайным поклонником в прошлом году — было проще делать вид, словно я не представляла, кем он был. И полагаю, ему тоже было легче притворяться, будто он считал, что я этого не знала. А в этом году, как бы ни тяжело было видеть их вместе, все же это было проще, чем признать, что, возможно, я совершила ошибку, не обращая на него внимания.

Я резко выдыхаю.

— Вау.

— Да уж. Так что, неизвестно что будет — если вообще будет — дальше. Но ты начала все заново в этом году, а я собираюсь поступить также с января. Это мое решение. Никаких секретов, никаких противоречивых сигналов.

— Ты собираешься сказать Нэйтту, что он тебе нравится?

— Конечно же нет. Но и не собираюсь притворяться, что это не так.

— Что-то мне сильно подсказывает, ты не улавливаешь сути.

Она откусывает задние ноги у печенья в форме оленя.

— Ну посмотри, что получилось. Вы с Кросби все поставили на кон и потерпели провал.

— Ты слишком восприимчива.

— Просто хочу сказать, что сейчас, возможно, мы слегка не готовы справиться с правдой, однако ложь все только ухудшает.

— Можешь повторить это.

— А ты можешь услышать это, — говорит она, — когда пожелаешь, ведь мы будем соседками по комнате.

Я перестаю полировать серебряный поднос.

— Повтори?

Она слизывает красную помадку с носа оленя.

— Ну, у тебя нет пристанища, а у меня есть гостевая спальня. Что же я за подруга, если не стану настаивать, чтобы ты переехала?

— Ты серьезно?

— Конечно. Это будет зона без парней. Вроде той, что была у вас с Келланом, только без всей этой лжи и гонорей.

— А ты знаешь, как соблазнить девушку.

— Я еду на Таити на две недели и оставлю тебе ключи, чтобы ты могла перевезти вещи. О чем мы говорим? Ах, да, о вещевом мешке и коробке из-под молока?

— Двух коробках из-под молока.

— Только глянь на себя, — воркует она, держа меня за подбородок. — Совсем повзрослела.

* * *

Для стороннего незнакомца я бы показалась кем угодно, только не повзрослевшей. В своем стремлении не думать о Кросби, я полностью погрузилась в учебу, забросив все кроме моих смен в «Бинс», ведь теперь мне понадобятся деньги как никогда. Мои волосы собраны в вечный небрежный пучок, ежедневный наряд составляют пара потертых джинсов,

футболка и толстовка. Я не застилаю постель с Благорождения, а моя простынь превратилась в сжатый комок, затерявшийся где-то под одеялом. Лишь после сдачи последнего экзамена, когда наступает время паковать сумку, чтобы поехать на неделю домой, я осматриваю обстановку и понимаю на кого теперь похожа. Возможно, даже к лучшему, что Кросби игнорирует меня с той ужасной ночи — если бы он зашел и увидел это, то его бы тут же ветром сдуло.

Я тяжело выдыхаю и хватаю корзину для белья, решительно заполняя ее всеми вещами в комнате, которые можно постирать. Каждый предмет одежды, за исключением надетых на мне в данный момент потертых джинсов и футболки, каждый предмет постельного белья — ничто не минует подобной участи. Я переносу корзину на кухню и загружаю первую из, полагаю, пяти загрузок, заправляя двойной порцией моющих средств. Не буду лгать: оно начинает пахнуть, а я не собираюсь забирать с собой этот беспорядок в следующий год или свою новую квартиру. Это будет свежее, чистое начало во многих смыслах.

Мой автобус уходит завтра в полдень, а так как Келлан в Калифорнии до второго января, я забронировала обратный билет на канун Нового года, чтобы у меня было полтора дня закончить паковать вещи и перевезти все к Марселе до ее возвращения. В почти опустевшей комнате становится невозможно игнорировать очевидное, и я смотрю на свой письменный стол и кровать пока моя нижняя губа не начинает подрагивать не только из-за грусти от мысли о демонтаже, лишь для того чтобы через полторы недели вновь подвергнуться сборке. Мне грустно, потому что они напоминают мне о Кросби, вся комната вынуждает о нем вспоминать. Каждая деталь. Я приучилась оставлять телефон в ящике с носками, чтобы не писать ему, когда мне приспичит, что до сих пор случается с завидной регулярностью. Я знаю, что не могу и дальше скатываться в депрессию, поэтому тащусь обратно на кухню за инструментами Келлана и решаю, что кровать станет моей первой жертвой.

Скидываю матрас и вытаскиваю его в гостиную, от этого незначительного действия мои мышцы горят, а дыхание учащается, вынуждая обдумать вариант, чтобы оставить кровать как есть и до отъезда перебраться спать на диван. Но я этого не делаю. Доводить все до конца — мое новое кредо, и я собираюсь ему следовать. По крайней мере, в этом состоит план, пока я не приседаю возле кровати с разводным ключом в руке и не замечаю на полу маленькую красную коробочку.

Определенно, я никогда ее раньше не видела. Она плоская и квадратная, размером меньше CD, бархатистая и гладкая на ощупь. Разводной ключ бряцает, когда я роняю его в коробку с инструментами, но я едва ли замечаю шум за глухими ударами сердца. Я точно знаю, что эта комната была пустой, когда я в нее переехала, и знаю, что никогда раньше не видела этой коробочки. Эта вещь материализовалась в какой-то момент между Днем Труда и сегодня.

Отчаявшаяся часть меня в равной степени переживает стоит ли надеяться или нет, что это что-то от Кросби или нечто, что Келлан случайно закинул сюда. Он вечно швыряет вещи с дивана в кухню, заверяя, что может попасть ими в раковину. Зачем бы ему делать это с красной бархатной коробочкой?

Ладно. Я просто ее открою.

Делаю глубокий вдох и приподнимаю крышку, ощущая сильное сопротивление пружин, словно раньше ее никогда не открывали. Увидев крошечный кулончик в виде книги на тонкой золотой цепочке, я понимаю, что это не связано с Келланом. никоим образом. Я давно уже поняла: единственный человек, которому следует все знать, не ведает об этом.

Будь я умнее или разумнее, то захлопнула бы коробочку и оставила ее в комнате Келлана с просьбой вернуть Кросби, когда он снова его увидит. Но в данный момент я даже отдаленно не чувствую себя здравомыслящей или разумной, вместо этого я достаю ожерелье из коробочки и рассматриваю изящную маленькую книжку, наполовину приоткрытую, являя миру изысканные золотые странички. Она настолько маленькая, что мне приходится щуриться, чтобы прочесть символы, выгравированные на обложке и, когда мне это удастся, я лишний раз убеждаюсь в том, что уже давно знаю: я совершила громадную ошибку.

Я тебя люблю.

Сдерживаемые днями слезы подступают и начинают глупо и безудержно литься, пока просто не всхлипываю на полу. Я кладу ожерелье на место в коробочку и задвигаю ее подальше, в такую же недосыгаемость, как и парень, который положил ее сюда. Это должно быть подарок на Рождество, наверно он купил его в тот последний вечер и спрятал под моей подушкой, а в какой-то момент ужасных последствий тот, вероятно, каким-то образом завалился между матрасом и стеной и остался незамеченным.

До сего дня.

Что очень иронично, ведь он найден сейчас, когда все, что он олицетворяет, находится гораздо дальше, чем когда-либо.

От сигнала стиральной машины о завершении цикла у меня чуть не случается сердечный приступ, я встаю на ноги и вытираю глаза платком, обрадовавшись, что могу заняться чем-то, а не сидеть здесь и оплакивать свою глупость.

Переложив влажные вещи в сушилку, заправляю очередную загрузку, после чего сажусь за барную стойку и таращусь на свою комнату, словно это зёв темной, пугающей пещеры.

Бедняжка Кросби. Всегда так усердно трудится, чтобы представить миру идеальный, сильный образ. Тренировки, учеба, милые жесты, которые никто не видел, потому что я настаивала хранить наши отношения в секрете. Он получает так много внимания, изображая человека, за которого его принимают люди, но тот парень на пивных вечеринках и стене туалета вовсе не настоящий Кросби. Это человек, скрывающийся за всеми этими представлениями, парень, который очень старательно работает, не сбавляя оборотов, вот он какой.

Я же, напротив, так старалась, чтобы меня заметили, что позволила себе забросить все прочее. Учиться, быть ответственной, честной, доброй. Я не училась, была арестована. Лгала Келлану и Кросби, перестала дружить с Марселей, потому что мне нужен был козел отпущения, чтобы оправдать прошлогоднюю глупость. Все мои действия были нацелены на создание нелепого, фальшивого образа либо тусовщицы, либо прилежной домоседки, но я никогда не находила времени упрочить свои тылы, сформировать в себе человека надежного и крепкого. А что в итоге? Один человек наконец заметил меня, увидел за фасадом настоящую меня, и я ему все равно понравилась. Задолго до того, как мне хватило мозгов это осознать.

Я размышляю о Нэйте, который в прошлом году отправлял Марселе те подарки, о ее не таком уж тайном поклоннике. Думаю о всех тех разгах, когда ему приходилось слышать от нас о наших похождениях в выходные, всех тех разгах, когда ему, должно быть, хотелось быть участником тех историй, быть тем самым парнем. Но тем не менее он любил ее, поддерживал и восхищался. Пока не достиг предела. А потом в последние месяцы они стали обмениваться незаметными взглядами, приводить не-особо-значимых других, когда в действительности все заключалось в несказанных словах, несовершенных поступках,

которые, однако, были весьма красноречивы.

Я думаю о своих родителях, проживающих в разных частях дома, их совместной и при этом раздельной жизни. Они настаивают на том, чтобы демонстрировать единый фронт ради моего блага, но от этого никто не в выигрыше. Стоит мне отвернуться, они продолжают ненавидеть друг друга, их застарелое и излишнее презрение должно было давным-давно закончиться.

Мы можем кричать, драться, плакать и игнорировать, но по-настоящему нас раскрывают вещи, которые мы делаем, когда думаем, что нас никто не видит. Что ж, с меня довольно. Больше никаких неразберих и лжи.

Начиная с сегодняшнего дня.

* * *

Снег хрустит под шинами, когда мы заезжаем в грязноватое автобусное депо в Грейсоне, штат Вашингтон, и я вижу родителей, дерущихся за главенство в небольшой толпе, которая собралась за дверьми терминала. В своей типичной манере они оба одеты в неоновые цвета, чтобы постараться выделиться на фоне остальных: мама в розовом, а папа — в желтом. Я уверена, что помню эти куртки с злосчастной лыжной поездки, когда мне было шесть лет. В любом случае они эффектные: в автобусе ни осталось человека, который бы их не заметил.

— Привет! — восклицает мама, заключая меня в объятия, стоит мне зайти в терминал.

— Привет, — приветствую я, слова раздаются приглушенно через вязкую ткань ее куртки. Я выбираюсь из ее объятий, чтобы тут же попасть в объятия папы.

— Как поживаешь, Нора-Бора? — спрашивает он. — Есть еще багаж?

— Нет, — отвечаю я, отступая и поправляя рюкзак на плече. — Только это.

— Не очень-то много на неделю.

— Мне много и не нужно. — В Грейсоне особо нечем заняться, а учитывая мою несуществующую популярность в старшей школе, у меня мало друзей, к которым можно заглянуть или мест, куда сходить. К сожалению, в настоящее время то же самое можно сказать и о Бернеме.

— Прекрасно выглядишь, — говорит мама, направляясь на парковку.

— Спасибо, — я дрожу от влажного воздуха и застегиваю молнию на куртке до подбородка. Стоит подойти к машине, и у меня вырывается вздох. Их две. Припаркованы рядом, готовые к тому, чтобы я сделала выбор.

— Залезай, — говорят они одновременно, протягивая руки к дверцам пассажирских сидений обеих машин.

— Неужели так уж необходимы были две машины? — устало спрашиваю я. — Ведь мы едем в один и тот же дом?

— Это дуплекс, — отмечает папа.

— Здание одно.

— Но два дома.

— Да, я понимаю. Но вы зря тратите бензин. — И впрямь неважно кого я выберу, неважно по какой причине, чьи-нибудь чувства да пострадают. В этом уравнении есть только два варианта, как две стороны у дуплекса. Нет безопасной, нейтральной территории. Возможно, именно поэтому комфортное равновесие так привлекательно и вместе с тем так труднодостижимо.

— Хорошо, — говорю я, когда ни один из них не сдастся. Мой папа припаркован в

торце проезда, что означает его дверь откроется шире, значит я легко могу разместить свою сумку. — Я выбираю эту машину. Увидимся в обоих домах.

Мама выглядит уязвленной.

— Но я...

— Вы хотели, чтобы я выбрала. Я выбрала. Поехали.

Они выглядят удивленными, когда я скидываю сумку себе в ноги и сажусь, пристегиваясь ремнем безопасности. В прошлые годы я бы переживала из-за их поведения и умоляла бы так не делать. Это не соревнование. Я люблю их обоих так же сильно, как они меня расстраивают. Но их негласная война больше касается их самих, чем меня.

Папа кажется довольным, пока мы едем домой, рассказывает о своей нынешней подружке Сэнди, работающей в тренажерном зале, и их планах поехать весной на Антигуа.

— Твоя мама едет в Мексику, — говорит он почти жалостливо. — Это немного банально, не считаешь?

— Мексика — «банальность»? — эхом повторяю я. — Не знаю. Никогда там не была.

Он был трижды. Мама тоже бывала. А меня никогда не приглашали.

Мы останавливаемся на красный свет, и он с серьезным выражением на лице разворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Ты в порядке, Нора? Ты кажешься слегка напряженной.

— Просто это была долгая поездка на автобусе. — Сейчас послеобеденное время, но небо уже темнеет. Я притворно зеваю, и он, похоже, ведется на это.

Мы молча едем через центр города, обледеневшие улицы все еще оживлены, так как некоторые люди только заканчивают делать свои покупки. Сейчас канун Рождества, так что магазины будут открыты еще несколько часов, и когда мы проезжаем мимо бакалейного, я выпрямляюсь на сиденье.

— У кого индейка? — спрашиваю я.

— Хмм?

— Индейка. Кто ее делает в этом году? Ты или мама?

— О, твоя мама, полагаю. Но не беспокойся — на всякий случай я купил гамбургеры.

Мы останавливаемся на очередном светофоре, мама притормаживает прямо рядом с нами. Я опускаю окно и жестикулирую ей сделать так же.

— У тебя есть индейка? — выкрикиваю я.

— Что?

— У тебя есть индейка?

— Ее готовит твой отец!

— Он сказал, что ты!

— Роберт! — кричит она через меня. — Ты же сказал, что сделаешь!

— Я предложил, — выкрикивает он в ответ, — но ты сказала, что я ее провороню!

— И тогда ты сказал...

Я поднимаю стекло, не дожидаясь ее аргумента.

— Остановись у «Картерс».

* * *

В итоге у нас оказывается маленькая, но неоправданно дорогая птица, которая лежит в раковине прачечной в подвале мамы, предположительно, чтобы оттаять за ночь. Я объясняю, что в период своего пребывания буду чередовать стороны дуплекса, этой ночью начиная с дома мамы, чтобы приглядывать за индейкой.

Рождественское утро как обычно проходит в напряжении. Мои родители ведут себя так, словно все в порядке, а я сижу там и открываю слишком много подарков, так как они пытаются переплюнуть друг друга вещичками типа духов, шарфов и броских украшений — ни одно из которых я никогда не надену, однако одинаково благодарю их за все. Думаю, мы все вздыхаем с облегчением, когда я распаковываю последний подарок и отправляюсь в подвал забрать индейку из ее прохладной ванны.

Келлан настоял на том, чтобы объяснять весь процесс в ходе подготовки индейки, вплоть до гадких вещей: вроде удаления спрятанных внутренностей и сшивания ее частей, чтобы она не разваливалась. Я пропускаю часть с «замариновать» в основном из-за того, что не знаю, что значит маринад, и следую рецепту, который он мне прислал, смешивая панировочные сухари и нарезанные овощи с различными специями, добытыми в глубинах кладовой моей матери.

Меня немного подташнивает, когда я начинаю птицу и втираю масло под пупырчатую кожу, после чего сую все в духовку. Я угрожаю, что незамедлительно уеду домой, если птица пропадет хоть на секунду, и мои родители обещают держаться от нее подальше. Честно сказать, они выглядят немного напуганными этой несвойственной мне решимостью.

Вскоре настает время ужина. Я спускаюсь вниз, где меня знакомят с папиной подружкой Сэнди и новым бойфрендом мамы Байроном. У обоих отношения все еще на начальной стадии, слишком ранней для рождественского ужина с бывшими друг друга, если судить по напряженным выражениям на их лицах.

Впервые за долгие годы мы садимся за трапезу, в которую входит индейка, по-настоящему приготовленная в нашей духовке. Раздаются одобрительные возгласы, пока папа разделяет ее, и я испытываю легкий трепет удовлетворения, когда мы приступаем к еде и никто не достает из карманов какие-либо дополнительные продукты. Она даже более удачно получилась, чем на Благорождение.

— Так, — произносит Байрон, поглядывая на меня поверх винного бокала, — ты учишься в Бернеме, верно?

— Да.

— Моя альма-матер, — вмешивается мой отец без приглашения.

Байрон просто смотрит на него, прежде чем вернуть свое внимание ко мне.

— Какая специализация?

— Пока под вопросом.

— Я думал, ты уже на втором курсе.

— Так и есть.

Мама ободряюще улыбается.

— Нет ограничений во времени, чтобы найти свой путь, — уверяет она меня. — Когда будешь готова, сама поймешь.

Папа с Сэнди фыркают в унисон.

— Прошу прощения, Роберт, — сдержанно произносит мама. — Что-то не так?

— Не так? — спрашивает он. — Нет, Диана, ничего. С чего бы?

— Я...

— Хотя ограничение во времени *есть*, — продолжает он. — Оно составляет четыре года, каждый из которых обходится в небольшое состояние.

Я нарезаю индейку на мельчайшие кусочки и стараюсь избегать зрительного контакта. Несмотря на то, что в этом году мои оценки — и по большей части мое поведение —

значительно улучшились, я по-прежнему не считаю, что они придут в восторг, узнав, что меня недавно выселили и почему.

— И что изучают студенты, когда они «под вопросом»? — добродушно спрашивает Сэнди. Я бы предпочла есть под столом, чем вести эту беседу, но понимаю, что она просто пытается разрядить пузырьки напряжения, возникающие между моими родителями.

Я одариваю ее слабой улыбкой и перечисляю свои предметы за оба года обучения.

— Это очень широкий выбор, — отмечает Байрон.

— Ей двадцать один год, — пренебрежительно говорит мама. — Не каждый знает, чего он хочет в двадцать один. Порой нужно примерить несколько пар обуви, прежде чем найти подходящие. — Она, похоже, гордится своей аналогией, но папа закатывает глаза.

— Она не Золушка, Диана. — Затем он быстро переводит взгляд на меня. — Хотя ты всегда будешь моей принцессой.

Теперь *все* закатывают глаза.

— У меня диплом инженера, — продолжает он, ни капли не смущаясь. — Ничего плохого в этом нет.

Мама прищуривает глаза.

— Ты редактируешь поваренные книги. Какая тут связь с инженером?

— Это хорошо смотрится в резюме.

— На первом курсе у тебя профилирующей была философия, а на втором — биология. Ты сам довольно долго не мог определиться, Роберт. Не нужно спешить, Нора. — Она накрывает ладонью мою руку.

Папа хмурится.

— Легко говорить, когда не ты платишь за обучение.

— Зато именно ты настоял, чтобы она поступила в Бернем. Позволь ей немного освоиться, прежде чем она поймет, чего на самом деле хочет. Когда будет готова, то сделает выбор. Разве не так, милая?

Я ерзаю на стуле и думаю о Кросби.

— Да.

Ужин тянется бесконечно долго и Сэнди с Байроном сбегают, как только появляется такая возможность.

— Молодец, Диана, — поддевает папа, принося посуду на кухню.

— Я? — протестует она. — Это ты загоняешь людей в угол.

— Как? Питая надежду, что наша дочь действительно чему-то учится в колледже? Разве ожидать от нее успехов настолько постыдно?

— Я стою здесь, — обращаю их внимание, находясь в двух шагах от них со стопкой тарелок.

— Ты делаешь ей больно! — огрызается мама.

— С ней все в порядке, — отвечает папа. — И если...

— Можете перестать обсуждать мои чувства? — прерываю я. — И все-таки поговорите о том, что чувствуете сами? Хоть раз?

Они замирают и медленно оборачиваются, будто только что вспомнили о моем присутствии.

— Нора, милая, — говорит мама. — Все хорошо. Мы просто разговариваем.

— Потому что заботимся, — добавляет папа.

— Вы лжете, — заявляю я категорично. — Мне. Друг другу. Сэнди и Байрону. Всем. Вы

застряли в этом фарсе, притворяясь, что все в порядке, считая, будто для меня так лучше, но это не так. Я бы предпочла, чтобы вы были честны во всем раз и навсегда. От того что вы все сдерживаете в себе, делает каждого из нас несчастным.

— Мы не...

— Просто скажите это, — прерываю я их попытки спорить. — Скажите правду. Выложите все на чистоту. И если вы сможете преодолеть это, замечательно. А если нет, тоже нормально. Будет больно, но вы будете жить.

Несмотря ни на что я продолжаю жить и уже устала от таких вот мучительных каникул. Мне надоело вечно чередовать стороны дуплекса, поддерживать беседу с незнакомцами и никогда не получать индейки. До сегодняшнего дня мои попытки быть другой привели к целой куче лжи — себе, другим людям. Пришло время для правды.

— Я ненавижу тебя, Роберт, — наконец произносит моя мама. — Я просто тебя ненавижу.

Папа выглядит ошеломленным.

— Диана! Нора...

— Уже взрослая, — твердо, если не сказать чуть печально, заканчивает она. — Она выросла и наряду с тем, что Санта не приносил ей ни одного из тех подарков, которые она открыла сегодня, знает, что весь этот фарс о «гармонии между нами» — просто... фарс. И к тому же кошмарный.

Он шевелит ртом, но не издает ни звука, пока в итоге:

— Полагаю, я тоже тебя ненавижу, — произносит он нехотя. — И ненавижу этот дуплекс. Ты никогда не косишь свою сторону фасадной лужайки, и она вечно выглядит однобоко.

— Ох, ты и эта твоя одержимость травой! По крайней мере, я не хожу по лестнице как раненый бегемот — весь дом трясется.

— Ты четырежды нажимаешь на сигнализацию, чтобы запереть машину — четырежды! Нужно лишь раз. Скольких нужно побеспокоить...

Я урываю еще один кусочек пирога и выхожу из комнаты, минуя обеденный стол с остатками индейки, бесхитростно лежащей на обрамленном остролистом блюде. Нам понадобилось очень много времени, чтобы провести этот ужин, и хотя это оказалась не самая легкая для проглатывания пища, я не могу не думать о том, сколько всего было бы по-другому, если бы только мы устроили его раньше.

Глава двадцать первая

Хотя прошло лишь четыре месяца с тех пор, как я переехала в квартиру Келлана, кажется, что гораздо больше, когда делаю три ходки по тихим улицам Бернема, чтобы полностью перевезти вещи к Марселе. В дополнение к тому, что она оставила мне ключи от своего — нашего — дома, она также одолжила мне машину, и в данный момент я паркуюсь на обочине и взбегаю по лестнице к моей — Келлана — квартире, чтобы посмотреть, как наилучшим образом засунуть длинные панели каркаса кровати в крошечный багажник.

Сейчас девять часов вечера кануна Нового года и все остальные уже разъехались. Я добралась до дома в три, чтобы закончить паковать и начать переезд, полная решимости проснуться завтра в новом, лучшем месте, как буквально, так и метафорически. Но столкнувшись сейчас с последними кусочками головоломки, я чувствую себя изнуренной. Во

время одной из сегодняшних поездок я притормозила в городе у китайской закусочной и теперь плюхаюсь на диван с картонной коробкой холодной лапши и стаканом апельсинового сока, чтобы посмотреть, как на Таймс Сквер опускается шар. В прошлом году мы с родителями стояли на их лужайке, чтобы понаблюдать, как соседи запускают фейерверки. Они притворились, будто это из-за их живого интереса к пиротехнике, но все мы знали, что причиной было нежелание каждого уступить праздник, отправляясь в чужую часть дома, чтобы смотреть за отсчетом по телевизору.

Идет обратный отсчет, и Нью-Йорк взрывается ликующими возгласами, все улыбаются, обнимаются и целуются, счастливые и беззаботные. Я переключаю каналы, пока не нахожу старое черно-белое кино, желая, чтобы все было так же просто, а затем даю себе мысленный пинок за нытье. Да, я двадцатидвухлетняя девушка, которая проводит Новый год в одиночестве. Да, меня недавно выселили. Да, меня недавно бросили. Но если рассмотреть список моих целей на этот год — «не быть выселенной» и «не быть брошенной» в нем никогда не фигурировало. Мне удастся не провалить ни одного предмета и меня не арестовывают, так что технически я все еще на коне.

Я разворачиваюсь и выглядываю в окно, за которым начинает падать легкий снег, припорошивая ветки деревьев и прилипая к траве. Не знаю, каков прогноз погоды, но если хочу закончить переезд сегодня, то не могу тратить время на самобичевание. Во всяком случае, не здесь. Я могу заняться этим в моей новой квартире.

Выбрасываю пустую коробку в мусор, ополаскиваю стакан, кладу его в посудомоечную машину и запускаю цикл, чтобы по возвращении Келлан попал на чистую кухню. Свежее начало для всех.

Я только что спустила все части каркаса кровати вниз по лестнице к входной двери и тянусь к своим ботинкам, когда вдруг раздается стук. Я замираю, затем медленно распрямляюсь. Спустя секунду очередной стук в дверь. Мне известно, что Бернем уже опустел. Мне попались лишь трое прохожих за все время моих поездок до дома Марселлы, и ни у одного из них не было причины нагреть ко мне с визитом в десять вечера в канун Нового года.

Я встаю на цыпочки и осторожно заглядываю в глазок. И во второй раз за последние минуты замираю.

Это Кросби.

Хотя я очень тепло одета в джинсы и обтягивающий шерстяной свитер, мои пальцы немеют, когда я вожусь с засовом и поворачиваю дверную ручку, чтобы открыть дверь. Холодный ночной ветер врывается в помещение, и я дрожу. Даже зная, что это был он, я все же поражена видеть Кросби в двух шагах от себя с втянутой в плечи от холода головой и руками, засунутыми в карманы джинсов. Его дутая черная куртка застегнута до подбородка, он переминается с ноги на ногу и прекращает лишь когда поднимает глаза и встречается со мной взглядом.

— Привет, — произношу я, не в состоянии придумать ничего другого.

Он коротко кивает.

— Хэй.

Казалось бы, крошечная, отчаянная надежда начала было расцветать, но тут же увядает.

— Его тут нет, — говорю я, кивая себе за плечо. — Он не вернется до второго.

— Знаю, — он смотрит на меня с непроницаемым лицом, тени под глазами сильнее заметны от желтого света с крыльца.

— Тогда что ты... — я снова дрожу. — Ты что-то забыл? Хочешь зайти?

Легкое колебание.

— Да.

Я отступаю на шаг, он заходит, вытирает ноги о коврик и закрывает за собой дверь. Без снежных завываний ночи в комнате как будто стоит гробовая тишина, наполненная мучительным напряжением. Наконец он отводит взгляд, осматривая знакомые деревянные части, приставленные к стене.

— Что ты делаешь? — его голос хриплый, и он прокашливается, выглядя смущенным.

— Переезжаю, — отвечаю я, также глядя на каркас кровати. — К Марселе. Это последний заход.

Он кивает и смотрит мне через плечо на лестницу.

— Кроме шуток?

— Кроме шуток.

Опять тишина.

— Тебе что-то нужно? — спрашиваю я, когда больше не могу ее выносить. — Видеоигру или еще что-то? Почему ты так скоро вернулся? В городе больше никого нет.

Он снова встречается со мной взглядом.

— Знаю.

Мое сердце так сильно колотится, что кажется, на нем останется ушиб.

— Знаешь?

— Да. Знаю.

— Тогда... почему? — я задумываюсь обо всех моих не отвеченных сообщениях. Извинениях. Рождественском подарке. — Ожерелье? — тихо спрашиваю я. — Оно на столешнице. Могу принести. Я собиралась попросить Келлана вернуть...

— Не из-за чертового ожерелья, Нора.

Я оборачиваюсь вполборота, стоя одной ногой на первой ступеньке, когда тихие слова заставляют меня остановиться. В них нет неистовства, нет гнева, лишь грусть. Изнеможение. Словно гнев оставил его выжатым и опустошенным. Знакомое чувство.

Долгую, томительную минуту мы просто смотрим друг на друга, и я не выдерживаю. Стараюсь сморгнуть слезы насколько могу, но чувствую, как они повисают на кончиках ресниц, в итоге я сдаюсь и беспомощно пожимаю плечами.

— Мне жаль, — говорю я. — Я писала тебе тысячу раз, оставляла сообщения. Прости, Кросби. Мне так жаль. Больше мне нечего сказать.

Он играет желваками и кивает:

— Верно.

— Хочешь, чтобы я сказала что-то еще? Сказала, что сожалею об этом? Что сожалею, что не рассказала тебе? Что сожалею, что пошла на ту дурацкую вечеринку? Потому что так и есть. Я сожалею обо всем. Но как я могла знать, что ты... я... это... — легким жестом провожу между нами, — должно было произойти? Я не могла знать. Я не знала... — я осекаюсь, когда слезы начинают слишком давить и ощущаться на губах. — Мне нужен платок. — Что мне действительно нужно, так это пространство. Ведь несмотря на то что последние две недели я ничего так не желала, как увидеть Кросби, поговорить с ним, сейчас все разительно иное.

И он тоже теперь воспринимает меня по-другому.

Я Нора-Бора, Красный Корсет и все что между.

Беру из ванной бумажный платок и вытираю глаза, учащенно дыша и заставляя себя успокоиться. Когда я возвращаюсь, Кросби сидит на подлокотнике дивана в расстегнутой куртке. За исключением отсутствующих благорожественских декораций квартира выглядит почти также. Моя жизнь в основном протекала в спальне и если только он не подходил к двери и не заглядывал туда, то никак невозможно определить, проживала ли я тут вообще.

Я просто смотрю на него. Не знаю, что еще делать.

— Это несправедливо, — говорит он, вода кончиком кроссовки по деревянному полу.

Я сглатываю.

— Знаю.

Он качает головой.

— Несправедливо, что у меня есть список, который я, нафиг, закрасил, а у тебя что — пять минут в чулане? — за которые ты получила прозвище и охоту на ведьм.

Не уверена, дышу ли я еще.

— Ч-что?

— Я имею в виду, это несправедливо, что у моей девушки был секс с моим лучшим другом, но откуда мы могли знать?

— Крос...

— Я был на той вечеринке, Нора. Но даже не видел тебя. На тебе был чертовкрасный корсет, а я тебя даже не заметил. Затем ты появляешься здесь, стараешься быть незаметной, и вдруг я больше никого другого не вижу перед собой.

— Чт...

Он трет руки о бедра, будто его ладони вспотели.

— Я должен был обо всем подумать. В ту ночь ты разбила мне чертово сердце. Понимаю, что не нарочно, но это не означает, что ты этого не сделала.

Я морщусь.

— Знаю.

Его взгляд блуждает по комнате и останавливается на маленькой красной коробочке, лежащей на шкафчике.

— Видимо, знаешь.

— Прости, Кросби.

— Я поехал домой, потому что подумал, на расстоянии станет легче и не видеть тебя будет проще, но это не так. Я все время думаю о тебе. Еще с сентября. И я старался выйти проветриться, чем-нибудь заняться, но просто не мог перестать думать. Я не мог избавиться от этих мыслей. Потому что хочу быть тем парнем на стене в туалете не более, чем ты хотела стать девушкой в дурацком списке Келлана.

Хотя я понимаю, что мы уже две недели как расстались, но мысль, что он выходит проветриться и «чем-нибудь заняться» по-прежнему рвет мне сердце надвое.

— Ты...

Он качает головой, точно зная, о чем я думаю.

— Я ни с кем не мутил. Каждый вечер к девяти был дома. Именно тогда мои родители и поняли, что что-то случилось.

— Что ты им сказал?

— Что была девушка.

— И что они ответили?

Он слабо улыбается.

— Что пора бы уже.

— Ты говорил им о... — я не могу произнести этих слов. Теперь, когда они повисли в воздухе, я не могу их вымолвить так же, как и взять назад.

— Нет. Конечно же нет. Это твоя тайна и тебе решать, раскрывать ли ее или нет.

— Я бы предпочла второе.

— Я тоже.

Снова наступает тишина.

— Кросби, — голос звучит скрипуче. — Почему ты здесь?

Он беспомощно приподнимает плечо.

— Потому что хотел тебя увидеть. Всегда хочу.

— Даже...

— Я получил твои сообщения.

Я замолкаю.

— Все сто четырнадцать.

Меня передергивает.

— Я не...

— Все в порядке. Келлан прислал триста двадцать два. По сравнению с ним ты была совершенно не заинтересована в моем благополучии.

Я слабо смеюсь.

— Он сказал тебе, что выгнал меня? Именно поэтому я переезжаю.

— Да, сказал.

— Он сказал, что бро превыше шлюшек?

Его брови взмывают вверх.

— Он так сказал? Вслух? Тебе?

— Ну это скорее прозвучало как: «бро превыше шлюшек-соседок».

Теперь Кросби смеется.

— Сгладил.

— В смысле, я также уезжаю, потому что с самого начала мне вообще не стоило сюда въезжать.

— Я был тут в тот первый день, — напоминает он. — Когда ты осознала, что тебе, вероятно, придется сталкиваться со мной время от времени, то уже тогда у тебя не было никакого шанса.

— Именно это все и предрешило.

Опять тишина.

— Помнишь, когда ты сказала, что не знаешь, как находить баланс? — в конце концов спрашивает он. — Что из одной крайности бросаешься в другую? Нора-Бора или... Красный Корсет?

Я прикусываю губу и киваю.

— Знаешь, о чем я подумал?

— О чем?

— Что на Хэллоуин мы встретились прямо посередине. Тот собачий парк находится на полпути от этого места к дому братства.

От удивления мой рот сам собой открывается, а затем закрывается.

— Это очень... пронциательно.

— Знаю. Также я понял, что мы оба были в костюмах. Ты была безумной женщиной в

бегах, а я вполне естественно был супергероем.

— Естественно. — Но мой мозг лихорадочно работает, собирая разрозненные кусочки и соединяя их в новую картинку той ночи. Он был Суперменом, чьим-то альтер-эго, тем образом, который предстал перед обществом. Но когда мы вернулись сюда и с его плеч слетела накидка, он был Кросби, а я Норой, и мы оба были сами собой. И этого было более чем достаточно.

Он рассматривает свои ногти, а затем поднимает на меня взгляд.

— У тебя есть еще какие-нибудь секреты, Нора?

Я качаю головой.

— Нет. Однозначно, нет.

— У меня тоже.

Рядом со мной заканчивается фильм, и короткая реклама сменяется на обратный отсчет до Нового года в Чикаго.

— Уже одиннадцать часов, — говорю я, засуетившись.

— Да. И что?

— Я сказала себе, что начну новый год в месте получше. А конкретно в квартире Марселы. Без... ну ты понимаешь.

— Меня.

Я небрежно взмахиваю на окружающее нас помещение.

— Этого.

— Тебе нужна помощь?

— Остался только каркас кровати.

— Давай, я помогу. Где живет Марсела?

— В пяти минутах от «Бинс».

— Ясно.

Мы в четыре захода засовываем все части в оба багажника, и даже в этом случае Кросби приходится привязать шарф, чтобы его закрыть, так как замок не защелкивается. Снег усилился и улицы окутаны в белое. Он ждет на ступеньках за дверью, пока я бросаю на квартиру последний беглый взгляд, выключаю везде свет и запираю за собой дверь.

Мы медленно едем по припорошенным, темным улицам, свежевывавший снег хрустит под колесами. Кросби следует за мной в течение десяти минут и, когда я паркуюсь у дома Марселы, тормозит на соседнем месте.

Мы выбираемся из наших машин и встречаемся у багажников.

— Это здесь.

— Я так и понял. — Он отвязывает шарф и сгребает деревянные панели, после чего настаивает на том, чтобы нести и половину моих. — Показывай дорогу.

Марсела живет на третьем этаже здания, которое квалифицируется в Бернеме как «новое», это означает, что ему около пятнадцати лет. Ее квартирка довольно обшарпанная, зато просторная, и Кросби одобрительно кивает, когда мы пересекаем порог.

— Симпатичная.

— Это будет моя комната. — Я провожу его через кухню к маленькому коридору с расположенными напротив друг друга спальнями. Он останавливается у двери и хмурится на коробки из-под молока, вещмешок и матрасы, которые я перевезла, чуть не померев в процессе.

— Снова? — спрашивает он, выгибая бровь в мою сторону. — Консерваторша?

— У Марсели есть гаечный ключ и отвертка, — сообщаю я. — Так что... возможно, она будет знать, как собрать мебель.

Он ухмыляется, аккуратно расставляя деревянные панели вдоль стены, подальше от деревянных частей, приставленных к противоположной стене, которые были моим письменным столом.

— Сходи за этими «инструментами», — велит он, снимая с себя куртку. — И на этот раз будь внимательна.

Я не собираюсь смотреть в зубы дареному коню, разворачиваюсь и топаю на кухню отыскивать разводной ключ и отвертку в Марселином ящике со всякой всячиной. К тому времени, как я возвращаюсь, Кросби уже разложил все детали на ковролине и в недоумении сидит среди них на коленях.

— Что ты сделала с винтами? — спрашивает он. Мне требуется секунда, чтобы ответить. На нем черная футболка, которая натянута на его спине, бицепсы широкие и четко очерченные.

Я трясую головой, чтобы избавиться от похотливых мыслей.

— Я оставила их в машине. Схожу принесу. — Я разворачиваюсь и спешу за дверь, прежде чем он успеет обдумать сказанное. Я бы солгала, если бы сказала, что не испытываю радостный трепет оттого, что он здесь. Что он... пытается.

Дойдя до машины, я вытягиваю пластиковый пакет, в который сложила винты, а затем колеблюсь, рассматривая машину Кросби. Блокиратор двери со стороны водителя поднят, и прежде чем успеваю отговорить себя, я уже роюсь под пассажирским сиденьем, пока не нахожу подарок, спрятанный мной еще до дня Благорождения. Может, я преподнесу его в знак признательности за сборку моей мебели. В конце концов, он же мне что-то приподнес. Даже если мне пришлось это вернуть.

Я возвращаюсь в квартиру и присоединяюсь к Кросби, сидящему на коленях на полу в моей комнате, и подаю ему предметы согласно инструкции, притворяясь, что вся во внимании, как делала это в прошлый раз.

— Как прошли твои экзамены? — спрашивает он, зажимая винт губами и завинчивая второй.

— Думаю, хорошо. Определенно лучше, чем в прошлом году. А твои?

Он пожимает плечами, отчего его футболка задирается, обнаруживая участок бледной кожи и боксеры, выглядывающие из-под джинсов.

— Неплохо.

— Это хорошо.

— Да. Как прошла поездка домой?

Я колеблюсь.

— Э-э...

Он перестает работать.

— Это что значит? Без индейки?

— Индейка была. А еще... разговор по душам.

— Разговор по душам?

— Да. Если вкратце, я заставила родителей признать, что они ненавидят друг друга.

— Серьезно признали? На самом деле ненавидят?

— Да и да. Папа уже ищет себе новое жилье.

— Не может быть.

— Индейку переоценивают.

— Или недооценивают, — парирует Кросби. — В качестве сыворотки правды.

Я смеюсь.

— Вполне справедливо.

— Что насчет Нэйта и Марселы? Они все еще ругаются? — Он возвращается к работе соединяя последние части каркаса.

— Не знаю, — мямлю я. — Не думаю. Марсела сказала, что не готова признать, что была влюблена в него, но и не собирается делать вид, что он ей безразличен.

— И что это им даст?

Я пожимаю плечами.

— Марсела на Таити, так что... рай?

Он улыбается и поднимается на ноги, осторожно пиная каркас, чтобы убедиться, что он крепкий.

— Берись за другой конец, — инструктирует он, поднимая пружинный блок. Я делаю как велено, и мы помещаем его в раму кровати, накрывая сверху матрасом. Кросби садится на него всем весом, несколько раз подпрыгивает, и конструкция выдерживает.

Затем он смотрит на меня.

— Ты знаешь, что я собираюсь сказать.

— Счастливого Нового года?

— Запрыгивай на кровать, Нора.

— Помнишь, что случилось в прошлый раз?

Он оценивающе окидывает меня взглядом.

— Ты, похоже, немного похудела. Все должно пройти хорошо.

— Не могу поверить, что вообще скучала по тебе.

Его улыбка мгновенно исчезает.

— Правда?

— Правда ли скучала? Да, конечно. Ты же получил сотню сообщений.

— Сто четырнадцать, но кто считает?

— В самом деле, кто. — Я задерживаю дыхание, когда он поднимается и протягивает мне руку, чтобы помочь встать. Я вполне способна и самостоятельно забраться на постель, но мне хочется снова ощутить его, даже если это всего лишь грубая кожа его пальцев на моих и слабоежатие, прежде чем он меня отпускает. Я стою в центре и наблюдаю, как он прислоняется к дальней стене и скрещивает руки на груди. Его бицепсы бугрятся, предплечья выглядят невероятно сильными — он такой сексуальный, а я чувствую себя такой идиоткой.

— Я не...

— Прыгай, — прерывает он. — Мы должны убедиться, что конструкция безопасна.

— Я наверно...

Он прокашливается и приподнимает бровь.

Я корчу мину и делаю предварительный толчок на кончиках пальцев. Пружины матраса скрепят, но ничего ужасного не происходит. Я смотрю на свои ноги в носках и на этот раз отталкиваюсь чуть сильнее, пятки отрываются от гладкой материи, немного скользят. Я сгибаю колени и пробую еще раз, с опаской глядя вверх, будто могу удариться о потолок.

Но это не так.

Я вздыхаю и говорю себе, что сделаю это лишь раз, всего один высокий прыжок, чтобы

продемонстрировать Кросби, что я могу, хотя думаю, теперь он это знает.

Я прыгаю.

Ничего не ломается.

Я приземляюсь на ноги и жду, с полной уверенностью полагая, что матрас рухнет или соседи постучат в дверь, но этого не происходит. Я вновь прыгаю и матрас скрипит, но все держится крепко. Я прыгаю снова, и снова, и снова, а когда поднимаю глаза, Кросби улыбается, наблюдая за мной сексуальным, позабавленным и по какой-то причине понимающим взглядом.

Остановившись, я опираюсь рукой о стену, матрас колышется у меня под ногами, дыхание чуть сбивается, и я подзываю Кросби пальчиком.

— Иди, — говорю я. — Твоя очередь.

— Моя очередь уже была.

— Просто хочу знать, что ты можешь веселиться, — говорю я. — Разве ты не это мне сказал?

— Я?

— Хмм.

— А что ты ответила?

— Я сказала типа «Ладно, прекрасная идея».

Он смеется.

— Я уже дважды собирал эту штуку и не собираюсь делать это в третий раз. Слезай.

— Почему?

— Потому что я так сказал. — Он наклоняется, чтобы поднять с пола свою куртку и у меня все внутри обрывается. Ох.

Но затем он достает из кармана куртки плоскую красную коробочку и разворачивается ко мне, осторожно выдыхая.

— Знаешь, что еще я понял? — тихо спрашивает он.

Я спускаюсь с матраса, но не пересекаю разделяющие нас четыре фута.

— Что?

— Что мы виделись с тобой на День Труда, День Ветеранов, Хэллоуин, Благорождение и вот на Новый год. Но не на Рождество.

Я смотрю на коробочку, которую он, должно быть, забрал из кухни.

— Знаю.

— Я принес тебе это. Положил под подушку, но потом...

— Знаю.

— Я много думал об этом в последнее время. В смысле, черт, я много думал об этом с тех пор, как мы встретились. Я действительно волновался, что влюбился в кого-то, кто влюблен в другого.

— Я не влюблена в Келлана.

— Знаю.

— Я... Правда знаешь?

— Да. Сто четырнадцать сообщений, помнишь?

— Звучит до неприличного много. Но если ты не считаешь это сталкерством или прилипчивостью, тогда все нормально.

— Ты подсобила мне с учебой, — говорит он, проводя пальцем по краю коробочки. — Давала мне бесплатные закуски в кофейне. Притворялась, что не знаешь о том «Хастлере» в

моей наволочке.

— Каким «Хастлере»?

— Тебя впечатляют мои магические фокусы.

— Они впечатляющие.

— И ты помогла мне закрасить ту стену в туалете. Будто те выборы, что я сделал в прошлом году и о которых сожалею, были естественными. Потому что именно это происходит в колледже. Ты совершаешь ошибки. И учишься на них.

Я киваю с надеждой и страхом.

— Некоторые бегают голышом по Мэйн-Стрит и попадают в полицию, — добавляет Кросби в заключении, — но они действительно сумасбродные.

— Ты хорошо с этим справлялся.

Он улыбается и смотрит на коробочку.

— Который сейчас час?

Я проверяю время.

— Одиннадцать сорок девять.

Он вздыхает.

— Хочешь подождать одиннадцать минут, чтобы наступило идеальное время?

Я усердно качаю головой.

— Я не хочу ждать.

Он протягивает коробочку.

— С Рождеством, Нора.

— Ой, что это?

Он неловко смеется и подходит ближе, наступая мне на кончики пальцев.

— Просто открой ее.

Конечно я уже знаю, что там, но у меня по-прежнему перехватывает дыхание, когда я открываю крышку и вижу внутри изысканное золотое ожерелье, очаровательную крошечную книжку с аккуратной гравировкой на обложке.

— Ты его надевала? — спрашивает Кросби, подхватывая пальцем и доставая цепочку. — Когда нашла?

Я качаю головой, не в состоянии произнести ни слова, в то время как он возится с застежкой, а затем осторожно надевает украшение мне на шею. Золотая книжка ложится в V-образный вырез моего свитера, и мы оба следим взглядом за его движением, когда он проводит большим пальцем по выгравированным на ней буквам.

— Что думаешь? — шепчет он. — Я правильно выбрал?

Я молча киваю.

— А ты?

Наконец слова сами приходят.

— Ни о каком выборе и речи не было, — говорю я, поднимая руку и касаясь его лица, волосы завились у мочки его уха и жилки на шее.

Он широко улыбается и склоняет голову для поцелуя, но я отстраняюсь.

— погоди секундочку.

Он замирает.

— Серьезно?

— Да. — Я выбегаю из комнаты и выуживаю подарок из-за кресла в гостиной, где припрятала его ранее. Когда я возвращаюсь, он тарашится на упакованную коробку размером

с настольную игру и медленно принимает ее. На одном из углов вмятина, а обертка немного надорванная и частично отсыревшая.

— Что это?

— Твой рождественский подарок. Я спрятала его в твоей машине до того, как все случилось, но потом...

Он изучает меня, затем снова смотрит на коробку и подцепляет пальцем краешек бумаги.

— Он не такой красивый как твой, — поспешно говорю я. — То есть, отчасти он дурацкий. Я знаю, тебе не нужно...

— Замолчи, — велит он, срывая бумагу и роняя ее на пол, пока в его руках не оказывается коробка. Огромная, блестящая надпись на ней гласит: «Магический набор», а ниже печатными буквами написано: «Прекрасный Ассистент! Поразительные Иллюзии! (Ассистент не входит)».

— Это... э-э... Это все фокусы, в которых требуется ассистент, — говорю я, внезапно испытывая невероятную неловкость. — Подумала, что пока не станешь чувствовать себя на сцене комфортнее, если пожелаешь, я могла бы... ассистировать... тебе. Или... как захочешь. Это из маленького магазинчика странностей в Гэтсби, а парень на кассе заверил, что их будет легко освоить. Он также попытался продать мне нечто, по виду напоминающее что-то чуть крупнее купальника, и пару чулок в качестве моего «наряда ассистентки», но я отказалась.

— Спасибо, — наконец говорит он, поднимая голову. Я ошеломлена от силы эмоций в его взгляде, искренности и пристальности. Он подарил мне золотое ожерелье, а я дала ему *магический набор*, но он ведет себя так, будто это каким-то образом равнозначные вещи.

Тем не менее, все что я произношу:

— Пожалуйста.

Он кладет коробку на матрас позади меня и снова касается пальцами книжки-кулончика, глядя на меня.

— Ты все еще хочешь быть моей ассистенткой?

— Если ты все еще хочешь меня.

— Это будут единственные секреты, которые ты можешь хранить.

— Обещаю.

— Ты заберешь их с собой в могилу.

— О, безусловно.

— Ладно, Нора. Ты нанята.

Я не могу сдержать смех.

— Чудесно.

— И... — он в упор смотрит на меня и тянет за ожерелье. — Я люблю тебя. На случай, если ты не умеешь читать.

— А теперь ты соберешь мой письменный стол?

— Нора. Клянусь...

Я встаю на носочки, чтобы поцеловать его.

— Я люблю тебя, Кросби. Только тебя. Клянусь, что раньше никому этого не говорила. — А затем я говорю ему нечто, что он не часто слышал, нечто, что он заслуживает слышать каждый день. — Ты первый.

Я ощущаю его улыбку у моих губ, его ладонь скользит мне на затылок, пальцы

сжимаются, зарываясь в мои волосы.

— И у меня.

Прежде чем я успеваю ответить, снаружи начинается фейерверк. Он звучит как миллион крошечных взрывов, действие короткое, но насыщенное, и через покрытое инеем окно мы видим размытые всполохи красных, зеленых и желтых огней, взмывающих в небо, быстро распускающихся, а затем угасающих. Восхитительные, интенсивные, эфемерные.

— Идеальное время, — говорю я.

— Как я и планировал.

— Это часть твоих иллюзий?

Он улыбается и целует меня.

— Нет. Это реальность.

Эпилог

Я пристально смотрю на Кросби и упираю руки в бока.

— Вчера ты ходил гулять, — резко выдаю я.

— И что? — он смотрит в ответ. — Я больше не могу видиться со своими друзьями? Мы поженились, и ни с того ни с сего весь мой мир теперь должен ограничиваться только *этим*?

Я ахаю.

— Значит, *это* так плохо? Я работаю не покладая рук, чтобы тебе было приятно на *это* смотреть! — я жестом окидываю сцену, декорированную под импровизированную гостиную. Она состоит из старого кресла, отключенной из сети лампы и длинного деревянного ящика на возвышающемся столе.

— Я работаю не покладая рук, чтобы за все это платить! Не говоря уже о *том*! — Он указывает на огромное поддельное бриллиантовое кольцо на безымянном пальце моей левой руки. — И заслуживаю немного времени на себя!

— Поверь мне, — огрызаюсь я. — У тебя будет больше, чем немного личного времени. Прекрасно — иди, гуляй с друзьями. А я отправляюсь в кровать.

— Прекрасно.

— Отлично!

Кросби уносится со сцены, а я тем временем обхожу ее, чтобы залезть в стоящий на опоре ящик и лечь в него на спину, при этом голова выглядывает с одного конца, а ноги в шпильках видны с противоположного. Опускаю крышку, тем самым оказавшись надежно закрытой внутри, дергаю пальцами ног и преувеличенно зеваю, прежде чем изобразить, что якобы быстро заснула.

Мы репетировали это сотню раз, поэтому мне нет нужды открывать глаза, чтобы увидеть, как Кросби пробирается назад на сцену с пилой. «Бинс» полон под завязку, в помещении яблоку негде упасть, так как люди заполнили все ради вечера живого микрофона в День Святого Валентина. Как обычно участвует много поэтов и певцов, но лишь один магический номер. Кросби большую часть представления провел в одиночку, но этот — финальный номер — требует ассистента, поэтому я здесь.

Буду разрезана пилой надвое.

Аудитория ахает и тихо смеется, когда он запирает ящик и начинает решительно распиливать дерево, мои глаза как по команде распахиваются.

— Что ты... — Я визжу на полуслове, затем пускаюсь в демонстрацию очень

убедительной сцены смерти.

— Давно следовало это сделать, — заявляет Кросби, когда ящик оказывается полностью распилен. Он отбрасывает пилу на пол и разделяет половинки, показывая, что я действительно аккуратно разделена надвое. Хотя эту иллюзию все мы ранее видели, зал шумно аплодирует, а мне с трудом удается сохранить бесстрастное выражение лица, ведь я продолжаю изображать труп.

Слышу дыхание Кросби, когда он обходит стол, проверяет пульс, удовлетворенно кивает, не находя его, и вновь соединяет половинки ящика. С прирожденным талантом он открывает крышку, и я вылезаю невредимая, мы держимся за руки и кланяемся, зрители аплодируют стоя.

Он склоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

— Счастливого Дня Святого Валентина.

— А ты знаешь, как соблазнить девушку.

Мы широко улыбаемся и в последний раз кланяемся, после чего быстренько отодвигаем наши реквизиты в сторону, освобождая место для следующего исполнителя. Кросби стискивает мою руку, пока мы пробираемся сквозь толпу, благодаря и давая «пять» в ответ, прежде чем нырнуть на кухню, прихватить две бутылки с водой и направиться по коридору к заднему входу, чтобы подышать свежим воздухом. Хотя мое участие в номере длится лишь шесть минут, это были волнительные шесть минут, и я сильно взмокла, несмотря на то, что мой наряд ассистентки состоит лишь из тонких черных колготок и маленького черного платья, которое едва ли можно воспринять всерьез.

— Ты был великолепен, — произношу я, стоит нам перевести дыхание. — Трюк, где ты бросаешь карты и достаешь нужную прямо из воздуха, всех просто поразил.

Кросби смотрит на меня, пока опустошает за раз половину своей бутылки.

— Ты же знаешь, они смотрели лишь на тебя, — говорит он, вытирая рот тыльной стороной ладони, и указывает на мой наряд. — Кто может их винить? Я с трудом мог концентрироваться.

Я улыбаюсь.

— Я горжусь тобой.

Он смущенно улыбается в ответ.

— Спасибо.

С последнего выступления его волнение не ослабло, но, как всегда, он выходит туда, пробует, старается изо всех сил, выкладывается по полной. И хотя моя роль «ассистентки» была практически неприметна до самого финала, меня это больше не беспокоит. Пребывание в центре внимания не так уж важно. Быть заметной не так уж важно. Если я должна выбирать между количеством и качеством, то каждый раз предпочту качество. Потому что Кросби Лукас — самый лучший бойфренд, которого я когда-либо могла пожелать.

— О чем думаешь? — спрашивает он, допивает воду и закидывает бутылку в ближайший мусорный бак идеальным трехочковым.

— Что ты хороший бойфренд.

— Ах так? В чем это?

— В основном в том, что такой скромный.

— Да, я довольно классный.

— И ты умный.

— Я великолепен, но было близко.

Я потираю подбородок.

— И... ты очень быстро бегаешь.

— Хммм.

— Э-э... Ты вроде как привлекательный.

Он издает жужжащий звук.

— Ошибочка.

— У тебя хороший вкус в выборе подружек?

— Снова ошибочка. А ведь ты так хорошо начинала, Нора. Когда у тебя очередная встреча с деканом? Я планирую сказать ему, что у тебя не наблюдается такого прогресса, как мы надеялись.

Я прыскаю.

— Не впутывай в это декана Рипли.

По переулку гуляет прохладный февральский ветер, вызывая у нас дрожь. Мы возвращаемся в помещение и направляемся проверить, как проходит оставшаяся часть шоу, но резко останавливаемся у кухонной двери. По другую сторону кофейного прилавка Нэйт и Марсела сидят без дела. После размолвки на Благорождении у них наблюдается потепление, но, насколько мне известно, ничего существенного между ними фактически не произошло. Тем не менее, в данный момент они вместе едят попкорн из одной миски и их пальцы соприкасаются, когда они одновременно тянутся за ним, продолжительное время смотрят друг на друга, после чего убирают руки и притворяются, что наблюдают за шоу.

Но, несмотря на медлительность движения, я вижу, как нога Нэйта в парусиновой кроссовке сокращает разделяющие их дюймы и останавливается в миг от непосредственного прикосновения к блестящему золотистому ботинку Марселы. Мгновение спустя она перемещает пятку и ударяется ногой о его ногу. Они вновь не смотрят друг на друга, но и не двигаются.

— О, — шепчет Кросби, не менее замороженный. — Кому нужна ловкость рук, когда есть ловкость ног? Возможно, я недооценивал этого парня. Может, он все-таки ведет свою игру.

Мы отходим от двери, не желая мешать.

— Давай выйдем через заднюю дверь, — предлагаю я. — Где ты припарковался?

— В конце квартала.

Наши куртки и моя сумочка лежат в подсобке, мы быстренько забираем их, выходим в переулок и сворачиваем на улицу. По плану мы отправляемся в «У Марвина» после окончания шоу, так что Нэйт дал добро на то, чтобы оставить наши реквизиты на ночь в кофейне. Первую половину вечера я работала, но моя смена закончилась, когда началось выступление Кросби, поэтому я спокойно могу уйти пораньше.

— Думаешь, они когда-нибудь будут вместе? — спрашиваю я. — Ожидание меня убивает.

— Конечно будут, — отвечает Кросби, беря меня за руку. — Разве магия тебя ничему не научила? Все невидимое так же важно, как и то, что ты видишь.

Я вспоминаю свое запоздалое прозрение. Как порой вещи, которые мы делаем, когда думаем, что никто не смотрит, в действительности имеют значение.

— Ты прав.

— Конечно прав.

— Ха-ха.

Мы доходим до его машины, он галантно открывает дверцу и жестом приглашает меня забраться внутрь.

— Погоди. Зачем мы лезем в машину? — спрашиваю я. — Разве мы не собирались в «У Марвина»?

Кросби проверяет время.

— Шоу продлится еще полчаса. У нас есть время.

— На что?

— Вернуться в твою квартиру, чтобы кувырнуться всю ночь напролет.

— О, сердце мое, успокойся.

Он смеется.

— Просто залезай.

Я делаю как велено, и он захлопывает дверцу, после чего обходит машину спереди и залезает на водительское место.

— Хоть намекни, — требую я. Мы условились сегодня не делать ничего особенного, так что происходящее подозрительно похоже на то, что меня обдурили.

— Придержи коней.

Он заводит машину и некоторое время дает ей возможность прогреться, но прежде чем успевает тронуться с места, рядом с нами останавливается машина, маниакально сигналив.

Кросби стонет.

— Черт побери.

Я не могу сдержать смех, когда он опускает стекло, чтобы завидеть Келлана, склонившегося через пассажирское сиденье своей машины, на котором ютятся не одна, а две девчонки.

— Классное шоу! — кричит он. — Ты должен рассказать мне, как сделал ту штуку со стаканом воды!

Девчонки вторят похвалам, и Кросби спокойно, вполне комфортно справляется с таким вниманием. У них не заняло много времени вернуться к статусу лучших друзей, так что я все еще вижу Келлана время от времени. Это не странно, хотя и не совсем нормально, а Келлан похоже забыл свой обет перестать трахаться направо и налево. Однако я уже не тот человек, который переехал в ту квартиру в сентябре, а Кросби не тот человек, за которого я его приняла при первой встрече. Но вот Келлан именно такой, каким казался — никакого притворства, никаких иллюзий. Может, он изменится, а может, и нет. Похоже, что бы он ни делал, у него все получается, а это главное.

Он приглашает нас на вечеринку влюбленных в одном из женских сестринств, но Кросби отмазывается, говоря, что у нас планы. Келлан блудливо поигрывает бровями, желает нам удачи и отъезжает.

— Завидуешь? — спрашиваю я, когда Кросби вздыхает и провожает их взглядом.

Он переводит на меня взгляд.

— Чему?

— Этому. Такому... разнообразию.

— Ты шутишь? — Он выезжает на дорогу и едет в сторону Бернема. — У меня есть Нора-Ботаничка, Нора-Ассистентка, Нора-Осужденная Преступница, Нора-Заядла Тусовщица... Многообразие твоей личности предоставляет мне все разнообразие, которое мне когда-либо потребуется.

— А я не знаю, что вижу в тебе.

Он сгибает руку, и даже в тусклом свете уличных фонарей видно, какие у него впечатляющие мускулы.

— Наверно, этих ребят.

Я щурюсь.

— Ничего не вижу.

Пару минут спустя мы подъезжаем к дому братства и находим свободное место для парковки за несколько домов от «Альфа Сигма Фи». Здание погружено в темноту, парни либо на вечере живого микрофона, чтобы поддержать друзей, или на одной из множества вечеринок по всему кампусу.

— Дом братства, — шепчу я, вылезая из машины и следуя по тротуару за Кросби. — Как мило!

Он шлепает меня по заднице.

— Вот погоди.

Он проводит меня внутрь и вверх по лестнице к своей комнате, отпирает дверь и пропускает вперед. Если б я ожидала лепестки роз и романтическую музыку, то была бы очень разочарована. Она такая же, как всегда, вплоть до уголка журнала «Хастлер», высывающегося из его наволочки.

— Вот, — произносит он, беря в руки пару моих спортивных штанов со спинки стула и бросая мне. — Надень это.

Я хмурюсь.

— У меня такое ощущение, что это полная противоположность того, как я себе все представляла.

— Терпение, кузнечик. Всему свое время.

— Будем надеяться. Ты же знаешь, я люблю спать в этих спортивках. У тебя пять минут, прежде чем я взорвусь.

Он смеется.

— Я проверну все быстро. Переоденься, а я сейчас вернусь. — Он спешит покинуть комнату, и я слышу, как он сбегает вниз по лестнице, пока натягиваю спортивки поверх колготок. Я не сняла свою куртку и, поскольку он тоже этого не сделал, остаюсь в ней, гадая, в чем его задумка.

Это выясняется через пару секунд, когда он возвращается с букетом роз.

— Та-дам! — восклицает он, выхватывая цветы из-за спины.

— Серьезно? Мы же говорили, что не будем ничего готовить!

— Какой смысл во всех этих совместных праздниках, даже липовых, если не отмечать их соответствующе?

— Спасибо, — говорю я, принимая букет и вдыхая аромат. — Они прекрасны.

Он подмигивает мне.

— Ты прекрасна. А теперь положи их и пошли. — Он открывает окно и облачение в спортивки обретает смысл. Я кладу цветы на кровать и вылезая на улицу, Кросби следует прямо за мной.

На крыше расстелено одеяло, мы садимся в центре и оборачиваем края вокруг ног. В отличие от Хэллоуина на этот раз никто не толпится на лужайке, между нами нет расстояния и нет стремления найти кого-то идеального друг другу.

— Это мило, — говорю я, кладя голову ему на плечо.

— За весь год наверно от силы пять ночей это место бывает таким тихим, — отвечает Кросби. — Сегодня одна из них. Ложись на спину.

Мы откидываемся назад, его рука обнимает меня за плечи, моя щека покоится на его груди. Звезды вовсю светят, и долгую минуту мы просто наблюдаем за ними. Даже февральская прохлада не может прорваться в наш чудесный маленький кокон.

— Ты изучала астрономию в прошлом году? — спрашивает Кросби.

— Нет. А ты?

— Нет. Я понятия не имею на какую чертовщину мы пялимся. — Он шарит в кармане своей куртки. — Но вот это я знаю. — Он протягивает мне манильский конверт и наблюдает, как я его открываю и достаю лист плотной бумаги с текстом, напечатанным причудливым шрифтом. Это «Звездный сертификат» заполненный координатами того, где можно найти новую звезду «Нора Кинкейд», заверенный официальной золотой печатью.

— Кросби, — бормочу я, тронутая. — Ты...

— Я немного подумал, — сказал он, — и знаю, как отчаянно ты хочешь внимания. Теперь ты звезда.

Я качаю головой.

— Ты делаешь такие милые вещи. А затем все портишь болтовней.

Чувствую, как его грудь трясется от смеха.

— С Днем Святого Валентина.

Я стону.

— Мой подарок с этим не сравнится. — Мы не должны были обмениваться подарками, поэтому я выбрала кое-что для прикола.

Он поднимает голову, чтобы покоситься на меня.

— Нет? Что это?

— Новый выпуск «Хастлера», а после... секс?

— Оба приемлемы, — говорит он, поглаживая мое плечо. — Кроме того, новый экземпляр «Хастлера» подразумевает, что у меня есть старый, а я думаю, мы оба знаем, что его нет.

— Моя ошибка.

Он садится.

— Все в порядке. Пойдем внутрь и покувыркаемся.

Я тоже сажусь.

— Ты такой романтичный.

Он ухмыляется мне, сексуальный и дерзкий, весь из себя такой, какого я никогда не могла бы и пожелать.

— Когда мы были здесь в последний раз, я отчаянно хотел поцеловать тебя, — удивляет он меня. — Я давно этого хотел, а это место казалось идеальным. И в следующий момент я понимаю, что указываю тебе на парней, с которыми ты могла бы перепихнуться.

— Ты предлагал абсолютных лузеров.

— Да, что ж, у меня свои методы. А теперь оглянись вокруг.

Я смотрю на пустую улицу, затемненные дома, все вечеринки проводятся в сестринствах на другой стороне кампуса. Нет ни машин, ни людей, никаких отвлекающих факторов.

— И что я вижу? — спрашиваю я.

— Ничего, — отвечает он. — Ты видишь то, что тебе хочется, а иногда то, что я желаю,

чтобы ты видела.

— В этом мы вероятно на одной волне.

— Мы оба хотим, чтобы ты видела меня, — подтверждает он.

Я поглаживаю его бицепс.

— Как я могу не видеть тебя? Со всеми этими огромными мышцами... — я закидываю ногу ему на бедро и проскальзываю рукой к его животу под курткой. — И этими шестью кубиками...

— Восьмью, — бормочет он, прикрывая глаза.

— И этими восхитительными взерошенными волосами...

— Не порть все неверными прилагательными.

— Ладно, больше никаких комплиментов. Лишь факты. Я люблю тебя, Кросби Лукас.

— Я тоже тебя люблю, — отвечает он, улыбается и открывает глаза. Его взгляд путешествует от моего лба, по бровям, носу, рту, подбородку. Он просто смотрит на меня.

Видит меня.

Только меня.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Notes

[

←1

]

Сексапады aka похождения

[

←2

]

Бора — холодный Северо-Восточный порывистый ветер

[

←3

]

Отметка неудовлетворительно.

[

←4

]

Живое шоу перед микрофоном в прямом эфире, где выступающими являются сами зрители (Пение, поэзия, речь, развлекательные выступления).

[

←5

]

«Замедленное развитие» (англ. Arrested Development) — американский ситком, вышедший на телеканале Fox с 2003 по 2006 год. В основе сюжета — непростые отношения между членами семьи Блут, находящейся на грани разорения. Рон Ховард является и исполнительным продюсером сериала и закадровым рассказчиком.

[

←6

]

Применяется в США для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности.

[
←7

]

Отметка удовлетворительно.

[
←8

]

Одурманивающее (нередко слабое) вещество, с регулярного приема которого начинается привыкание (наркозависимость).

[
←9

]

Лоис Лейн (англ. Lois Joanne Lane-Kent) — персонаж комиксов о Супермене, его возлюбленная и впоследствии жена.

[
←10

]

Психологический триллер Даррена Аронофски о балерине, которая медленно сходит с ума во время постановки «Лебединого озера».

[
←11

]

Американский ситком, созданный Майклом Патриком Кингом и Уитни Каммингс для Warner Bros. Television.

[
←12

]

Художественный фильм в стиле роуд-муви режиссёра Ридли Скотта.

[
←13

]

Джига — старинный британский танец

[
←14

]

Salt-N-Pepa (Солт-эн-Пэпа) — американское женское хип-хоп-трио из Куинс, город Нью-Йорк

[
←15

]

ИППП — инфекция, передаваемая половым путем.

[
←16

]

Дугообразная косточка в скелете птиц

[

←17

]

Бег нагишом в общественном месте.

[

←18

]

Hustler («Хастлер») — ежемесячный порнографический журнал для мужчин, издающийся в США

[

←19

]

С гей-сленга — подруга гея, которую он выдаёт за свою девушку

[

←20

]

в США марка бутылированной минеральной воды на экспорт